PG 5636
.N69
1849

LIBRARY OF CONGRESS

00000071663

Class PG355
Book .N6
SLAVIC DIVISION

94

О

ВАЖНѢЙШИХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ

ЛУЖИЦКИХЪ НАРѢЧІЙ.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

ПИСАННОЕ НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА

Кандидатомъ Е. Новиковымъ.

МОСКВА.

1849.

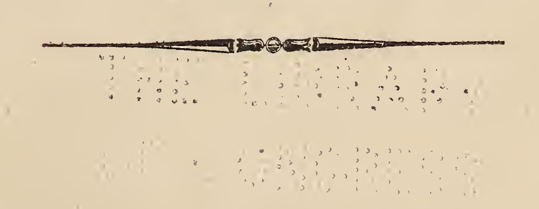
Novikov, E.

О
ВАЖНѢЙШИХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ
ЛУЖИЦКИХЪ НАРѢЧІЙ.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

ПИСАННОЕ НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА

Кандидатомъ Е. Новиковымъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1849.

PG5636
.N69
1849

53839

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета. Сентября 15-го дня 1849 года.

Секретарь Совѣта А. Жигаревъ.

3538
5469

ПОЛОЖЕНІЯ.

1.

Лужицкій языкъ, въ обоихъ нарѣчіяхъ, его слагающихъ, составляетъ переходъ отъ Западной отрасли Славянскихъ нарѣчій, языковъ Чешскаго и Польскаго, къ отрасли собственно Восточной, языку Русскому въ его нарѣчіяхъ.

2.

Два признака системы Добровскаго, принятые Шафарикомъ въ Народопись, какъ отличительные признаки Западной вѣтви, не выдерживаются строго въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ, а ставятъ ихъ чѣмъ-то посредствующимъ между рѣчью Лешско-Чешскою съ одной стороны, рѣчью Русскою съ другой.

3.

Взаимное отношеніе Лужицкихъ нарѣчій, значительно отдаленныхъ одно отъ другаго, гораздо точнѣе опредѣляется приблизительнымъ сходствомъ Верхне-Лужицкаго къ Великорусскому, Нижне-Лужицкаго въ Бѣлорусскому, нежели близостію перваго къ Чешскому (отъ котораго оба значительно разнятся), а втораго къ Польскому (къ которому оба значительно близки).

4.

Особенное, и самое доказательное, сходство нарѣчія Верхне-Лужицкаго съ Велико-Русскимъ—въ іотацизмѣ (смягченіи согласныхъ) и въ вокализаціи (гласности).

5.

Въ Нижне-Лужицкомъ нарѣчіи сохранилось двойственное число въ такой самостоятельности и первобытности состава, которыя указываютъ на происхожденіе, гораздо древнѣйшее начала Церковно-Славянской письменности.

6.

Особенный признакъ первобытности грамматическаго состава обоихъ Лужицкихъ нарѣчій (относительно склоненій) заключается въ совершенномъ тождествѣ падежныхъ суффиксовъ для всѣхъ существительныхъ одинакихъ, или, по крайней мѣрѣ, соотвѣтственныхъ окончаній, по всѣмъ тремъ родамъ, въ падежахъ косвенныхъ.

7.

Въ разнообразіи, весьма ясно сохранившихся въ Верхне-Лужицкомъ нарѣчіи, раздѣльныхъ формъ именительнаго множественнаго, лежитъ возможность точнаго различенія трехъ склоненій существительныхъ именъ рода мужескаго: опредѣленнаго (видоваго), неопредѣленнаго (единичнаго) и собирательнаго (родоваго), по соображенію съ другими Славянскими нарѣчіями, преимущественно Церковно-Славянскимъ.

8.

Изъ всѣхъ, существующихъ нынѣ, Славянскихъ нарѣчій, Лужицкія, оба несравненно ближе, прочихъ подходятъ къ числительной точности Церковно-Славянскаго, въ обозначеніи временныхъ отношеній. Кромѣ прошедшихъ временъ, которыя всѣ

находятся въ полномъ, живомъ употребленіи въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ, времена будущія и условныя находятся въ нихъ на такой степени развитія, которой не замѣчаемъ даже и въ Церковно-Славянскомъ.

9.

Въ словосочиненіи Лужицкія нарѣчія сохранили весьма древнія особенности Славянскаго *праязыка*, утраченныя нынѣ во всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и сохранившіяся только въ Церковно-Славянскомъ, отчасти въ Русскомъ.

10.

Въ обоихъ Лужицкихъ нарѣчіяхъ донынѣ находятся въ полномъ употребленіи отдѣльныя слова, которыя либо вовсе чужды соплеменнымъ нарѣчіямъ, Польскому и Чешскому, либо вышли въ оныхъ изъ употребленія,—а напротивъ составляютъ особенность Русскаго и Церковно - Славянскаго.

11.

Лужицкія нарѣчія, при совершенномъ отсутствіи литературнаго развитія и при враждебномъ Нѣмецкомъ вліяніи, успѣли сохранить вполнѣ свою самостоятельность, продолжая жить въ устахъ народа, въ прежней своей чистотѣ, но въ постепенно уменьшающемся объемѣ.

12.

Особенная упругость Лужицкихъ нарѣчій замѣчается въ томъ обстоятельствѣ, что, при насильственномъ искаженіи ихъ лексической части Нѣмецкимъ наплывомъ, они умѣли оградить цѣльность язычнаго состава и грамматическихъ формъ, вообще органической части языка.

—

Все пространство Сѣверной Германіи, ограниченное съ Сѣвера Балтійскимъ моремъ, съ Востока рѣками Одрой (Одеромъ) и Бобромъ, съ Юга и Югозапада горами Кърконошами (Исполиновыми) и Рудными, а съ Запада чертой, которую можно провести отъ Сосновыхъ горъ побережьемъ Салы и Лабы (Эльбы) до впаденія Одоры (Эйдера) въ море, было занято нѣкогда, въ глубокую древность, многочисленнымъ племенемъ Славянъ, нынѣ исчезнувшимъ, за исключеніемъ маленькой вѣтви Сербовъ Лужицкихъ. За неимѣніемъ общаго племеннаго названія въ лѣтописяхъ средняго вѣка, Шафарикъ обозначилъ многочисленныя вѣтви этого племени именемъ главной рѣки, протекающей на этомъ пространствѣ: названіе не произвольное, а исторически вѣрное. Искони рѣка Лаба принадлежала Нѣмецкому племени, и Одра составляла границу его отъ Славянъ. Но въ эпоху усиленнаго натиска послѣднихъ на предѣлы Нѣмецкіе, отъ V до VIII столѣтія, рѣка Лаба не остановила стремленія ихъ; она стала средоточіемъ Полабскихъ вѣтвей, опиравшихся на Одру съ одной стороны, съ другой доходившихъ, въ отдѣльныхъ поселеніяхъ, до самаго Рейна. Въ народной поэзіи Западныхъ Славянъ замѣтно особенное пристрастіе къ этой рѣкѣ (Чеш. и Пол. Laba, Лужицкое Łobjo), желаніе усвоить ее себѣ, передавъ ей свое, народное названіе. Достойно замѣчанія, что въ извѣстныхъ намъ пѣсняхъ Лужиц-

кихъ изъ отдаленной старины доносятся къ намъ названія только трехъ рѣкъ: Дуная, Моравы и Лабы, какъ самыхъ любимыхъ въ древности мѣстопребываній Славянъ [1].

Шафарикъ, въ превосходномъ отдѣлѣ Славянскихъ Древностей, посвященномъ Полабскимъ Славянамъ, раздѣляетъ ихъ на три главныя вѣтви: Лютичей, Велетовъ или Волчковъ (Lutici, Weletabi, Wilzi), Бодричей (Obotriti), и Сербовъ (Servitii, Surbi, Sorabi) [2]. Двѣ первыя въ XII вѣкѣ окончательно сошли съ поприща жизни. Нѣкогда славныя историческія судьбы ихъ дошли до насъ только въ отрывочныхъ показаніяхъ лѣтописцевъ средняго вѣка, собранныхъ въ возможно полный систематическій обзоръ Каннгиссеромъ, Бартольдомъ и Гизебрехтомъ. Вообще эпоха процвѣтанія ихъ такъ отдаленна, что представляетъ изслѣдователю обширное поле для догадокъ. Чудесные разсказы о богатомъ Волинѣ, изумлявшіе Адама Бременскаго въ XI вѣкѣ; величавыя развалины той же Винеты, существовавшія еще въ XVI вѣкѣ; Арабскія монеты VIII—X в., выкапываемыя и нынѣ въ окрестностяхъ этого города въ необыкновенномъ разнообразіи и свѣжести [3]; обиліе богатыхъ городовъ, въ XI вѣкѣ связывавшихъ все побережье Балтійскаго моря отъ Любека до Новагорода непрерывною торговою цѣпью (откуда, со временемъ, развилась Ганза) [4]: Ореконда (Arcona), Волинъ (Винета), Болегостъ (Wolgast), Дыминъ, Ратара (Rhetra), Рарогъ, Ростокъ, Звѣринъ (Schwerin), Любовъ (Mikilinburg), Старградъ (Oldenburg), Буковецъ (Lübeck), Ратиборъ (Racisburg), Штетинъ (щетина, Burstaborg), Колобрегъ (Kolberg), Выспа (Островъ, городъ на острову, Wisby): все это свидѣтельствуетъ о раннемъ развитіи гражданственности въ Славянахъ Полабскихъ. Когда другіе народы на

---

[1] Volkslieder der Wenden in der Ober und Niederlausitz, v. L. Haupt und J. E. Schmaler, I, пѣсня 148, стихъ 11, стр. 173. — II, п. 91, ст. 9, 11, стр. 81.

[2] Slowanské Starožitnosti, I, str. 868—916.

[3] Объ имени и положеніи города Винеты, Шафарика.

[4] Cestopis do horní Italie, od J. Kollára, 1843, str. 108.

Сѣверѣ только начинали свою Исторію, Лютичи и Бодричи считались уже въ числѣ выморочныхъ. Менѣе бурная жизнь и болѣе мирная участь предоставлены были третьей вѣтви, извѣстной подъ именемъ Сербовъ. Изъ всѣхъ племенъ, входящихъ въ составъ оной, отличились наибольшею историческою значительностію Лужичане, въ предѣлахъ теперешнихъ Нижнихъ, и Мильчане, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Верхнихъ Лужицъ. Вышедъ изъ обширной равнины между Одрой и Вислой, Сербы перенесли на новыя свои поселенія на правомъ берегу Лабы названіе луговъ и прозвались Лужичанами. А какъ землеписные признаки отражаются прежде всего въ названіи народа, то имя обитателей луговъ не только осталось за вѣтвію, первоначально принявшею это названіе, но, мало по малу распространилось и на всѣ соплеменныя вѣтви и вытѣснило прежде знаменитое имя Мильчанъ. Когда же старинное племенное устройство Славянъ уступило новымъ дѣленіямъ, болѣе соотвѣтственнымъ понятію государственной общности и нераздѣльности, имя жупы Лужицкой, въ измѣненной Нѣмецкими устами формѣ Лузаціи (Lauža, laužica, Lausitz), перешло на Лужицкую Краину или Маркграфство. Ранѣе сѣверныхъ соплеменниковъ своихъ, Велетовъ и Бодричей, покоренные Нѣмцами и просвѣщенные Христіанскою Вѣрою, они избѣгли губительной участи, преждевременно постигшей ихъ строптивыхъ собратьевъ, и, раздѣляя всѣ перемѣны счастія сосѣднихъ народовъ, къ которымъ переходили попеременно: Чеховъ, Поляковъ и Нѣмцевъ, не смотря на тѣсныя обстоятельства, сохранились почти неприкосновенными до нашихъ временъ. Путешественникъ, переѣзжая изъ Саксоніи въ Пруссію, съ удивленіемъ встрѣчаетъ маленькій Славянскій народецъ, какъ островъ, по выраженію Шафарика, почти утонувшій въ окружающемъ его со всѣхъ сторонъ Нѣмецкомъ народонаселеніи, и, при всемъ томъ, сохранившій самостоятельностъ обычаевъ и языка. *Познакомиться ближе съ этимъ послѣднимъ, вотъ предметъ моего изслѣдованія.*

При совершенномъ отсутствіи Исторіи, самый фактъ сохранившагося бытія какого либо народа съ самобытнымъ ха-

рактеромъ и роднымъ языкомъ, ручается за присутствіе въ немъ условій жизненнаго проявленія, и приглашаетъ изслѣдователя обратиться къ этѣмъ послѣднимъ, отыскать ихъ во внутреннемъ, задушевномъ быту его. Разумѣется, какъ всякій человѣкъ въ отдѣльности, такъ и цѣлый народъ, которому суждено Провидѣніемъ быть, котораго время еще не успѣло сгладить съ лица земли, тѣмъ самымъ, по закону исторической необходимости, исполняетъ свое призваніе въ жизни. Чѣмъ громче историческія судьбы народа, тѣмъ труднѣе рѣшить вопросъ объ его назначеніи въ Исторіи, въ тѣсной связи съ всемірными цѣлями Промысла, всегда неразгаданными для современниковъ, рѣдко понятными для потомства. Но скромное поприще народной семьи, заключившейся въ одностороннемъ развитіи хозяйственной, такъ сказать, жизни, всегда богато бываетъ внутреннимъ содержаніемъ и облегчаетъ трудъ изыскателя особенной яркостію выдающихся формъ народной жизни, языка и характера. Языкъ, самый почтенный остатокъ старины народа, связываетъ послѣдующія эпохи развитія съ исходною точкою, изображая наглядно, въ постепенномъ своемъ измѣненіи, историческій путь уклоненій отъ общаго праотца. Болѣе или менѣе сохранившееся богатство лексическихъ и грамматическихъ формъ—драгоцѣнный указатель племеннаго сродства и относительнаго старшинства народа, имъ говорящаго, въ ряду другихъ соплеменныхъ. Характеръ же народа, видоизмѣняемый житейскими отношеніями, въ первобытной чистотѣ своей выливается въ своеродномъ, естественномъ проявленіи его мыслящей дѣятельности: въ литературѣ пѣсни или поэзіи народной. И то и другое, и языкъ и народная пѣсня, въ рѣдкой чистотѣ и дѣвственности, указывающей на глубокую древность, сохранилось у Сербовъ Лужицкихъ. Они дорожатъ ими, какъ единственнымъ достояніемъ. Неприкосновенность языка служитъ для нихъ залогомъ сохраненія народности, потрясаемой вѣками, и все еще не утратившейся, благодаря могучему символу народнаго — языку предковъ. А пѣсня имѣетъ еще болѣе тѣсную связь съ религіозными вѣро-

ваніями поющихъ........ [5]. Признакъ души благодарной, она освящаетъ тяжелый трудъ земледѣльца святымъ упованіемъ на щедрость Творца, подобно тому, какъ жаворонокъ отъ сытости возсылаетъ благодарную пѣсню къ невидимому Питателю.

Сравненіе это прекрасно выражено въ началѣ слѣдующей пѣсни, находящейся въ Сборникѣ Смолера, гдѣ сельская невѣста говоритъ объ себѣ:

Sym Serbow Serske holečo (дѣвица)
Mi Hanka rjekaja,
A weslje sebi spjewajo,
Mam spješnosć do džjeła.

Dyž škowrončk ranko zaspjewa
Mi spjewa k stawanju,
A jjedu li do džećeła,
Z nim spjewam na pšemó.
(Съ нимъ пою въ запуски) [6].

Обращаясь собственно къ предмету моего изслѣдованія, прежде всего постараюсь указать на мѣсто, занимаемое Серболужицкимъ нарѣчіемъ въ ряду прочихъ Славянскихъ. Здѣсь, сперва, приведу мнѣнія ученыхъ языкоизслѣдователей и, въ заключеніе, собственное.

До самаго Добровскаго племенное названіе Лужичанъ вводило въ заблужденіе старыхъ филологовъ. Сербъ Поповичь, умершій въ половинѣ прошедшаго столѣтія, отличился страннымъ дѣленіемъ Славянскихъ нарѣчій, на Вендскій й Славонскій разряды. Къ первому, основываясь на инородномъ прозвищѣ двухъ Славянскихъ племенъ, сохранившемся донынѣ въ устахъ Нѣмецкихъ сосѣдей, онъ относитъ двѣ рѣчи: Хорутано-Сло-

---

[5] Собраніе Нижнелуж. пѣс. Гаупта и Смолера, II, отдѣлъ притчей и легендъ (basnički a bamžički), n. 13, стр. 175.

[6] Собраніе Верхнелуж. пѣс. Гаупта и Смолера, I, пѣсня 270, ст. 1—8, стр. 252.

венскую (das Windische in Krain), и Сербо-Лужицкую (das Wendische in Nordteutschland); ко второму — всѣ прочія Славянскія нарѣчія: Русское, Чешское, Польское, Сербское, и пр. Главное различіе между обоими разрядами, по мнѣнію Поповича, заключается въ томъ, что Славонскій склоняется болѣе къ Греческому, а Вендскій къ Англосаксонскому племени (!!). Невозможность отвѣчать, хотя сколько ни будь приблизительно вѣрно, на вопросъ о сближеніи Англосаксонскаго языка съ Лужицкимъ и Хорутанскимъ, оставляетъ неразгаданнымъ поводъ къ такому дѣленію. — Ф. Антонъ, Лужичанинъ, писавшій въ исходѣ прошедшаго столѣтія, принимаетъ дѣленіе, не менѣе странное, на четыре разряда: къ первому, Норскому, относитъ Русскій и Чешскій; къ Сербскому Польскій съ поднарѣчіемъ Кашубскимъ, оба Лужицкія, и вымершій нынѣ Полабскій; къ Иллирійскому Сербскій, Хорватскій, съ ихъ поднарѣчіями; къ Словенскому или Виндскому языкъ Хорутанскій, со всѣми его разнорѣчіями. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, ставится строгое различіе между Сербами Нѣмецкими и Сербами Южными, Иллирійскими [7]. — Аббату Добровскому принадлежитъ дѣленіе новое, основанное на критическомъ сравненіи Славянскихъ нарѣчій между собою [8]. Онъ отчислилъ нарѣчіе Лужицкое къ Западной отрасли вмѣстѣ съ Польскимъ и Чешскимъ, и старался опредѣлить настоящее мѣсто его между послѣдними. Въ Исторіи Чешскаго языка и Литтературы: «Верхне и Нижнелуц-«кая рѣчь занимаетъ средину между Чешской и Польской; но «замѣною гласной *а* болѣе глубокою *о* и частымъ употребленіемъ «шипящихъ вмѣсто нѣмыхъ *d* и *t* клонится болѣе къ Польской, «хотя и чуждается Лешскихъ носовыхъ звуковъ [9]». Тоже опредѣленіе повторяется въ Чешской Грамматикѣ: «Чешскій языкъ

---

[7] Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, v. P. J. Šafařik, 1826, p. 31.

[8] Slowanka, I, 159—195. — Чешская Грамматика, Исторія Чешскаго языка и письменности, предисловіе къ Церковно-Слав. Грамматикѣ и проч.

[9] Gesch. der böhm. Sprache und Litteratur, 2 A. p. 33.

«отличается отъ Словацкаго большею частію только узкими гласными, и, обходя это мелкое различіе, сливается съ нимъ въ «одно нарѣчіе. Отъ Вендскаго въ обѣихъ Лужицахъ и отъ Польскаго Чешскій языкъ отходитъ значительнѣе. Чехъ, въ упо«требленіи гласной *a* приближается къ Южнымъ нарѣчіямъ «первой (т. е., Юговосточной) отрасли, а Славяне Лешскаго «корня предпочитаютъ глубокую гласную *o* [10]». Въ Церковно-Славянской Грамматикѣ Добровскій также указалъ обоимъ Лужицкимъ нарѣчіямъ срединное мѣсто между Польскимъ и Чешскимъ. Языки Западной отрасли распредѣляются тамъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Словацкій; 2) Чешскій; 3) Сербскій (Sorabica) или Вендскій въ верхнихъ Лужицахъ (in Lusatia superiori); 4) Сербскій въ Нижнихъ Лужицахъ (in Lusatia inferiori); 5) Польскій; стало быть, Верхнелужицкій отнесенъ ближе къ Чешскому, Нижнелужицкій къ Польскому, и оба принимаются за нарѣчія отдѣльныя, которыя больше расходятся между собою, нежели три нарѣчія Русскаго, или Кашубское поднарѣчіе съ Польскимъ [11]. — Шафарикъ, въ Исторіи Славянскаго языка и Литтературы по всѣмъ нарѣчіямъ (1826 г.), повторяя дѣленіе Добровскаго, прибавляетъ точнѣйшее опредѣленіе: «Языкъ «Верхнелужицкихъ Сербовъ значительно разнится отъ Нижне«лужицкаго; послѣдній ближе подходитъ къ Польскому, первый «къ Чешскому, такъ что ихъ, по справедливости, можно считать «двумя отдѣльными нарѣчіями [12]». Въ Славянскихъ Древностяхъ, ссылаясь на показанія Добровскаго, принимаетъ ихъ безъ ограниченія и дополняетъ историческимъ доказательствомъ: «Пред«положеніе, будто Лужицкая рѣчь измѣнилась въ самой сущно«сти отъ вліянія Польской и Чешской, во время краткаго гос«подства обоихъ народовъ, и перешла изъ Восточнаго разряда «въ Западный, ни мало не ослабляетъ доказательной силы предъ«идущаго мнѣнія (Добровскаго). Ни одинъ языкъ такъ внезапно

---

[10] Lehrgebäude der böhmischen Sprache, V, VI.

[11] Institutiones linguae slavicae dialecti veteris, 1822, p. VI.

[12] Gesch. der Slaw. Sprache und Litteratur nach allen Mundarten, S. 34, 483.

«и въ такой мѣрѣ измѣняться не можетъ, и принимая чужія «слова и формы, не теряетъ всѣхъ признаковъ первобытнаго «своего состоянія до такой степени, чтобъ зоркій глазъ испы-«тателя не могъ и позднѣе открыть его племенное сродство. «А Лужицкая рѣчь, еще, кромѣ того, по свидѣтельству отдѣль-«ныхъ словъ въ старыхъ грамотахъ и временникахъ, въ глубо-«кую старину, въ сущности совершенно сходилась съ теперешн-«ней»[13]. Въ Славянскомъ Народописаніи Шафарикъ, относя оба нарѣчія, Верхне и Нижнелужицкое, къ одной общей рѣчи, Серболужицкой, видоизмѣняетъ тѣмъ мнѣніе Добровскаго. — Смолеръ, въ предисловіи къ Лужицкимъ пѣснямъ, переведенномъ Гауптомъ на Нѣмецкій языкъ, пишетъ такъ: «Рѣчь верх-«нихъ Лужицкихъ Сербовъ наиболѣе сходится съ Чешскою; «рѣчь Нижнихъ Лужичанъ — съ Польскою, и взаимное раз-«личіе обоихъ нарѣчій такъ велико, что неграмотные Верхніе «и Нижніе Лужичане едва понимаютъ другъ друга[14]». Наконецъ, Іорданъ, въ Грамматикѣ Верхнелужицкаго языка, по тщательномъ сличеніи онаго съ двумя соплеменными, выводитъ заключеніе такого рода, что оба Лужицкія нарѣчія, преимущественно Нижнее, несравненно ближе подходятъ къ Польскому, нежели Чешскому. О взаимномъ же сродствѣ ихъ выражается такъ: «Нарѣчія Верхне-и Нижнелужицкое находятся другъ къ «другу въ такомъ отношеніи, что должны конечно быть при-«знаны отраслями одного и тогоже нарѣчія; при всемъ томъ, «можно положить съ достовѣрностію, что различіе, въ нихъ за-«мѣчаемое, не столько условлено географическимъ раздѣленіемъ «въ продолженіи одного или двухъ тысячелѣтій (потому что «оба нарѣчія, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее тысячелѣтіе, измѣ-«нились немного), сколько различіемъ ближайшаго происхожде-«нія племенъ, говорящихъ ими. Верхній Лужичанинъ и по сю «пору называетъ Нижнихъ Лужичанъ Łužiske, Łuže; но я ни-«когда еще не слыхивалъ, чтобы Нижніе Лужичане прилагали

[13] Slow. Starožitnosti, str. 925.

[14] I, str. 9.

«это названіе Верхнимъ. Всѣмъ языкоизслѣдователямъ извѣстно, «что въ Сѣверозападной отрасли Славянскаго языка играютъ «важную ролю согласныя *g* и *h*, ł и *l*. Теперь Польскій языкъ «имѣетъ отличительнымъ признакомъ *g* и ł, а Чешскій *h* и *l*; «Лужицкіе же: Верхній *h* и ł (переходящее въ произношеніи, «какъ у Польскаго простолюдина, въ чистое w), Нижній — «*g* и *l*. Сообразивъ сказанное съ тѣмъ обстоятельствомъ, что «Лужицкія нарѣчія въ продолженіи столькихъ столѣтій стоятъ «почти на одной и той же ступени развитія, а равно и съ «другими историческими доказательствами, не трудно притти къ «заключенію, что Верхній и Нижній Лужицкіе языки составляли «первоначальное нарѣчіе Славянъ на Вислѣ и Западной Двинѣ; «что оставшіяся по выселеніи Лужичанъ племена успѣли сбли- «зиться и перемѣшаться, и, такимъ образомъ, Польскій и Чеш- «скій языки успѣли постепенно образоваться въ формахъ сво- «ихъ, между тѣмъ какъ Лужицкая рѣчь осталась чуждою вся- «кому обмѣну» [15].

Слагая въ одно приведенныя свидѣтельства и выводя изъ нихъ самые главные итоги въ короткихъ словахъ, получимъ слѣдующее:

1) Лужицкая рѣчь принадлежитъ къ Западной отрасли Славянскихъ нарѣчій, не смотря на мнѣніе, оспориваемое Шафарикомъ, хотя письменно нигдѣ не высказанное, о принадлежности онаго (не въ нынѣшней формѣ, а въ старинной, доисторической), къ вѣтви Восточной.

2) Лужицкая рѣчь занимаетъ средину между Польской и Чешской, и въ обоихъ нарѣчіяхъ, Верхне и Нижнелужицкомъ, ближе подходитъ, вообще говоря, къ языку Польскому, хотя въ частностяхъ Верхнее представляетъ болѣе сходства, или, вѣрнѣе сказать, меньше различія съ Чешскимъ, нежели Нижнее.

3) Лужицкая рѣчь, въ извѣстную намъ историческую эпоху, не подверглась почти никакимъ измѣненіямъ, и, при возмож-

---

[15] Grammatik der serbisch-wendischen Sprache in der Oberlausitz, im systeme Dobrowsky's abgefasst, v. J. P. Jordan, Prag, 1841, S. 5.

номъ вліяніи со стороны Польской и Чешской, сохранила упругость и самостоятельность.

4) Каждое изъ Лужицкихъ нарѣчій и въ настоящемъ составѣ обнаруживаетъ явные признаки несомнѣннаго старшинства противъ двухъ соплеменныхъ: Польскаго и Чешскаго, потому что, по замѣчанію Іордана, признаки, встрѣчаемые въ отдѣльности въ каждомъ изъ нихъ, перемѣшаны въ Польскомъ и Чешскомъ.

5) Но, между тѣмъ, оба нарѣчія, сравнительно одно съ другимъ, обнаруживаютъ не только въ настоящемъ видѣ, но и за цѣлое тысячелѣтіе, различіе довольно значительное, котораго сущность опредѣляется близостію Верхнелужицкаго къ Чешскому, Нижнелужицкаго къ Польскому, и которое, по мнѣнію Іордана, условлено разностію происхожденія племенъ, говорящихъ ими.

6) Лужицкая рѣчь вообще, и въ особенности Нижнелужицкая, не смотря на нѣкоторыя Нѣмецкія слова въ ней (которыхъ гораздо меньше, нежели сколько ожидать можно было, меньше противу всѣхъ прочихъ Западныхъ нарѣчій), въ богатствѣ и обиліи древнихъ формъ, и въ совершенномъ безразличіи съ ея древними памятниками, представляетъ и теперь еще драгоцѣнный остатокъ общаго праотца Славянскихъ нарѣчій, нынѣ утраченнаго.

Изложивши мнѣнія ученыхъ о мѣстѣ, занимаемомъ Лужицкою рѣчью въ ряду прочихъ Славянскихъ, перехожу къ *обозрѣнію важнѣйшихъ особенностей Верхне и Нижнелужицкаго нарѣчій*. Обозрѣніе это, въ связи съ историческими доводами, послужитъ къ точнѣйшему рѣшенію вопроса. По недостатку какихъ либо значительныхъ памятниковъ Лужицкаго нарѣчія, и по совершенному отсутствію Литтературы, главнымъ источникомъ остаются народныя пѣсни, въ которыхъ, по замѣчанію Смолера, языкъ сохранился въ наибольшей чистотѣ. Во всякомъ случаѣ, оставляя безъ вниманія различія обоихъ нарѣчій, буду разсматривать ихъ въ совокупности одной общей Лужицкой рѣчи, потому что въ каждомъ отдѣльномъ нарѣчіи сохранились весьма важныя особенности, которыхъ не замѣчаемъ въ другомъ.

Всякій языкъ разсматривать можно съ трехъ сторонъ, по тремъ его отношеніямъ: 1) въ составныхъ звукахъ, служащихъ къ образованію язычнаго остова, и въ ихъ сочетаніи; 2) въ отношеніи къ грамматическимъ формамъ, къ Этимологіи и Синтаксису; 3) въ отношеніи лексическомъ, въ корняхъ, составляющихъ наличный капиталъ языка. Подвергая Лужицкія нарѣчія такому тройному анализу, находимъ: а) что въ словообразованіи (Wortbildung) они уравновѣшиваютъ собою признаки Западной вѣтви и собственно Русскаго языка Восточной; б) что грамматика ихъ представляетъ и нынѣ изумительное сходство съ Церковно-Славянскою, и, дополняя ее обиліемъ древнихъ формъ, сохранившихся въ Лужицкомъ нарѣчіи, во многомъ облегчаетъ рѣшеніе трудной задачи о возсозданіи стараго, Всеславянскаго языка; 3) наконецъ въ Словарѣ, хотя и представляютъ наибольшее сходство съ языками Западной отрасли, но въ отдѣльныхъ словахъ сохранили слѣды ближайшаго сродства съ языками Восточной, преимущественно Русскимъ и Церковнославянскимъ. Обратимъ вниманіе на каждое изъ этѣхъ отношеній въ отдѣльности.

Для того, чтобы точнѣе опредѣлить относительное положеніе Лужицкихъ нарѣчій въ системѣ Славянскихъ, необходимо имѣть извѣстныя данныя о постепенности взаимнаго сродства Славянскихъ нарѣчій. Новѣйшія попытки усовершенствовать дѣленіе Добровскаго не только не уяснили, но еще болѣе запутали и безъ того уже темный вопросъ. Въ теперешнемъ состояніи Славянскаго языковѣдѣнія наука дошла до совершеннаго отрицанія системы Добровскаго, какъ системы искусственной, и, слѣдовательно, не болѣе прежнихъ удовлетворяющей потребностямъ критики. Но это голословное признаніе мало принесло пользы: разрушали старое, и разрушали не совсѣмъ безпристрастно, но не создали новаго. При всей недостаточности, дѣленіе Добровскаго все же понынѣ остается единственнымъ, которое можетъ имѣть притязаніе на мѣсто въ наукѣ, потому что одно только основано на критическомъ сравненіи Славянскихъ нарѣчій между собою. Это право система гонимая стяжала именно тѣмъ, что силилась разрушить новѣйшая кри-

тика, — *признаками* или *примѣтами* обоихъ разрядовъ Славянскихъ нарѣчій, которыя выдерживаютъ строгую критику, по крайней мѣрѣ, относительно Церковно-Славянскаго и Сербскаго въ отдѣлѣ Антскомъ, Польскаго и Чешскаго въ отдѣлѣ Славянскомъ. На развалинахъ униженнаго, низведеннаго на степень ученаго софизма, построенія Добровскаго, противники создали, правда, нѣсколько новыхъ, но безъ всякихъ филологическихъ данныхъ, по крайней мѣрѣ, безъ ясной научной отчетливости въ причинахъ, которыя заставляли ихъ предпочитать одно дѣленіе другому. На мѣсто вытѣсненныхъ 10 признаковъ Добровскаго, или лучше въ дополненіе имъ, одинъ только Шафарикъ добросовѣстно выставилъ нѣсколько новыхъ. Всѣ прочіе строили новое на мечтательной, недоказанной основѣ. Довершеніе прежнимъ попыткамъ положилъ Максимовичь, который въ своей системѣ предоставилъ Восточному, исключительно Русскому, отдѣлу объемъ одинаковый со всѣми Западными, и двѣ половины отдѣла Западнаго: Сѣверозападную и Югодунайскую, сближенныя между собою, въ равномѣрномъ отдаленіи отъ Русской рѣчи, онъ относитъ къ этой послѣдней, какъ разрозненныхъ чадъ родной сестры ея, рѣчи Западно-Славянской. Но не льзя не замѣтить, что такое загадочное старѣйшинство языка Русскаго предъ всѣми Славянскими, не исключая Церковнаго, основанное пока только на его полногласіи, не прежде можетъ получить право гражданства, какъ когда утвердится на ясныхъ примѣтахъ язычныхъ, которыя и сами вѣрнѣе бы соотвѣтствовали своему назначенію, чѣмъ примѣты Добровскаго. Пока это не сдѣлано, наука новой системы не приметъ, а должна по неволѣ руководствоваться прежнимъ, хотя и устарѣвшимъ, дѣленіемъ.

Впрочемъ, изъ всѣхъ попытокъ противниковъ системы Добровскаго для науки выработалось весьма важное пріобрѣтеніе, состоящее въ томъ, что Русскій языкъ не можетъ быть безусловно отнесенъ ни къ тому, ни къ другому отдѣлу, а общностію признаковъ, принадлежащихъ обоимъ, занимаетъ, по видимому, *какое то* среднее, переходное мѣсто. При нынѣшнемъ скудномъ, пока, знаніи нашемъ Русскаго языка въ нарѣчіяхъ, объ немъ

можно сказать утвердительнаго только то, что онъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ сохранилъ наибольшую свободу въ употребленіи признаковъ, отчисленныхъ къ тому и другому разряду. По этому изо всѣхъ видовыхъ примѣтъ Добровскаго, только третья и четвертая, самыя главныя, если не всюду, то, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, подчиняютъ Русскій языкъ Юговосточному разряду Славянскихъ. Всѣ остальныя либо уравновѣшиваютъ въ немъ признаки обоихъ разрядовъ, либо прямо подводятъ подъ Западный. Имѣя въ виду отстоять справедливость дѣленія Добровскаго относительно языка Русскаго, Шафарикъ въ Народописаніи отложился оть многосложныхъ примѣтъ его и удержалъ только 3-ю и 4-ю, послѣднюю съ распространеніемъ смысла ея такими словами: «Въ Юговосточномъ говорѣ *д* не вставляется передъ *л*: сало (садло), мыло (мыдло), и пр. *Д* и *т* опускаются передъ *л* и *н*: а) палъ (падлъ), велъ (ведлъ), шелъ (шедлъ), кралъ (крадлъ), счелъ (счетлъ), цвѣлъ (квѣтлъ); б) вяну (вадну), свѣну (свитну),» (д) и пр.

Съ своей стороны, приводя Лужицкую рѣчь въ естественное прикосновеніе съ Русскою, мы должны разсмотрѣть ее въ отношеніи къ обоимъ признакамъ, въ которыхъ Русскій языкъ такъ рѣзко отходитъ отъ прочихъ язы въ Западной отрасли. До сихъ поръ ни одно возраженіе (исключая двухъ, трехъ замѣчаній Максимовича), не касалось Лужицкихъ нарѣчій. Никто изъ нашихъ филологовъ не оспоривалъ его принадлежности къ Западной отрасли и ближайшаго сродства съ языками Чешскимъ и Польскимъ. Сомнѣніе родилось на Западѣ, и хотя письменно нигдѣ не высказано, но существуетъ, потому что Шафарикъ нашелъ нужнымъ письменно же опровергать его. Увидимъ, на сколько оно основательно.

Относительно вставочной, благозвучной *л* (такою признали ее два высшихъ знатока Славянскаго языковѣдѣнія, Добровскій и Шафарикъ) [16], Лужицкій языкъ, въ настоящемъ видѣ, дѣй-

---

[16] Мнѣніе Максимовича о производственности окончанія Западныхъ Слав. нарѣчій на ja, и о первоначальности Русскаго (Серб. и пр.) *ля*, въ ко-

ствительно слѣдуетъ общему правилу Западныхъ Славянскихъ нарѣчій, замѣняющихъ ее умягчающей *j*. Лужичанинъ говоритъ zemja, konopja, pšigotuju (-овлю), zgubjona, zlubjona, и пр. [17]. Но есть указанія, что въ старину Лужицкій языкъ не чуждался и вставочной *l*. Въ старыхъ грамотахъ встрѣчается имя селенія въ предѣлахъ Сербскаго племени Гломачей, на лѣвомъ берегу Лабы, въ окрестностяхъ Мышна (Мейссена): Do*bl*in [18]. Подобное образованіе мѣстныхъ названій встрѣчается только въ Славянахъ отрасли Юговосточной: Ze*ml*in, Li*pl*jan, Luko*ml*', Budi*ml*', и пр. [19]. Если по лѣвому теченію Буга, въ предѣлахъ Лешскаго племени, находимъ Люблинъ, то это единственное исключеніе свидѣтельствуетъ только о довольно значительномъ распространеніи Русскихъ вѣтвей по ту сторону пограничной рѣки. По крайней мѣрѣ древніе памятники Польской письменности показываютъ, что въ старину языкъ Польской съ особенною строгостію придерживался правила о замѣнѣ вставочной *л* умягчающей *j*: нынѣшнее kr*oplja* звучало въ немъ kr*opja*, — слово тѣмъ болѣе достойное вниманія, что на него, между прочимъ, ссылались противники системы Добровскаго въ возраженіяхъ, заимствованныхъ изъ языковъ Западной отрасли [20]. Въ Лужиц-

торомъ *л* считается кореннымъ, основано на общемъ будто бы законѣ Славянской рѣчи, въ силу котораго имена, кончащіяся на губной звукъ съ *ь*-мъ, принимая родовой членъ (?) *a*, всегда отбрасываютъ *ь*. Противъ общности такого закона въ Лужицкомъ нарѣчіи говоритъ то именно слово, которое самъ Максимовичь приводитъ въ примѣръ въ формѣ: *копор*', *копора*. Пѣсни показываютъ, что изъ *копор*' въ самомъ дѣлѣ образуется первоначальная, правильная форма *копор*ja (а не *копора*), которую, стало, быть вовсе не нужно считать за производную изъ нашей формы: *конопля:* до tych'lej hustych konopi.... we tych'lej hustych konopjach: I, 162, 11, 13, 18.

[17] Сборн. пѣс. Луж. Гаупт. и Смол. I, п. 5, ст. 4, 41; 11, 1; 29, 18; 50, 60; 133, 34; 139, 6; 183, 6;—I, 8, 6; 31, 8; 74, 8; 130, 2;—I, 37, 52; II, 196, 8;—I, 162, 13; II, 175, 6;—II, 174, 30; 184, 26, и проч.

[18] Slow. Starož. Šafař. I, str. 914.

[19] Тамж. str. 624, 617, 557, 653.

[20] „Dawniéj używano kropja zamiast kropla.“ Rozprawy o języku polskim i o jego grammatykach: J. N. Deszkiewicza, 1843, str. 136.

комъ нарѣчіи, на оборотъ, благозвучная *л* мало по малу изгладилась. Впрочемъ, и нынѣ еще не терпимо въ немъ сочетаніе губной *в* съ мягкою *ю*; оно опускаетъ губную, или лучше сливаетъ съ послѣдующею мягкою: łoju вм. łowju. И нынѣ еще, въ Нѣмецкихъ словахъ, перешедшихъ въ Лужицкую рѣчь, встрѣчающееся сочетаніе губныхъ съ текучею *л* постоянно удерживается: grybljowaś (grübeln), koblja (Kabel), kopla (Kuppel), rumpljowaś (rumpeln), и пр., стало быть, оно до сихъ поръ въ чужихъ словахъ не противно Лужицкому уху. Изъ чисто Славянскихъ словъ, составляющихъ исключеніе изъ общаго правила, Максимовичь приводитъ только одно: robl вм. rob' (воробей). Но здѣсь *l* коренная, потому что въ именит. падежѣ wróbel или wrobyl не слѣдуетъ непосредственно за буквою *б*, а раздѣляется отъ нея гласною *е*, которая въ косвенныхъ падежахъ выпадаетъ [21]. Такъ въ пѣсняхъ Верхнелужицкихъ: kucheń budže 'robyl twarić; — zady našej' kolnje róblki twarja; — zwadźiła so pocpula z róblom; — ja tam widžich róbla lećo [22]. Сокращенное существительное robl можно сравнить съ сокращеннымъ же 'rebl вмѣсто hrebyl, гдѣ *л* коренная не идетъ въ примѣръ. Но въ уменьшительномъ krepelka отъ krepka (Пол. kroplia), капля, выступаетъ во всей чистотѣ благозвучная *l* [23]. — Еще нѣсколько словъ, стоящихъ особнякомъ: Нижнелуж. и Пол. groblja, плотина, запруда, перемычка, Малорус. гребля (Верхнелуж. hrabja, Словац. hrable); skoblja, скобка (Пол. skobel, Чеш. skoba), skobelka, kramlja, крючокъ, krepljaty, кривый, kreplis кривить, кривлять, и т. д., составляютъ скудные, хотя и замѣчательные, остатки стариннаго, можетъ быть, общаго употребленія вставочной *л* въ Нижнелужицкомъ нарѣчіи [24].

---

[21] Луж. пѣсни: I, str. 323, въ замѣч. Смолера.

[22] Тамж. I, 273, 21; 61, 7; 231, 2; 243, 1.

[23] Dyrbiš mi krepki ličić: Луж. пѣсни: I, 151, 35; na kojždym łopešku krepelka će: I, 15, 25.

[24] Niederlausitz wendisch deutsches Handwörterbuch, v. J. G. Zwahr, 1846, S. 99, 168, 322.

Гораздо строже выдерживается въ Русскомъ языкѣ вторая примѣта Шафарика: о выпускѣ въ причастіи спрягаемомъ коренныхъ *d* и *t* предъ суффиксомъ глагольнымъ. Равно и Лужицкая рѣчь представляетъ особенно важныя уклоненія отъ общаго правила Западныхъ Славянскихъ нарѣчій, въ силу котораго *d* и *t* удерживаются въ окончаніи причастій спрягаемыхъ [25]. 1) Лужицкій языкъ, какъ и Чешскій, въ глаголѣ hić отходитъ отъ строгости соблюденія этого правила въ Польскомъ, гдѣ въ причастіи спрягаемомъ szedł не опускается *д*, заимствованная изъ неупотребительнаго въ настоящемъ времени корня szedu: Пол. szedł, шелъ; Луж. В. šoł, Н. šeł. 2) Народный языкъ, преимущественно въ Верхнелуж. нарѣчіи, не терпитъ неблагозвучнаго сочетанія *d* съ твердою ł или *w*, безъ послѣдующей, и даже съ послѣдующею гласною, и выпускаетъ твердое ł въ произношеніи: wed' je, вм. wedł je [26]. Въ этомъ случаѣ Верхнелужицкій языкъ вполнѣ сходится съ Хорутанскимъ, по Зильскому поднарѣчію, гдѣ вставочная *д* вытѣсняетъ въ произношеніи коренную согласную *в* (твердое *л*): sadvo, motovidvo, (sado, motovido), и съ Русскимъ въ словѣ *стадо*, которое, по сличенію съ Верхнелужицкимъ stadło [27] и Нижнелужицкимъ stadlo, есть не что иное, какъ сокращенное *стадло*, гдѣ вставка *д* вытѣснила въ произношеніи коренное твердое *л*. 3) Нѣкоторые глаголы въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ, сколько можно заключать изъ пѣсень народныхъ, отбрасываютъ коренную согласную *д* и *т*: а) глаголъ *цвѣту*, *цвѣсти*, тѣмъ болѣе замѣчательный, что Шафарикъ приводитъ его въ образецъ втораго

---

[25] Луж. пѣсни: I, wedłój, 63, 4; wjadli: II, 195, 57; pšiwjadli: II, 45, 2; kładli, II, 195, 48; horjerostła: I, 45, 22; wurostła: 103, 2; 136, 101; 264, 7.

[26] Луж. пѣсни, I, 16, 8; 243, 14.

[27] Stadło hojbikow pšilečalo, Луж. пѣсни, I, 1, 57. — Словарь Цвара, S. 349. Но Польское и Чешское stadło, stadlo отлично значеніемъ отъ stado; въ Пол. оно значитъ чета, а въ Чешскомъ пристанище, какъ бы stawadlo. Только въ Луж. сохранилось первоначальное значеніе стада, самое же слово stado не существуетъ.

признака, отдѣляющаго Западный говоръ отъ Юговосточнаго: Пол. kwitnąć, kwitnął, Чеш. kwésti (-tnauti) kwětl, Н. Луж. kwitł; но В. Луж. kćjeć, kću, въ причастіи спрягаемомъ откидываетъ коренную *t*: kćjeł, или, вѣрнѣе, только переставляетъ ее въ видѣ мягкаго *ć* на мѣсто утраченной *w* [28]. б) *пряду*, *пряль*, В. Луж. pšadł, въ Нижнелужицкомъ нарѣчіи въ пѣсняхъ всюду откидываетъ коренную *d*: pšjeł [29]. в) Наконецъ, причастіе спрягаемое глагола *росту* встрѣчается разъ, въ Нижнелуж. пѣсняхъ, безъ коренной *t*: zrosła вм. zrostła [30]—4). Въ другихъ же глаголахъ языкъ преимущественно Верхнелужицкій, удлиняя краткую форму причастія спрягаемаго, въ народныхъ пѣсняхъ всюду правильно опускаетъ коренную согласную *d*. Таковы: panyć, panył, pańeny, вм. padnyć, padnył, padńeny, пасть, палъ, павшій; — synyć so, synył so, syneny, вм. sydnyć, sydnył so, sydneny, сѣлъ, сѣсть, сѣвшій, — kranyć, kranył, красть, кралъ; (Чеш. и Пол. padł, sedł, kradł); — отглагольное kranenje, кража. Тоже отчасти и въ Нижнелужицкомъ нарѣчіи: kšanuś вмѣсто kšadnuś; но въ немъ уже чаще встрѣчается полная форма глаголовъ: padnuł, sednuł, и пр. [31]. Между тѣмъ въ книжномъ языкѣ Верхнелужицкомъ, а равно и въ чужихъ словахъ, постояно удерживается коренная *d*: krydnyć, krydnył (kriegen),

---

[28] Zakćjeła: Луж. пѣсни, I, 103, 3. — Rozkwitła: II, 13, 2.

[29] Pšadła: I, 286, 1; napšadła: I, 286, 3; 270, 22; dopšadł: I, 286, 4. — II: żowco cerwene pšjeło jo: II, 42, 15; wele ty sy napšjeł? много ли ты напрялъ? пѣсня 93, ст. 11.

[30] To mjesto zrosła leluja: Луж. пѣсни, II, 174, 25.

[31] Panyć, popanyć, napanyć, spanyć, pšepanyć, wupanyć, dopanyć, nadpanyć. Луж. пѣсни, I, 3, 9, 31; 25, 28; 29, 2—4; 57, 1; 222, 10; 290, 42; 297, 19; 302, 1. — Нижнелуж. padnuła: II, 21, 1. В. Луж. языкъ сходится въ этомъ съ Южно-Сербскимъ: препанути, пропануле, пропанула, допануо, напануле: см. пѣсни Ю. Сербскія, изд. Караджитемъ: II, стр. 31, ст. 145, 160; 82, 12; 129, 131; 383, 144; 528, 108. Но тамъ встрѣчается и полная форма: попаднула: II, 408, 224; — между тѣмъ какъ въ В. Луж. нарѣчіи опущеніе *d* въ этомъ словѣ соблюдается строго. Synyć, wobsynyć, — kranyć, pokranyć: Луж. пѣсни I, 25, 11; 43, 13; 48, 4; 63, 7; 104, 2; 113, 12; 125, 33; 208, 2; — II, 67; 113, 24; 213, 25; 223, 51.

гдѣ *d* образовалось изъ Нѣм. *g* [32]. Вообще выпускъ кореннаго *d* передъ *n*, который Смолеръ неправильно называетъ Assimilirung (ибо эта послѣдняя состоитъ въ преложеніи, а не въ выпускѣ буквы), есть одна изъ особенностей Верхнелужицкаго нарѣчія, и встрѣчается часто въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ: žany вм. žadny, Пол. и Чеш. žadny; prjeni (prjedni), Пол. przedni, Чеш. přední; srjeni (srjedni); posleni (posljedni), Чеш. и Пол. posledni; rjany (rjadny), Н. Луж. rjedny; jenom, jenož (jednom, jednož); połnja, (połdnja); pola (podla). Нижнелужицкій языкъ и въ пѣсняхъ народныхъ почти всюду удерживаетъ *d*, и только въ нарѣчіи bogala (Бога для) постоянно откидываетъ [33].

Въ нарѣчіи Верхнелужицкомъ вставочное *d* предъ твердымъ ł, въ именахъ существительныхъ, слѣдуя общему правилу Западныхъ Славянскихъ нарѣчій, никогда не выбрасывается; но самое ł коренное, переходя въ произношеніи въ чистое *w*, почти исчезаетъ, какъ замѣчено выше въ Русскомъ и Серб. *стадо*, и въ языкѣ Хорутанскомъ. Въ пѣсняхъ соблюдается неизмѣнное правописаніе: kšidło, kšidlař, kšidlesko, módło, widła, jjedła, jjedlenka, spusćadło, motedło, modlić so, и т. д. [34]. Только žorło, Пол. zrzódło, Чеш. zřjdło, жерло, составляетъ исключеніе. Но въ Нижнелужицкомъ, вообще болѣе Верхняго сохранившемъ слѣды старобытности, *d* передъ ł выпускается по произволу во всѣхъ именахъ существительныхъ средняго рода на -adło,

---

[32] Луж. пѣсни, I, 11, 77; 105, 20; 106, 6; 152, 10; 160, 17; 287, 9.

[33] Луж. пѣсни I, 1, 13, 21; prjeni: I, 1, 3, 49; 2, 17; 3, 15; 67, 5; 114, 3; 127, 3; 132, 10; 153, 5; 251, 36; 262, 45; prjenši, pšjeniši: I, 98, 3; 107, 2; — posleni: I, 50, 38; 175, 1; 241, 2; 291, 28; rjany: I, 2, 32; 8, 4, 18; 11, 22; 18, 2; 29, 26; 38, 12; 67, 41; 147, 35; 151, 20, 50; 180, 5; 223, 9; 331, 49; rjanosć: I, 38, 12; 50, 2; 90, 25; 166, 22. — Dopołnja, pšipołnju, popołnju: I, 16, 22, 24, 26; pola: I, 171, 6. Нижнелужицкое sljedni, II, 185, 38; prjeni, II, 1, 24; Bogala, II, 103, 9.

[34] Луж. пѣсни, I, 276, 127; 223, 9; 94, 27; 132, 41; — 151, 12; — 77, 15; — 2, 1; 29, 1; 40, 16; — 226, 60; — 278, 22; — 57, 30; и т. д. — stadło, stadleško, 1, 57; 173, 6.

-idło, -jedło, -ydło. Правда, въ пѣсняхъ Нижнелужицкихъ, изданныхъ Смолеромъ, не находимъ ни одного примѣра подобнаго выпуска [35]; но въ Грамматикѣ Гауптмана, списанной, по наслышкѣ, съ языка народнаго, встрѣчаемъ много такихъ существительныхъ, въ которыхъ, по выпускѣ вставочной *d*, либо остается чистое ł, либо переходитъ въ произношеніи въ *w*: на пр., broniło, броня; gjarło и gjarwo, горло; podgjarło; kšyło и kšywo, крыло; kšyło, кровля; kosyło, петля; mocyło, мочило; gljedało, зеркало, точь въ точь какъ Южно-Сербское *огледало* (вмѣсто котораго употребляется и Нѣмецкое špihel); sało и sawo, сало; rało, radlica, ralica, рало, плугъ; tšašyło, страшилище; žrjeło жерло; zawjerało, ставень извнѣ; pokšiwało, покрывало; zasuwało, ставень изнутри [36]. А въ уменьшительныхъ выпускъ *д* предъ *л* становится правиломъ въ Нижнелужицкомъ нарѣчіи: žrjelko, kšylko. Giarlisko вмѣсто gjardlisko, и даже Верхнелужицкое hor*l*eško вм. hor*dl*eško встрѣчается въ пѣсняхъ [37]. Всего же замѣчательнѣе слово selišćo, употребляемое нерѣдко вмѣсто sedlišćo, чисто по Русски или по Церковно-Славянски: селище. И такъ, вообще говоря, Лужицкій языкъ представляетъ уклоненія немаловажныя отъ признаковъ, принадлежащихъ Западнымъ Славянскимъ нарѣчіямъ, уклоненія, которыя, въ строгомъ смыслѣ, удаляютъ его отъ соплеменныхъ нарѣчій, Чешскаго и Польскаго, и приближаютъ къ языкамъ Восточной отрасли, особенно безразличному Русскому.

Но, кромѣ отрицательнаго сходства въ примѣтахъ, лишившихся нынѣ доказательной силы, Лужицкій языкъ имѣетъ существенныя сходства съ Русскимъ относительно звуковъ: 1) согласныхъ, и 2) гласныхъ.

---

[35] На пр. tšašadło, Луж. пѣсни, II, 12, 2, 3.

[36] Zwahr, p. 75, 167, 172, 214, 275, 318, 328, 381. — Nieder-Lausitzsche Grammatica, v. J. G. Hauptmann, 1761, p. 146. — Предисловіе Гаупта и Смолера къ 2-му т. изданія пѣсень, II, стр. 7.

[37] 'Comej jen zaźernuś za kłusto gjarlisko, говоритъ Св. Георгій избавленной имъ отъ змія дѣвицѣ: II, 195, 46. — Šitke naše holčatka maja piekne horleška: I, 226, 6; łastolčka z čerwenym horleškom: I, 267, 15.

1) Все богатство коренныхъ звуковъ Славянской рѣчи состоитъ преимущественно въ подвижности звуковъ согласныхъ, допускающихъ различныя степени іотацизма или смягченія, смотря по качеству слѣдующихъ за ними гласныхъ. Языки соплеменные, Романскаго и Нѣмецкаго корня, не имѣя различія твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, вмѣсто которыхъ господствуетъ у нихъ неопредѣленное среднее произношеніе, нисколько не соотвѣтствующее разнымъ степенямъ повышенія и пониженія звуковыхъ органовъ, чуждаются, по этой причинѣ, многихъ звуковъ первоначальныхъ, съ которыми свыклось Славянское ухо. Отсюда отсутствіе во многихъ изъ нихъ звуковъ *ж*, *ч*, и *ш* (не говорю уже о производныхъ *щ*, *дж* и пр.), которые сами по себѣ, не что иное, какъ смягченные *з*, *ц* и *с*. Но изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, во всей чистотѣ и первоначальной раздѣльности, сохранилось различіе твердыхъ и мягкихъ согласныхъ въ одномъ только Русскомъ. Особенность нашего языка состоитъ преимущественно въ соблюденіи цѣльности кореннаго звука, не переходящаго, при іотацизмѣ, въ другіе созвучные. Послѣднее есть признакъ косноязычія, замѣчаемаго какъ въ лицахъ отдѣльныхъ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ. Большая часть Славянскихъ нарѣчій не въ состояніи произносить иныхъ умягченныхъ согласныхъ безъ примѣси шипящаго звука, который происходитъ естественно отъ слiянія согласной съ придыханіемъ *j*. Одинъ только Русскій языкъ для каждой твердой согласной имѣетъ соотвѣтственную согласную мягкую, сохраняющую цѣльность кореннаго звука. Въ немь мягкое *р* не мѣняется въ *ржь*, какъ въ Польскомъ и Чешскомъ, мягкое *д* не мѣняется въ *джь* или *дзь*, какъ въ Лужицкомъ и Польскомъ, и т. д. Изъ прочихъ Славянскихъ одни только Лужицкіе, въ совокупности, но въ особенности Верхній, приближаются довольно значительно къ Русской отчетливости въ чистотѣ различенія твердыхъ и мягкихъ. Въ немь всѣ согласныя твердыя допускаютъ смягченіе, не измѣняясь въ созвучныя шипящія, исключая зубныхъ *d* и *t*, которыя, смягчаясь, принимаютъ сложные звуки *dž* (съ едва слышнымъ *ž*, Пол. *dz*) и *ć* (нѣчто среднее между *c* и *č*).

Но въ Любійскомъ поднарѣчіи Верхнелужицкаго очень часто слышится мягкое чистое *ть*: Будыш. z miłoscje, Люб. z miłostje (замѣч. Смол. II, стр. 277). За Лужицкими слѣдуетъ Польскій, который, кромѣ зубныхъ *d* и *t*, переходящихъ при іотацизмѣ въ *dz* и *c*, не допускаетъ вторичнаго смягченія уже смягченныхъ *z* и *sz*, не имѣетъ и мягкаго чистаго *r* и мягкаго *ch*. Другія нарѣчія пользуются еще несравненно меньшей свободой смягченія звуковъ: Чешское не допускаетъ его относительно буквъ: *h*, *k*, *ch*, *l*, чистаго *r*, *s*, *š*, *z*, *ž*; въ Сербскомъ же, исключая четырехъ сочетаній: *дь*, *ть*, *ль* и *нь*, оно вовсе не существуетъ. И такъ Лужицкій языкъ, наиболѣе изъ Западныхъ, сохранилъ первобытность произношенія звуковъ согласныхъ, и въ этомъ отношеніи близко подходитъ къ совершеннѣйшему Русскому. Главнымъ представителемъ такого различія Лужицкаго нарѣчія отъ Западныхъ и приближенія къ Русскому служатъ мягкое *х* и мягкое чистое *р*, которыя ни въ Польскомъ, ни въ Чешскомъ не существуютъ. Уже Шафарикъ (Slowanský národopis, str. 14) замѣтилъ важное сходство между обоими Лужицкими и Великорусскимъ нарѣчіями, состоящее въ измѣненіи твердаго *ы* въ мягкое *и* послѣ гортанныхъ *г*, *к* и *х*. Но Нижнелужицкій (и Польскій) слѣдуютъ этому правилу только относительно первыхъ двухъ буквъ, а Верхнелужицкій и Великорусскій присовокупляютъ къ нимъ и третью *х*: другими словами: твердая *х* (Пол. и Н. Луж. *ch*, В. Луж. *kh*, только въ началѣ словъ замѣняющее *ch*) смягчается только въ Великорусскомъ и Верхнелужицкомъ. Примѣры изъ пѣсень: khjejža, Церковно-Славянское *хызина* (Vit. Sanct. ed. F.Miklos. 1847, p. 14, v. 469), старинное имя, нѣкогда принадлежавшее всей рѣчи Полабской, какъ можно заключать изъ племеннаго названія одной вѣтви Лютичей, Хижане: но тамъ, судя по Латинскимъ названіямъ: Kyzini, Kycini, Cussini, господствовало широкое Польское *y* (*ы*) [38]; — khilić, Пол. и Н. Луж. chylić, chylis, нагибать, откуда Русское хилый; — khjetsy, хитрый, въ

[38] Helmold. ed. Bang. p. 21. — Slow. Starož. I, 896. Луж. n. I, 95, 29.

значеніи Сербскаго *хитар*, быстрый; Н. Л. chyšiš, похищать, и т. д. [39].

Другое важнѣйшее сходство между Русскимъ языкомъ и обоими Лужицкими — отсутствіе Чешскаго и Лешскаго шипящаго *ř*, *rz*, соотвѣтствующаго чистому Русскому и Церковно-Славянскому *рь*. Искони Польское *rz*, встрѣчающееся въ древнѣйшихъ памятникахъ Польской письменности, не существовало еще въ Чешскомъ правописаніи XI и XII в., ибо, какъ правильно замѣтилъ Шафарикъ въ разборѣ древнѣйшихъ памятниковъ Чешской Словесности [40], невѣроятно, чтобы и въ то время, не смотря на шаткость правописанія, переписчикъ, писавшій Латинскими буквами, не поразился странностію этого шипящаго звука, и хотя одинъ разъ не изобразилъ его буквами *rs*, *rz*. Между тѣмъ въ памятникахъ Чешской письменности XI и XII в., писанныхъ Латинскими буквами, а равно въ современныхъ Латинскихъ грамотахъ съ словами Чешскими, сочетаніе буквъ *rs*, *rz*, не встрѣчается еще нигдѣ; въ XIII же вѣкѣ является общимъ. Это могло быть вліяніе Польскаго. Не смотря на возможность такого же вліянія со стороны обоихъ языковъ, начиная съ XIII вѣка, Лужицкій языкъ до сихъ поръ почти не утратилъ чистоты мягкаго звука: такъ Пол. piekarz, Чеш. pěkař, Луж. какъ и Русское и Ц. Слав. pekaŕ; Пол. korzeń, Луж. koŕeń; Пол. kurzę, Чеш. kuřím, Луж., какъ и Русское, kuŕu, kuŕim; Пол. trzoda, Луж., какъ и Русское, čŕoda, череда; Пол. srzoda, Чеш. středa, Луж. (Ц. Слав.) sŕeda; Пол. rzeknąć, Луж. rjeknyć, rjaknuś; Пол. drzewo, Луж. drewo; Пол. brzeg, Луж. brjoh, brjog; Пол. rzadko, Луж. rjedko; Пол. rzeka, Луж. rjeka; Пол. rzezać, Луж. rjezać; Пол. grzech, Луж. hrjech, grjech; Пол. rząd, Луж. rjad; rządny; rjadny; Пол. kędzierzawy, Луж. kudžrjawy. Вообще, въ началѣ словъ, въ обоихъ Лужицкихъ нарѣчіяхъ, мягкое *r* сохранилось во всей чистотѣ. Измѣненіе послѣдовало въ немногихъ словахъ, послѣ

---

39 Луж. п. I, 57, 34; 106, 1; 271, 18; — I, 57, 15.

40 Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache, kritisch beleuchtet von P. J. Šafařik und F. Palacky, S. 67.

нѣмыхъ *p*, *k* и *t*; но и тутъ Лужичане усвоили себѣ мягкое произношеніе *š*, *ш*, или *ś*, *сь*, которое ближе подходитъ къ шепелеватости Польской, теряя непріятную остроту Чешскаго *ř*. Таковы въ обоихъ Луж. нарѣчіяхъ предлоги pši, pše, pšed и pšez, одни и въ составленныхъ съ ними глаголахъ, существительныхъ и прилагательныхъ; большая часть глаголовъ, которыхъ корень начинается съ буквъ *pr*, съ послѣдующею мягкою: въ пѣсняхъ встрѣчаются pšasć, прясть, pšahać, прягать [41]; имена, глаголы, нарѣчія, имѣющія въ началѣ или срединѣ *tr*, *kr* съ послѣдующею мягкою гласною: въ пѣсняхъ: bratsik, wjetsik; kšidło, kšiwizna, kšik, kšiž, kšižik, крестъ, крестикъ; tsi, три, съ производными tseći, tsinaće, tsisyci, jutsy, witsy, завтра; nuts, внутрь; tšepeć, tšepoceć, трепать, трепетать; tsjecha (стрѣха), крыша; tšješnja, черешня; tsjarš, трясъ; tsyleć, стрѣлять [42]. Но нарѣчіе Нижнелужицкое имѣетъ еще ту особенность, что оно и твердое *r*, сь послѣдующей твердою гласною: *a*, *e*, *o*, *u*, измѣняетъ, большею частію, въ шипящую *š*: В. Луж. trawa, Н. Л. tšawa; В. Л. kraj, Н. Л. kšaj; В. Л. prawy, Н. Л. pšawy; В. Л. krawc, портной, Н. Луж. kšajaś, кроить; Н. Луж. tšach, tšašadło, страхъ, страшило (В. Л. trašny, страшный); Н. Л. kšawiš, окровавлять (В. Л. krawy); В. Л. sotra, sotsička, Н. Л. sotša (вь Средне-Лужицкомъ, однако, sostra); В. Л. prošu, Н. Л. pšošim; В. Л. proso, Н. Л. pšoso; В. Л. krušwička, Н. Л. kšuška, грушка; В. Л. krupy, Н. Л. kšupy, каша; В. Л. kruty, Н. Л. kšuty, крутый [43]. — Во

---

[41] Pšasć, Луж. пѣсни, I, 16, 23; 48, 6; и т. д. Pšaza: 25, 5; 269, 23; 278, 1; pšahać: 21, 12; 122, 22; 254, 1; 265, 3; 280, 13.

[42] Луж. пѣсни, I, 34; — 24, 15; 50, 75; 59, 37; — 276, 126; 94, 27, и пр.—151, 23;—288, 38;—225, 29; 288, 17; 274, 21; 276, 143; 290, 41; — 1, 2, 32; 6, 13; 9, 3; 11, 70; 31, 6; 59, 46; 130, 2; 136, 18; 245, 6; 252, 9; — 4, 47; 2, 21; 3, 27; 4, 19; 47, 31; 127, 5; 166, 6; 251, 46; 298, 13; — 285, 5; — 34, 28; 284, 16; 285, 74; — I, 82, 41; 212, 3; 232, 14; 310, 1; II, 16, 2; 184, 38; — 27, 1; 273, 83; — 284, 83; — 92, 1; — 158, 7; — 273, 33; — 31, 16; 113, 25; 133, 28; 118, 34; 31, 12.

[43] Луж. пѣсни: I, 27, 17, и пр. II, 16, 10; 169; 3; — I, 2, 49, и пр. II, kšajašk: 16, 9; — I, 5, 36; II, 8, 14; — I, 62, 9; II, 102, 4; —

всемъ Лужицкомъ нарѣчіи только одно исключеніе изъ общаго правила, не допускающаго шипящаго *rz* — въ собственномъ имени Khateržinka, встрѣчающемся въ пѣсняхъ Верхнелужицкихъ, и заимствованномъ изъ соплеменнаго Польскаго [44].

2) Второе важное сходство съ Русскимъ языкомъ представляетъ Лужицкій въ *вокализаціи* или въ сочетаніи коренныхъ и вставочныхъ гласныхъ съ коренными согласными, о торомъ издатель Лужицкихъ пѣсень говоритъ именно: «Wulcy wosebnu jenajkosć ma Serska ryč z Bósowskej, dyž wobej, štož jeju wokalisacijon nastupa, bez sobu pširunaš [45].» Значительное сходство съ Польскимъ языкомъ находитъ Іорданъ [46]; но это вѣрно только сравнительно съ Чешскимъ. Между тѣмъ одинаковость гласныхъ, раздѣляющихъ коренныя согласныя, есть одно изъ важнѣйшихъ свидѣтельствъ въ пользу сродства языковъ; потому что, при тождествѣ согласныхъ, составляющихъ корень во всѣхъ языкахъ одной отрасли, племенная особенность выражается преимущественно въ выборѣ гласныхъ, вставляемыхъ между коренными согласными. Въ этомъ отношеніи главное свойство языка Русскаго заключается въ такъ называемомъ, полногласіи, и вообще въ соразмѣрности сочетанія гласныхъ съ согласными; характеристика языка Польскаго есть глубокое *о* и преобладаніе согласныхъ; Чешскаго (книжнаго) — замѣна широкихъ гласныхъ узкими; Сербскаго краткое *а*, преобладаніе гласныхъ и проистекающее отсюда благозвучіе, и т. д. Особенный родъ полногласія Русскаго языка, основанный на количественномъ тождествѣ одной долгой и двухъ или даже трехъ краткихъ, выражается въ раздѣленіи согласныхъ Церковно-Славянскаго вставочными: короткимъ *о*, и ко-

I, 25, заглавіе; II, 195, 60; 12, 2; — I, 290, 20; II, 197, 16; — I, 5, 43; II, 172, 21; — trošku: I, 19, 6; 271, 25; tšošku: II, 162, 3; — I, 158, 17; 103, 2, 6; 218, 4; II, 153, 4; — I, 189, 8; II, 168, 25.

[44] Луж. пѣсни: I, 2, 64, 70. — Прибавленія Смолера, стр. 327.

[45] Smoleŕ, str. 9.

[46] Jordan, Верхнелуж. Грамматика, стр. 14.

роткою *е*, въ противоположность къ Польскому *о* (*jo*). Этого свойства не раздѣляетъ съ нимъ ни одинъ Славянскій языкъ, ни Восточной, ни Западной отрасли. Что касается вообще полногласія или благозвучнаго равновѣсія согласныхъ и гласныхъ, языкъ Нижнелужицкій, сравнительно съ Верхнимъ, сохранилъ болѣе слѣдовъ, безъ сомнѣнія, существовавшей въ немъ нѣкогда полноты звуковъ. Такъ Русское относительное мѣстоименіе *который*, по законамъ Западныхъ Славянскихъ нарѣчій, сокращенное въ Польскомъ языкѣ въ обычную форму który, въ Чешскомъ въ умягченную který, въ В. Лужицкомъ звучитъ уже kotry, и это вовсе не перестановка второй и третьей буквы Польскаго który, а прямое сокращеніе Велико-Русскаго (во всемъ сходное съ Малорусскимъ *котрый*), которое снова въ первоначальной, полной формѣ повторяется въ Нижнелужицкомъ kotary, и во всѣхъ составныхъ: njekotary, kotaryžkuli, njekotaryžkuli, и пр. — Числительныя sydom, wosym, (Верхне и Нижне-Лужицк.) составомъ своимъ также ближе къ первоначальному: *седьмь, осьмь*, нежели Русское семь, Чеш. и Пол. ośm. — Польское wielki, Верхнелужицкое wulki, въ Нижнелужицкомъ принимаетъ Русскую и Чешскую первобытную форму wéliky. Языкъ Нижнелужицкій, изобилуя шипящими звуками, не терпитъ суроваго стеченія нѣсколькихъ согласныхъ; двѣ шипящія буквы, слѣдующія одна за другою, на пр., въ составныхъ глаголахъ съ предлогами, онъ раздѣляетъ вставочной гласной: rozoźjelis, вмѣсто rozźjelis: мягкое *d* измѣняется въ шепелеватую *ź*, и вставляется *о*. Прилагательное Русскій онъ удлиняетъ такимъ же образомъ въ Rósowski или Rósynski. Тоже бываетъ при стеченіи согласныхъ всякаго рода, хотя бы между ними не случилось шипящей; но это только отдѣльные случаи: kisale, кисло (по разнорѣчію Бурковскому): gljeda na njog' kisale (II, 168, 37). Въ причастіи спрягаемомъ глагола взять: В. Луж. wzał (какъ и во всѣхъ другихъ Слав. нарѣчіяхъ), языкъ Нижнелужицкій возстанавливаетъ коренную о предлога *воз*: wozeł, wozeła, wozeło, — по тому же закону благозвучія, которое форму настоящаго или будущаго wzmu замѣ-

няетъ удлиненной wozmu: wozeł jo konika za huzdźiku (II, 2, 29);— по другому произношенію wezeł: ty sy sej je ju deře sam wezeł (II, 46, 12). Верхнелужицкое pomhać въ Нижнелуж. удлиняется въ pomagaś (какъ въ Малорусск.): pomagaj Bóg!—Особеннаго рода удлиненіе замѣчаемъ въ спряженіи Нижнелужицкихъ глаголовъ, въ первомъ лицѣ всѣхъ чиселъ (ед., дв. и множ.) простаго будущаго, кончащагося на *om*: zwažijomej (вм. zwažomej), zapłaśijom (вм. zapłaśjom), zastśjelijom (вм. zastśjeljom); но употребляется иногда и короткая форма: pśecynjom, spośegnjom, и пр. [47]. Подобное удлиненіе допускаетъ Голянское поднарѣчіе Верхнелужицкаго въ 3-мъ лицѣ числа множественного настоящаго времени: jdžeja (вм. jdu), bijeja (biju), kćjejeja (ktu), budžeja (budža). За то Верхнелужицкій, по общеупотребительному нарѣчію Будышинскому, болѣе Нижняго утратившій слѣды древняго полногласія, имѣетъ съ Русскимъ и преимущественно Великорусскимъ, другія важныя точки прикосновенія относительно гласныхъ.

а) Въ В. Лужицкомъ нарѣчіи, наровнѣ съ Русскимъ и Польскимъ, преобладаетъ широкая гласная *a* предъ узкою *e*, широкая *u* или *ju* предъ узкою *i*. Исключенія въ словахъ: hižom (južom), blido (bljudo), въ которыхъ *i* постоянное, неизмѣняемое. Но Нижній Лужичанинъ говоритъ, кромѣ того: zajtša, witsy, тамъ, гдѣ Верхній употребляетъ широкую jutry; а Любійское поднарѣчіе Верхнелужицкаго (подобно Чешск.) послѣ *l* охотно допускаетъ узкую *i* вмѣсто первоначальной широкой: L*i*bij, L*i*bań, L*i*buš, L*i*bochow. Съ своей стороны поднарѣчіе Западное замѣняетъ w*u*lki и h*i*žom противоположными общему употребленію: w*i*lki и j*u*žom.

б) Въ В. Лужицкомъ (и въ Нижнемъ), какъ въ Русскомъ, твердый носовой звукъ вездѣ замѣняется чистою *у* (muž, dub, sused, mudry, su, wedu, piju, и пр.), тогда какъ Чешскій языкъ въ этѣхъ случаяхъ употребляетъ большею частію двоегласную *au*, или *ou*, Словацкій долгое *ú*, а Польскій удерживаетъ старинный носовой звукъ.

в) Въ В. Лужицкомъ нарѣчіи мягкій носовой звукъ, какъ и въ Русскомъ, перешелъ, большею частію, въ чистое *ja*, которое, также какъ въ Русскомъ, мѣняется въ произношеніи въ

[47] Луж. пѣсни: II, 2, 12; 24, 12; 30, 14, 16.

je. Тоже и въ Нижнелужицкомъ; но тамъ форма *je* преобладаетъ надъ *ja*; а въ языкѣ Чешскомъ попеременно то *á*: swáty; то *e*: me, te, se; то *ě*: těžki; то острое *í*: kníže. Въ Верхнелужицкомъ, исключая одного пограничнаго поднарѣчія, коренное *ja* нерѣдко переходитъ въ *je*, на основаніи другаго правила, по которому *a* должно мѣняться въ *e* между двумя мягкими согласными: случаи, зависящіе отъ этого правила, не составляютъ исключенія изъ общеупотребительной замѣны мягкаго носоваго звука мягкою *ja*; потому что эта послѣдняя, хотя и перешедшая, по другимъ причинамъ, въ узкую *je*, все же правильно подразумѣвается. Таково измѣненіе первоначальнаго wićaz, витязь (гдѣ *a* мягкое, съ предшествующею мягкою *ć*, есть бывшее ѧ), въ wićežwo или wićežstwo, потому что въ этомъ послѣднемъ бывшая твердая *z* перешла въ мягкую *ž* [48]. Примѣровъ для нашего правила встрѣчаемъ не мало въ народныхъ пѣсняхъ: mjaso (Н. Луж. mjeso, Кир. мѧсо, Пол. mięso, Чеш. máso), Русск. мясо; — swjaty (Н. Луж. swjety, Кир. свѧтый, Пол. święty, Чеш. swátý), Русск. святый; — rjad (Н. Л. rjed, Кир. рѧдъ, Пол. rząd, Чеш. řád), Русск. рядъ; — rećaz (Чеш. řetěz) и wićaz (Пол. wicięz, Чеш. witěz, Кир. витѧзъ), Русск. витязь; — pšazá (Н. Л. pšjeza, Кир. прѧжда, Пол. przędza, Чеш. příže), Русск. пряжа; — pšisaha (Н. Л. pšisjega, Пол. przysięga, Чеш. přísaha), Русск. присяга; — pjata (Н. Л. pjeta, Кир. пѧта, Пол. pięta, Чеш. páta), Русск. пята; — pjeć вмѣсто pjać (между двумя мягкими согласными; но pjaty) (Н. Л. pjeś, Кир. пѧть, Пол. pięc, Чеш. pět, páty), Русск. пять, пятый; — dźesat (Н. Л. źesjeć, Кир. десѧть, Пол. dziesięc, Чеш. deset), Р. десять; — jazyk (Н. Л. jezyk, П. język, Ч. jazyk, Кир. ѧзыкъ), Р. языкъ; — wjac, wjazać, и пр. Немногія приняли *je*: dźewеć, kńez, kńežna, ćežki, ćehnyć, mechki, peńez: но многія изъ этѣхъ словъ и въ Русскомъ языкѣ переходятъ въ произношеніи въ мягкое *e* или *i* [49].

---

[48] Луж. пѣсни, I, 85, 9.

[49] Луж. пѣсни: I, 225, 11; — 139, 2; 225, 12; 276, 123; 281, 16; 285, 51; II, 195, 33; — I, 40, 34; 285, 9; 212, 4; II, 195, 11; — I, 319,

г) Кирилловская и Русская *ѣ*, во всѣхъ словахъ, съ немногими исключеніями, соотвѣтствуетъ Верхнелужицкому *je*, не смотря на разнообразіе произношенія послѣдняго по разнорѣчіямъ; тогда какъ въ Польскомъ въ этѣхъ случаяхъ почти постоянно господствуетъ *ja*, а въ Чешскомъ почти постоянно долгое *í*, рѣдко мягкое *ě* (*ѣ*) [50]. Правда, Будышинское, общеупотребительное, и Любійское, поднарѣчія произносятъ это *je* какъ *í*, и только Голянское (лѣсное и Западное читаютъ его) на концѣ Кирилловскимъ *ѣ*; но *ѣ*, измѣненное въ *и*, какъ и въ Малорусскомъ нарѣчіи, совершенно отлично, въ сущности, отъ Чешскаго долгаго *í*, которое болѣе соотвѣтствуетъ Польскому широкому *ja*. Тоже самое въ Нижнелужицкомъ; но тамъ мягкое *je*, какъ извѣстно, имѣетъ употребленіе несравненно обширнѣйшее, чѣмъ Кирилловское и Русское *ѣ*, замѣняя, въ извѣстныхъ случаяхъ, мягкій носовой звукъ и Русское *я*. Примѣровъ не мало въ пѣсняхъ народныхъ: В. и Н. Л. bjeły, Русское бѣлый, Пол. bjały, Чеш. bílý, Серб. биjeo, бео, біо, и пр.;—В. и Н. Луж. bjeda, Р. бѣда, Пол. bjada, Чеш. bída; — В. Л. džjeł, Р. удѣлъ, П. dział, Чеш. díl;—В. и Н. Л. džjetki, źjeci, Р. дѣтки, Пол. dziatki, Чеш. dítky, Серб. дијете, дете, дите, и пр.;—Л. džjed, źjed, Р. дѣдъ, Пол. dziad, Чеш. děd;—Л. mjera, Р. мѣра, Пол. miara, Чеш. měra, Серб. мијера, мера, мира, и пр.;—Л. rjedki, Р. рѣдкій, Пол. rzakdi, Чеш. řídký, Серб. ријeдак, редакъ, ридакъ, и пр.;—Л. kwjet, Р. (ц)твѣтъ, Пол. kwjat, Чеш. kwět, Серб. цвијет, и пр.;—Л. hwjezda, gwjezda, Р. звѣзда, Пол. gwiazda, Чеш. hwezda, Серб. звијезда, и пр.;—Л. wjera, Р. вѣра, Пол. wjara, Чеш. wěra, Серб. вијера, и пр.;—Л. wjetr, Р. вѣтеръ, Пол. wjatr, Чеш. witr,

---

3; 323, 23;—I, 25, 5; — I, 169, 20, — I, 62, 30; — I, 293, 103;— I, 238, 32; — II, 56, 8; — I, 264, 5; — I, 49, 9; 300, 8; — I, 238, 32; — I, 37, 7; 75, 15; 276, 137; 11, 26; — I, 277, 20; 284, 75; — I, 242, 5. Но Верхнелужицкое čeledž (I, 213, 4) (*e* вмѣсто *a* между мягкими согласными) въ Нижнелужицкомъ имѣетъ celaź: myju knjenju, myju celaź: II, 182, 20; dobru noc njet mjejśo šykna dobra celaź: II, 195, 24.

[50] Предисловіе Смолера къ пѣснямъ Верхне-Лужицкимъ: „*je* runa so skoro 'sudže khjerilskemu *ѣ* a Čjeskemu ě." Str. 11.

Серб. вијетар, и пр.; — *Л.* snjedać, К. и Р. снѣсти, съѣсть Пол. sniadam, Чеш. snídam; — *Л.* ljećeć, К. и Р. лѣтати, Пол. latam, Чеш. lítam, Серб. лиjетати и пр.;—*Л.* smjelny, Р. смѣлый, П. smiały, Ч. smělý; — *Л.* swjet, swjetły, Р. свѣтъ, свѣтлый, Пол. swjat, swjatły, Чеш. swět, swětly, Серб. свиjетао и пр.;—Луж. mjesto, Р. мѣсто, Пол. mjasto, mjejšće, Чеш. město, místo, Серб. миjесто и пр.,—*Л.* pjesk, Р. пѣсокъ, Пол. pjasek, Чеш. pisek;— *Л.* wješćeć, Р. вѣщать, Пол. zwjastować, Чеш. zwěstowati; и много другихъ. — Есть исключенія: *je* измѣняется иногда въ *у* (ы) (т. е., по Малорусск. произношенію) и притомъ, большею частію, въ тѣхъ только словахъ, гдѣ Кирилловское *ѣ* перешло въ Велико-Русскую *и*: сѣдѣть, сидѣть. Но и это уклоненіе отъ общаго правила не простирается на нарѣчіе Нижнелужицкое, которое всюду, въ подобныхъ словахъ, рядомъ съ Верхнелужицкою формою на *у*, сохранило и правильную на *je*: В. Луж. chcył, Н. Луж. kšjeł, хотѣлъ; В. Луж. ryč, Н. Луж. rjec, рѣчь; В. *Л.* sydać, Н. *Л.* sjedaš; В. Луж. jješć, и jyść, Н. *Л.* jješ; В. *Л.* syno, Н. *Л.* syno и sjeno; В. *Л.* symjo, Н. *Л.* sjemje; В. *Л.* syć, сѣять, Н. *Л.* sješ; В. *Л.* cyły, Н. *Л.* cyły и cjeły; В. *Л.* syćje, сѣти, Н. *Л.* sješi; В. *Л.* syry, сѣрый, Н. *Л.* syry и sjery [51].

---

[51] Луж. пѣсни, I, 1, 2; II, 7, 10;—I, 275, 39;—I, 290, 22;–II, 45, 2;—I, 230, 15; 275, 1;–I, 225, 9;—I, 119, 40, 43; 144, 6; 294, 1; 270, 12;—I, 222, 13; 301, 5; 223, 28; II, 109, 1; — I, 9, 9;–I, 103, 5; 133, 17; 350, 6; 331, 5; 24, 15; 50, 75; 59, 37;—I, 88, 8; 111, 6; 213, 11; 285, 6, 8; — I, 3, 5; — I, 294, 8; — I, 6, 21, 34; 16, 14; 34; 42; 99, 2; 101, 52; 114, 14; 187, 14; 291, 22; 8, 24; 20, 5; 42, 13; 75, 10; 120, 38; 136, 2; 217, 4; 242, 1; — I, 30, 10; 62, 1; 103, 1; 122, 11; 280, 15; 285, 1; 293, 4; 331, 71; 288, 13, 46; — I, 5, 1; 15, 33; 158, 1; — I, 3, 8; 280, 1; 25, 5; 33, 8; 36, 9; 109, 3; 275, 14; 331, 73; 148, 5; 294, 27. — Не говорю уже о тѣхъ примѣрахъ, гдѣ Кир. *ѣ* во всѣхъ Зап. Слав. языкахъ гласитъ какъ *je*.

I, 47, 47; 69, 6; 73, 31; 123, 30; 169, 13; 272, 17; 276, 36; 285, 73; II, 7, 41; — I, 8, 3; II, 185, 33; — I, 39, 11; 40, 30; 126, 25; 262, 37; — I, 239, 11; II, 139, 6; 149, 2; — I, 276, 12; — I, 83, 46; 92, 5; 146, 25; 278, 27; II, 37, 24; — I, 160, 11; — II, 197, 4; I, 15, 17; 61, 6; 95, 2; 273, 63.

д) Чистое Руское *е*, съ предшествующею твердою или мягкою согласною (Церковно - Слав. открытая гласная, иногда *ѣ* и *ь*), почти всюду удерживается и въ Верхнелужицкомъ нарѣчіи (а въ Нижнемъ, какъ въ Бѣлорусскомъ, большею частію, измѣняется въ *я*), тамъ, гдѣ Поляки исключительно употребляютъ мягкое *jo*; и, наоборотъ, мягкое Русское *о* (*ё*) (въ произношеніи) удерживается и въ Верхнелужицкомъ, тамъ, гдѣ Поляки измѣняютъ его, большею частію, въ открытое *е*. На пр., Л. ẃedu, Пол. wiodę; Луж. b́eru, Пол. biorę; Луж. pjesnja, Пол. pjosnka, Чеш. píseń; Луж. wleku, Пол. wlokę; Луж. ẃezu, Пол. wiozę; Луж. ẃeska, Пол. wioska; Луж. ńesu, Пол. niosę; Луж. średa, Пол. srzoda; Луж. ḿetam, Пол. miotę; Луж. zelko, Пол. ziołko; Луж. šesty, śedmy, Пол. szósty, siódmy; Луж. śedło, Пол. siodło; Луж. b́edro, Пол. biodro. Здѣсь большинство случаевъ дѣлаетъ правило; но есть исключенія въ пользу языка Польскаго: Луж. ḿed, Пол. и Русск. mjod; Луж. let, Пол. lot, Русск. полетъ; Луж. ćetka, Русск. тетка, Пол. ciotka; Луж. jedła и brjeza, Пол. jodła, brzoza, Рус. елка, береза. За то Верхній Лужичанинъ говоритъ почти одинаково въ однихъ, а въ другихъ совершенно сходно съ Русскимъ: wosol, pos, kotoł, kozol, moch, son, woš, won, wichor, rož, а Полякъ: osieł, pies, kozieł, mech, sen, wesz, wen, kocieł, wicherz, reż [52]. Чехи во всѣхъ этѣхъ случаяхъ употребляютъ большею частію чистое *е*, но безъ смягченія предшествующей согласной, иногда долгое *í*.

е) Кирилловское *ъ* и *ь*, въ срединѣ слова, предъ *л* и *р* замѣняемыя въ Чешскомъ и Сербскомъ языкахъ полугласною или гласною *и* (*у*), въ нарѣчіи Верхнелужицкомъ, *почти всюду*, какъ въ Русскомъ языкѣ, переходятъ, *ъ* въ *о*, а *ь* въ *е*, тамъ, гдѣ Поляки, и отчасти Нижніе Лужичане, безразлично употребляютъ всѣ гласныя: *а*, *е*, *і*, *о*, *ó*, *и*. Притомъ, что весьма замѣчательно, это полное Лужицкое *о* почти никогда не переходитъ въ Пол. *ó*, которое иногда замѣняетъ количественное повтореніе краткаго Русскаго *о* въ словахъ, гдѣ въ Церковнославянскомъ и Чешскомъ господствуетъ долгое *а*. При-

---

52 Грамматика Іордана, стр. 12, 13, 39.

мѣры изъ пѣсень народныхъ: В. Л. čorny, Н. Л. carny, Пол. czarny, Чеш. и Серб. crný, црн, Кир. чьр'ный, Русск. черный; — В. Л. dołh, Н. Л. и П. dług, Ч. dluh, Серб. дуг, Кир. дългъ, Русск. долгъ; — В. Л. hordło, horleško, Н. Л. gjardlo, giarlisko, Пол. gardło, Чеш. hrdlo, Серб. грло, Кир. гър'ло, Русск. горло; — В. Л. hordy, Н. Л. giardy, Пол. hardy, Чеш. hrdý, Серб. грдан (другое значеніе), Кир. грьдъ, Русск. гордый; — В. Л. khołm, Н. Л. и П. chełm, Чеш. chlum, Кир. хлъмъ, Русск. холмъ; — В. Л. čołn, П. czółn, Чеш. člun, Серб. чун, Кир. члънъ, Русск. човнъ; — В. Л., Н. Л. и П. žołty, Чеш. žlutý, Серб. жут, Кир. жлът, Русск. жолтый; — В. Л. korčma, Н. Л. kjarcma, Пол. karčma, Чеш. krčma, Серб. крчма, Кир. кръчма, Русск. корчма — В. и Н. Луж. połny, Пол. pełny, Чеш. plný, Серб. пун, Кир. пълънъ, Русск. полный; — В. Л. tołsty, Н. Л. tlusty, и kłusty, Пол. tłusty, Чеш. tlustý, Кир. тлъстъ, Русск. толстый; — В. Л. torhać, Н. Л. tergaś, Пол. targać, Чеш. trhati, Серб. тргати, Кир. тръгати, Русск. (ис)торгнуть; — В. Л. wołma, П. wełna, Чеш. wlna, Серб. вуна, Кир. вълъна, Русск. волна; — В. Л. zorno, Н. Л. zerno, Пол. ziarno, Чеш. и Сербск. зрно, Кир. зьрьно, Рус. зерно, зёрна; — В. Л. korbik (korb), Н. Л. korbik, Пол. karb, Чеш. krb, Кир. кърьб, Русск. коробъ; — korm, borzy, horb, horšć, torh, stołp, и т. д. — Мягкое Кир. ь: мьрьзити, Луж. merzeć, Пол. mierzić, Чеш. и Серб. mrziti, мрзити, Р. мерзить; — съмьрьть, Луж. smerć, Пол. smierć, Чеш. и Серб. smrt, Р. смерть; — тврьдъ, Л. В. twerdy, Н. twardy, Пол. twardy, Чеш. twrdý, Серб. тврд, Русск. твердый; [53], werch, džeržeć, Serb, и пр.

---

[53] Луж. пѣсни: I, 55, 10; 74, 26; 117, 10; — I, 272, 7; 225, 17; 325, 3; вмѣсто dołhi Нижнелуж. форма dłujki: II, 124, 2; — I, 226, 6; 267, 15; — I, 21, 36; 47, 4; 95, 42; 74, 15; 95, 43; 112, 13; 117, 11; — II, 288, nº 190; — I, 63, 1; 124, 10; 167, 6; 218, 4; 226, 2; 290, 44; 306, 1; — I, 90, 8, и пр. — I, 23, 3; 211, 6; 221, 3; 222, 2; 293, 10, 65; 294, 10; — I, 17, 19; 50, 43; 118, 15; — I, 3, 33; 119, 39; 152, 6; 235, 3; 277, 8; 34, 65; 94, 30; 168, 14; 202, 21; 292, 19; 310, 6; — I, 285, 28; — I, 7, 37; 83, 48; 224, 11; 162, 16; — I, 135, 7; — I, 192, 7; 282, 22; — I, 1, 28, 70; 105,

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что въ замѣненіи полугласныхъ Кирилловскихъ полными гласными *о* и *е*, Лужицкій языкъ не всюду строго соблюдаетъ различіе твердаго *ъ* и мягкаго *ь*; но въ большинствѣ случаевъ сходится съ духомъ языка Русскаго, согласно съ этѣмъ послѣднимъ замѣняя *ь* не б. *е*, а б, *о* въ словахъ ćorny, и подобн. Исключенія изъ общаго правила составляютъ немногія слова, принимающія букву *е* вмѣсто *о*: welk, krew, melčeć; [54] или *о* вмѣсто *е*: porsćik (перстикъ), sorna (серна); или *у* вмѣсто *е*: sylza, слеза [55]. Но онѣ изчезаютъ передъ большинствомъ случаевъ, слагающихъ общее правило.

Если къ вышеозначеннымъ признакамъ сходства между Верхнелужицкимъ нарѣчіемъ и Великорусскимъ присоединимъ еще нѣсколько менѣе значительныхъ, но не менѣе доказательныхъ: 1) измѣненіе *о* въ *а*, и *е* въ *о*, въ образованіи глаголовъ учащательныхъ: wedu, wožu, веду, вожу; khodžić, skhadžować so, ходить, хаживать, kolu, kałam, колю, калывалъ, tworić, twarić; rodžić so, radži so (по образцу Церковно-Славянскаго [56]); 2) измѣненіе коренной согласной *b* или *w*, при послѣдующей *n*, въ сродную текучую *m*:—ассимиляція, очень любимая Велико-

---

22; 144, 30; 203, 8; 268, 1; 285, 32; 291, 20; 309, 4; — I, 11, 44; 24, 19; 74, 17; 120, 14; 284, 79; 297, 21; 300, 14; — tłusty, kłusty, II, 195, 45; tergaś: II, 15, 20; но dołoj, долой, вмѣсто delej: II, 200, 6. Dobrowsky's Institutiones linguae Slavicae, p. 44.—Обозрѣніе главныхъ чертъ сродства звуковъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, И. Срезневскаго, стр. 21.

[54] Луж. пѣсни: I, 1, 83, 5; 325, 1; — I, 1, 64; 38, 10; 40, 21; 71, 17; 105, 17; 136, 9; 258, 35; 275, 26.

[55] В. Луж. языкъ имѣетъ: peršćen, перстень: Луж. пѣсни: I, 50; 50, 56, и пр.; но, вѣроятно, во избѣжаніе обоюдности съ словомъ peršć, персть, употребляетъ существ. porsćik: I, 55, 28; 132, 32; 290, 9; — 49, 28; 50, 54; 323, 31. — Sylza, Н. Л. dza: I, 43, 36; 257, 6; 294, 9.

[56] Institut. linguae Slav. p. 36, 37. — Предисловіе Смолера, I, p. 14. — Луж. пѣсни: I, 126, 20, 274, 17; 275, 24; 276, 49; — I, 19, 22; 34, 25; 61, 7; 120, 11; 146, 17; 262, 21; 272, 31; 273, 21; 285, 86; — I, 282, 17; 278, 19.

русскимъ и Верхнелужицкимъ нарѣчіями: podomnosć, вмѣсто podobnosć; duchomny вм. duchowny, Русское надомно вм. надобно, читамши вм. читавши и пр.; 3) выпускъ въ произношеніи твердаго ł: boto вм. błoto: Русское сонце, вм. солнце; 4) выпускъ кореннаго *w* въ сочетаніи предлоговъ съ существительными глаголами (какъ и въ Церк.): woblekać, облекать, облако вм. обвлекать, обвлако; wobróćić, обратить, вм. wobwróćić, обворотить; drasta вм. drastwa, платье; въ др. Русск. языкѣ: по *устау* вм. *уставу* (въ Игор. догов., Лавр. лѣтоп., стр. 21) [57]; (а Лужицкій языкъ сверхъ того и въ началѣ слова свободно опускаетъ коренныя *h*, *w*, и ł); 5) измѣненіе буквы *k* въ *ch* въ мѣстоименіи кто: chto, nichtó, хто, нихто [58] (въ среднемъ или пограничномъ Лужицкомъ); 6) приставка придыхательной *w* въ началѣ нѣкоторыхъ словъ: вострый, воспа, вустье (въ Игор. догов., стр. 22): восемь, вотчина, вотчимъ (въ Верхелужицкомъ почти всѣ начальныя гласныя принимаютъ придыханіе *w*, а въ Нижнемъ придыханіе *h*); 7) выпускъ буквъ *д* и *т* въ срединѣ слова, при стеченіи нѣсколькихъ согласныхъ: lesny, лесный, вм. лестный; česny, чесный, вм. честный [59], и т. д.; 8) измѣненіе въ произношеніи: а) *b* въ *p* передъ нѣмою согласною: Serpstwo вм. Serbstwo, Серпскій, Српски; б) *d* въ *t*, при томъ же условіи: slódki, slótki, сладкой; в) *z* въ *s*: niski вм. nizki, низкой; г) *ž* въ *š*: ćežki, ćeški, тяжкой; д) *t* въ *d* предъ губными: swadba вм. swatba, свадьба; 9) [60] сочетаніе буквъ *чр* въ началѣ словъ, нетерпимое въ Пол. и Чешскомъ: čŕowo (Н. Л. cŕowo, Ч. střewo), чрево; črew (Н. Л. crej, Ч. střewjc), черевикъ; 10) кое-гдѣ замѣненіе Кирилл. *шт* (*щ*) чисто Русскою *ч*, вмѣсто обычнаго Западнаго *с*: peč; П. piec, Ч. pec, Русское печь (Ц. Сл. пещь);

[57] Луж. пѣсни: I, 274, 14; 275, 16. — I. 4, 17; 8, 34; 29, 19; 75, 38; 285, 27; 74, 14; 258, 23; — 101, 56; 169, 7. — Dobrowsky's Instit. linguae slavicae, p. 49.

[58] Луж. пѣсни: nichtó: I, 166, 18; 250, 6; 274, 16; 285, 14.

[59] Луж. пѣсни: I, 173, 31; — 271, 51. — Institut. linguae slavicae, p. 48.

[60] Предисловіе Смолера, I, стр. 15. То же и въ Сербскомъ. Serb. Lesekörner, Šafař. S. 70, 71. Замѣтимъ еще перемѣну *у* въ *ъ*, и на оборотъ, которой Русскій языкъ не чуждается, и которая очень обыкновенна въ В. Лужицкомъ.

11) нѣкоторыя сходства въ склоненіяхъ, на пр.: род. и дат. именъ прилагательныхъ на *oho* и *omu*, вм. Западныхъ: *ého*, (*ego*) и *ému*; и, наконецъ, 12) отдѣльныя слова, которыя увидимъ въ послѣдствіи;—если, говорю, все сказанное приведемъ къ одному знаменателю, то легко убѣдимся въ значительно близкомъ язычномъ сродствѣ обоихъ нарѣчій, Верхнелужицкаго и Великорусскаго. Произношеніе же твердаго ł какъ *w* не нужно объяснять ни близостію, ни вліяніемъ языка Малорусскаго (послѣдній, не будучи къ первому близокъ, не могъ, разумѣется, и имѣть на него вліянія) потому что частныя поднарѣчія Великорусскаго имѣютъ ту же особенность. И такъ можно смѣло сказать, что Верхнелужицкій языкъ, съ перваго взгляду напоминающій болѣе Польскій, нежели Русскій, при внимательномъ разсмотрѣніи свойствъ онаго, представляетъ не менѣе, если только еще не болѣе, сходства съ послѣднимъ.

За то Нижнелужицкій поражаетъ особеннымъ сходствомъ съ Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, съ которымъ раздѣляетъ много важныхъ особенностей, хотя и не чуждается свойствъ Малорусскаго; въ Грамматикѣ же и отдѣльныхъ словахъ онъ напоминаетъ намъ живо Церковно-Славянскій. Вычислимъ главные признаки, принадлежащіе ему съ Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ: 1) пристрастіе къ мягкой *я*, которою Нижнелужицкій всюду почти замѣняетъ чистую *е*: jadno, mjac, kjarcma, wjazorjo, wjadu, giardy, wjacor, njamaś, wjaźa, carny, miazy, worjašk, wjasoły, и т. д.[61]; 2) измѣненіе кореннаго *о* въ *а*: b*a*ran вм. b*o*ran[62]; 3) изображеніе мягкаго *d*, вмѣсто Верхнелужицкаго *dž*, мягкою *ź* (Бѣлор. *дз*), и мягкаго *m*, вм. Верхнелуж. *ć*, мягкою *ś* (Бѣлор. *ц*): źjeśi, luźe, niźi, źjelaś, głaźašo, choźił; śma, smerś, śjeźki, śeletka, какъ новое смягченіе Бѣлорусскихъ зву-

---

Въ простонародномъ языкѣ Русскомъ *бываетъ* переходитъ въ *буваетъ*; *будто* въ *быдто*. Тоже въ В. Луж. być, bóć, był, bół, budž, bydž. Этой перемѣной объясняется тождество окончаній однократнаго прошедшаго: Русскаго *улъ*: тиснулъ и В. Л. *ył*: cisnył.

[61] Пѣсни Луж. II, 2, 15; 4, 1, 5; 5, 7; 8, 13; 9, 4; 14, 19; 18, 2; 48, 22; 68, 33; и т. д.

[62] Тамъ же, II, 7, 41.

ковъ, уже смягченныхъ [63]; и 4) придыханіе *h* въ противоположность Великор., Малор., Верхнелуж. и друг. *w*; придыханіе же *h*, въ сочетаніи съ мѣстоименіемъ это: гето, такъ любимо Бѣлоруссами, что послужило поводомъ къ названію ихъ Гециками (говорящими гето). — Съ Малороссійскимъ Нижнелужицкій сходится: а) въ измѣненіи твердой ł въ *w* (не всегда); б) въ измѣненіи первоначальнаго *je* на *i*: rozgniwaś; в) въ перемѣнѣ *o* въ *y*: myj, mygu, słynce, wyn, kyń, wyda, gylc, dwyr, pyjdu, py (разумѣется, не всегда въ однихъ и тѣхъ же словахъ) [64]. — Съ Церковно-Славянскимъ и Русскимъ всѣхъ трехъ нарѣчій: въ вставкѣ благозвучнаго *д* передъ *р*: Ц. Слав. издрешти, издрѣкы, издрядъ (Vit. Sanct. ed. Miklos. v. 77, 434, 605). В. Русск. ндравъ съ производн., М. Русск. уздрѣти, здря, Н. Луж. zdrjały, зрѣлый [65]. Тоже и въ Сербскомъ: ждрао, вм. жерав; и съ этѣмъ послѣднимъ языкомъ Нижнелужицкое нарѣчіе представляетъ также замѣчательное сходство: а) въ замѣненіи *ж* буквой *р* (r): tuder, nižer, teker, тудаже, нигдѣ же, также; и б) въ измѣненіи *мн* на *мл* въ словѣ млого, много [66]. — Соображая все сказанное съ историческими доводами о переселеніи Сербовъ въ Германію въ V столѣтіи, мы моглибы притти къ заключенію, что Верхніе Лужичане или Мильчане, какъ назывались они встарину, и какъ собственно должны бы и теперь еще называться (по крайней мѣрѣ, сѣверные ихъ соплеменники не даютъ имъ прозвища Лужичанъ), жили когда-то гораздо далѣе во внутренности Сѣверной и Средней Россіи, нежели Нижніе, которые, какъ полагать должно, сидѣли на границахъ Бѣлорусскаго съ Малорусскимъ нарѣчіемъ. Если бы догадка эта была справедлива, подтвердилось бы и мнѣніе Іордана о различіи не только географическаго положенія обѣихъ Лужицкихъ вѣт-

---

63 Тамъ же, II, 77, 4.

64 Тамъ же, II, 9, 12, 15, 16; 15, 18; 33, 3; 109, 2; — 18, 2; 21, 2; 46, 4; 65; 136, 3.

65 Тамъ же, II, 4, 14, 15; 10, 12; 44, 13; 55, 1; 153.

66 Тамъ же, II, 3, 49; 15, 18; 2, 6; 8, 12; 101, 14. Впрочемъ, то же и въ Великорусскомъ: сумлѣніе, вм. сомнѣніе.

вей, отдѣленныхъ, можетъ быть, встарину, довольно значительнымъ пространствомъ, но и самаго происхожденія ихъ, Великорусскаго съ одной стороны, съ другой смѣшаннаго Малорусскаго съ Бѣлорусскимъ. Не входя въ подробности рѣшенія вопроса, который вѣчно останется загадкою, пока Исторія яснымъ свидѣтельствомъ не придетъ на помощь случайностямъ филологическимъ, приведемъ нѣсколько любопытныхъ указаній Шафарика на родину Сербовъ Лужицкихъ. Прародина ихъ, по мнѣнію Славянскаго дѣеписателя, — обширная луговина отъ Вислы къ Западной Двинѣ и Березинѣ, сопредѣльная съ Литовцами и Бѣлоруссами. Мнѣніе это, основанное правильно на племенномъ названіи Сербовъ, выводитъ ихъ изъ той части великой Сербіи, которая въ древности, по причинѣ обширныхъ луговъ, ее покрывавшихъ, могла и сама называться лугами, *лужицами*. Пусть будетъ такъ: но въ пространномъ Русскомъ Царствѣ, особенно по теченію рѣкъ, было много луговъ, и побережье рѣкъ, на большое пространство, носило названіе луговой стороны. Если Велеты, распространившіеся на Сѣверозападѣ Европы ранѣе соплеменныхъ народовъ, а именно, уже въ началѣ III, или въ половинѣ II столѣтія, вышли, какъ весьма вѣроятно, изъ предѣловъ Волынскихъ, то Сербы, заселяющіе землю между Лабой и Салой не ранѣе V вѣка, должны были выйти изъ болѣе отдаленной страны на Востокѣ, слѣдовательно, ближе къ срединѣ Россіи. Притомъ Мильчане, предки нынѣшнихъ Верхнихъ Лужичанъ, не носившіе никогда этого названія въ собственномъ смыслѣ, уже по одному этому не могли изстари жить въ великой Надвислянской равнинѣ. Одноименцы ихъ, Мильковцы въ Дакіи, и Миленцы въ Пелопонисѣ, также въ V и VI стол. утвердились на Югѣ, и переселеніе ихъ, совершавшееся медленно, по мѣрѣ упраздненія ихъ новыхъ жилищъ прежними обитателями, указываетъ на первые вѣка Христіанства, какъ на единственно возможное время нераздѣльнаго сожительства всѣхъ трехъ отпрысковъ одного и того же великаго корня. — Есть другая догадка Шафарика касательно древней прародины Славянъ Булгарскихъ, которую онъ отыски-

ваетъ въ предѣлахъ Великорусскихъ, на Двинѣ, Днѣпрѣ и Окѣ, гдѣ, во времена Нестора, жили Кривичи, Радимичи, Вятичи и Сѣверяне, отчасти Дреговичи. Тамъ онъ умствуетъ правильно, что Миленцы Пелопониские, Мильковцы въ Дакіи и Подунайскіе Бодричи, по видимому, должны быть сродственными Нѣмецкимъ Мильчанамъ и Бодричамъ, и что колыбели и тѣхъ и другихъ должно искать гдѣ нибудь на Руси. [67] Въ отдѣлѣ же о Полабскихъ Славянахъ какъ будто бы прямо противорѣчитъ этому мнѣнію, отрицая всякое участіе Великороссійскихъ началъ въ образованіи племени и языка Сербовъ Предлабскихъ. «Нигдѣ, во всей совокупности источниковъ Славянскаго дѣеписанія,» говоритъ онъ въ заключеніе Полабскаго отдѣла, «не нахожу достаточнаго основанія мнѣнію, будто Сербскія вѣтви «возрасли гдѣ нибудь за Днѣпромъ, въ исконной прародинѣ «Великоруссовъ, и только въ послѣдствіи переселились на За«падъ. Это, впрочемъ, ни мало не исключаетъ возможности при«соединенія къ этой Западной вѣтви отдѣльныхъ семействъ и «родинъ изъ вѣтви Восточной; такое смѣшеніе одноплеменныхъ «народовъ происходило всегда и повсюду. Но и этѣ семейства «и отрасли, всего вѣроятнѣе, происходили изъ преддніпровскаго «края, откуда нѣкогда вышли Иллирскіе Хорваты и Сербы, и «гдѣ нынѣ живутъ Бѣлоруссы и Малоруссы, языкъ коихъ, нѣ«которымъ образомъ, занимаетъ средину между говоромъ Вос«точнымъ и Западнымъ, Великорусскимъ и Лешско-Чешскимъ [68]». Да этѣ доказательства ближайшаго сродства Лужицкихъ Сербовъ съ Великоруссами, въ которыхъ затрудняется Шафарикъ, у насъ на лицо, и, что всего лучше, тщательно собраны имъ самимъ и предложены въ отдѣлѣ Полабскомъ. Увлеченный желаніемъ приноровить свое историческое дѣленіе къ язычному Добровскаго, онъ самъ себѣ, кажется, противорѣчитъ; но съ рѣдкимъ безпристрастіемъ и добросовѣстностію даетъ намъ средства опровергать его собственными показаніями. Славянское племя, извѣстное нынѣ

---

[67] Slow. Starož. I, str. 632.

[68] Slow. Starož. I, str. 930.

подъ именемъ Сербовъ Лужицкихъ, имѣло рѣдкое счастіе сохранить, одно между всѣми собратьями, два великія родовыя названія. Лужичане сами себя называютъ Сербами; сосѣди ихъ, Нѣмцы, называютъ ихъ Вендами. Сербами, до VI столѣтія, первоначально слыли у себя дома всѣ народы Славянскіе; Вендами у сосѣднихъ народовъ. Отсюда исторически вѣрнаго заключать можно одно только то, что первоначальныя жилища ихъ должно отыскивать въ Великой Сербіи: «Zerivani, quod tantum est regnum, ut ex eo cunctae gentes Slavorum exortae sint et originem, sicut affirmant, ducant,» говоритъ безъименный Баварскій географъ въ исходѣ IX вѣка. Бѣлосербія Константина Багрянороднаго, обнимающая большое пространство земли отъ Одры и дальше на Западъ до верхняго Днѣпра и истоковъ Двины, далеко уже не исчерпываетъ всей полноты Великой Сербіи, извѣстной еще Прокопію въ половинѣ VI столѣтія. Отдѣльныя части Сербской прародины могли отличаться одна отъ другой только по географическимъ признакамъ; и здѣсь то находимъ возможность точнѣйшаго указанія жилищъ Сербскихъ вѣтвей до переселенія въ Германію. Извѣстно, что всякій народъ, переселяясь съ мѣста на мѣсто, переноситъ на новыя селища любимыя названія городовъ, рѣкъ, урочищъ, имъ оставляемыхъ. Такимъ образомъ, въ позднѣйшую эпоху, когда исчезли уже всякіе слѣды его прежняго переселенія, есть возможность открыть племенное сродство между новыми и оставшимися на старыхъ мѣстахъ поселенцами, не смотря на то, что Исторія уже провела между ними, и въ пространствѣ и во времени, глубокія черты раздѣла. Теперь, судя по тому, какъ размѣстились Сербскія племена въ предѣлахъ нынѣшней Саксоніи и Пруссіи, несомнѣнно, что Сербы Залабскіе, занявшіе (и притомъ не вдругъ, не по праву завоеванія, какъ Лютичи, а медленно и постепенно) все пространство между Лабой и Салой, и даже за Салу, открыли собою шествіе Сербскихъ вѣтвей съ Востока на Западъ. Предлабскіе Сербы примкнули къ нимъ, по всей вѣроятности, послѣ: сперва Лужичане, а послѣ Мильчане, заключившіе шествіе, какъ явствуетъ и нынѣ изъ географическаго положенія обѣихъ

вѣтвей. Естественно думать, что они точно въ такомъ же порядкѣ сидѣли и въ старыхъ жилищахъ, занимая, конечно, относительно бо́льшія пространства, потому что цѣлыя племена никогда не переселяются, а только, стѣснившись, высылаютъ избытокъ народонаселенія на чужую сторону. И въ самомъ дѣлѣ, названія мелкихъ жупъ и вѣтвей Залабскихъ Сербовъ: Сусельцы, Жирмунты и Шкудичи указываютъ на Сусельцевъ въ предѣлахъ Латышскихъ, на города Жирмунты и Шкуды въ Губ. Гродненской и Виленской; Лужичане, самая Сѣверная изъ Сербскихъ вѣтвей, и, сопредѣльные имъ, Древляне и Смоленцы, по сходству мѣстныхъ названій съ племенами Русскихъ Славянъ, на сопредѣльныя области всѣхъ трехъ нарѣчій: Бѣлорусскаго, Малорусскаго и Великорусскаго; — деревня Северицъ, въ грамотѣ 1147 года — на Сѣверянъ; — Мильчане, по догадкѣ, еще далѣе на Востокъ или Сѣверовостокъ [69]. И такъ, по всей вѣроятности, Мильчане, въ глубокую древность, жили, когда то, въ предѣлахъ Великороссійскихъ, и, переселяясь на Западъ, принесли съ собою извѣстныя формы языка, близко подходящаго къ народному Великорусскому, но видоизмѣненнаго господствующими признаками Западной рѣчи. Не отрицая принадлежности Лужицкихъ нарѣчій къ Западной вѣтви Славянскихъ въ эпоху историческую, мы должны сознаться, что они сохранили значительные признаки языка Русскаго, которые ставятъ ихъ чѣмъ-то посредствующимъ между Лешскою и Чешскою съ одной стороны, и Русскою, въ обширномъ значеніи, съ другой. До сихъ поръ ни одинъ изъ изслѣдователей не обратилъ надлежащаго вниманія на это важное сходство.

—

[69] Slowan. Starož. II. str. 910—915, 903—905, и проч.

Обращаюсь къ *Грамматикѣ*.

Судя по теперешнему состоянію Славянскихъ нарѣчій, разошедшихся на огромное разстояніе одно отъ другаго, не предвидится возможности возсоздать, во всей первобытной красотѣ, ихъ общаго родоначальника, къ которому всѣ они относятся нынѣ, какъ соподчиненные члены одного великаго, исчезнувшаго, цѣлаго. Было время, когда лучшіе изслѣдователи думали видѣть старинный Славянскій языкъ въ томъ нарѣчіи, на которое Кириллъ и Меѳодій переложили Библейскія книги. Этому устарѣлому мнѣнію рѣшительный ударъ нанесъ первый Добровскій, доказавъ, что Церковно-Славянскій, хотя болѣе прочихъ, существующихъ нынѣ, Славянскихъ языковъ, сохранилъ признаки общаго праотца, однако и въ древнѣйшемъ составѣ, въ письменныхъ памятникахъ, до насъ дошедшихъ, принадлежитъ уже къ тому времени, когда Славянскія нарѣчія рѣзко распредѣлялись по нынѣ существующимъ отраслямъ. Мнѣніе это, принятое всѣми послѣдующими языкоизслѣдователями, получило еще болѣе вѣсу, когда частныя изслѣдованія объ Исторіи Славянскихъ нарѣчій, въ эпоху, ближайшую къ переводу Библіи (достаточно указать на Шафариковы: Serbische Lesekörner), несомнѣнно доказали самобытное существованіе этѣхъ послѣднихъ и въ то древнѣйшее время, рядомъ съ Церковно-Славянскимъ. Въ подтвержденіи этого мнѣнія Филологіи приходитъ на помощь Исторія. Общій праотецъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, хотя и видоизмѣненный по различію мѣстностей и отдѣльныхъ племенъ, но все еще цѣльный, безъ распаденія на вѣтви, могъ сохранить свое существованіе только по тѣхъ поръ, пока народъ, говорившій имъ, составлялъ одно нераздѣльное цѣлое, развѣтвляясь по племенамъ, не утратилъ еще общаго родоваго названія, и жилъ сплошной массою въ общихъ жилищахъ. Это общее родовое названіе, по свидѣтельству Прокопія — Сербы (Споры). Эта общая колыбель всѣхъ Славянскихъ племенъ — Великая Сербія въ странахъ Зататранскихъ, конечно, гораздо далѣе простиравшаяся на Востокъ (т. е., ближе къ Азіятской прародинѣ), нежели полагаетъ Шафарикъ. Это время исчезнув-

шаго единства Славянскаго люда и рѣчи приблизительно опредѣляться можетъ только языческой древностію, временами Геродотовыхъ Будиновъ и Невровъ, и много, много первыми вѣками Христіанства. Въ IV столѣтіи по Р. Х. общее народное имя уже вытѣсняется названіями двухъ великихъ племенъ: Славянъ (отъ Днѣстра на Западъ) и Антовъ (отъ Днѣстра на Востокъ), которые, хотя и говорили, по словамъ Прокопія, *однимъ языкомъ* (ἔστι δὲ καὶ μία ἑκατέροις φωνή), но жили уже въ отдѣльныхъ жилищахъ; стало быть, единства язычнаго, въ строгомъ смыслѣ, имѣть не могли. Съ тѣхъ поръ, до Меѳодія, протекло пять столѣтій, и Славянскіе народы разошлись далеко на Востокъ и Западъ. Не смотря на то, древнѣйшіе памятники всѣхъ нынѣ существующихъ Славянскихъ нарѣчій ближе подходятъ къ языку Кирилла и Меѳодія, нежели новые. Отсюда прямое заключеніе, сдѣланное Шафарикомъ (Slowanský národopis, str. 35), что Церковно-Славянское нарѣчіе отличается наибольшимъ богатствомъ формъ въ образованіи и склоненіи словъ, такъ что всѣ первобытныя свойства Славянщины, встрѣчающіяся въ прочихъ нарѣчіяхъ только отдѣльно, въ Церковно-Славянскомъ находятся вмѣстѣ и въ цѣлости. Возраженіе Максимовича относительно полногласія, которое, по мнѣнію его, составляло существенный признакъ древней Славянщины, утраченный въ Церковно-Славянскомъ, и сохранившійся въ одномъ только Русскомъ, теряетъ доказательную силу, какъ скоро востановлено будетъ настоящее значеніе полугласныхъ ъ и ь. Здѣсь все недоразумѣніе заключается въ произвольномъ распространеніи смысла, еще не установившагося въ своемъ настоящемъ значеніи, полногласія Русскаго. Полногласіемъ я назову благозвучное сочетаніе согласныхъ съ соразмѣрными и соотвѣтственными, гласными, на которыя онѣ опираются. Въ этомъ смыслѣ имъ обладаетъ по преимуществу Церковно-Славянскій языкъ, по древнѣйшимъ, извѣстнымъ намъ, памятникамъ, гдѣ равновѣсіе согласныхъ и гласныхъ звуковъ поддерживается частымъ повтореніемъ выродившихся нынѣ и почти исчезнувшихъ въ произношеніи, нѣмыхъ ъ и ь. Первообразность

этѣхъ послѣднихъ, сравнительно съ полными гласными, замѣнившими ихъ въ языкѣ Русскомъ, достаточно явствуетъ изъ общности правильнаго ихъ соблюденія въ словахъ, гдѣ онѣ вовсе исчезли, въ настоящее время, во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, и даже не дополняютъ другъ друга попеременной замѣной то въ одномъ, то въ другомъ. На пр.: Церковно-Славянское съмьрьти (сӑмѐрѐти?), въ Сербскомъ: *сѐмрти*, удержало только первую, въ Русскомъ *смерти* только среднюю гласную. Это, въ собственномъ смыслѣ называемое, полногласіе Максимовичъ смѣшалъ съ особеннымъ свойствомъ языка Русскаго, раздробляющаго долгую Церковно-Славянскую *а* на два короткіе о, и долгую *ѣ* на двѣ короткія *е*. Но во всѣхъ этѣхъ случаяхъ Церковно-Славянскій языкъ не раздѣляетъ промежуточныхъ согласныхъ обычными *ъ* и *ь*, напротивъ, удлиняетъ коренную гласную: *а*, *ѣ*, между тѣмъ какъ Русскій языкъ свои повторенныя: *о*, *е*, произноситъ коротко или бѣгло. Стало быть, двойное Русское *о* или *е* есть вставочное, благозвучное для Русскаго уха, отнюдь же не коренное, подобное тому, которое замѣняетъ полугласныя Церковно-Славянскія: и оно образуетъ не иное что, какъ количественное расчлененіе одной долгой гласной на двѣ короткія. Если же и нынѣ, не говоря о другихъ доказательствахъ, обѣ формы, и краткая и долгая, независимо одна отъ другой, уживаются дружно въ языкѣ Русскомъ, то нѣтъ нужды разбирать между ними старѣйшинство. Въ самомъ дѣлѣ, естественно ли полагать, что Церковный языкъ, удержавшій еще въ XI вѣкѣ (въ Остромировомъ Евангеліи), въ XII (въ объясненіи на Псалтирь Св. Аѳанасія, Петерб. рукопись пок. Прейса, и друг.), и даже въ XIII (въ рукописи 1263 Іоанна, Болгарскаго Экзарха, изд. Калайдовичемъ 1824, и друг.) полныя формы склоненій опредѣленныхъ прилагательныхъ именъ и причастій, для уха весьма непріятныя [70], — утратилъ благозвучное

[70] Остром. Еванг. болѧщааго, 96 на об. — бывъшоуоумоу, 207 — бѣсьноущщиимисѧ, 290 на об. — падаѭщиихъ, 88. — Іоанн. Экз. Болг. соуштоуемоу, стр. 145; присnобытноуемоу, стр. 152. — Шафарика wýklad něktерých grammatických forem въ jazyku slowanském, въ Časopis Českeho Museum, г. 1846, str. 140—142.

повторенiе краткаго *о*, если оно когда либо составляло общее свойство исчезнувшаго праязыка? Что же касается грамматическихъ формъ, склоненiй и спряженiй, то мнѣнiе Шафарика о всеобъемлющемъ составѣ Церковно-Славянскаго относительно прочихъ не нашло еще возражателя. А потому, при рѣшенiи вопроса, на сколько тотъ или другой Славянскiй языкъ уклонился отъ своего первообраза, естественно сравнивать оный съ Церковно-Славянскимъ, какъ самой величавой развалиной несуществующаго болѣе общаго корня. Лужицкiй языкъ, что въ высшей степени замѣчательно, и въ нынѣшней формѣ своей несравненно болѣе Польскаго и Чешскаго въ XII вѣкѣ сохранилъ признаковъ древне-Славянскихъ. Явленiе это, съ перваго взгляда поражающее мнимою странностiю, легко объясняется: 1) совершеннымъ отсутствiемъ литтературнаго развитiя; 2) упругостiю народнаго слова, раздражаемою и укрѣпляемою вѣковымъ противодѣйствiемъ. Извѣстно, что книжный языкъ есть самое шаткое мѣрило рѣчи народной, потому что слово народа несравненно старѣе его письменности, и гораздо точнѣе сохраняется въ устахъ говорящихъ, нежели подъ перомъ пишущихъ. Литтература есть вѣрное мѣрило народнаго образованiя, но никогда не щадитъ неприкосновенности слова народнаго. Народъ же, какъ масса, дорожитъ своей собственностiю; и первая, единственно неотъемлемая у него собственность, есть языкъ. Въ созданiи языка участвовала, разъ навсегда, вся сила народнаго духа, вся совокупность его умственныхъ силъ, все творчество его мыслящей дѣятельности. Онъ чувствуетъ, что пересоздать его не можетъ: это было бы духовнымъ самоубiйствомъ, посягательствомъ на цѣльность народнаго духа, завѣщаннаго отцами въ сокровищѣ слова. Языкъ по тому уже огражденъ отъ насилiя, что въ извѣстную эпоху рожденiя образовался такъ, а не иначе: стало, быть, пришелся по сердцу и по мысли народа. Таковъ Лужицкiй языкъ, сохранившiй всю цѣльность первобытнаго состава. Но Польскiй и Чешскiй, при необыкновенно богатомъ развитiи письменности, можетъ быть, по тому самому, утратили дѣвственность и богатство грамма-

тическихъ формъ. Развиваясь, они слѣдовали закону развитія, обмѣну съ чужими, враждебному вліянію чужаго. Лужицкая же рѣчь искони жила и живетъ только въ пѣсни и словѣ народномъ. Замѣчательное свидѣтельство въ пользу этого приводитъ Гауптманъ, издатель Грамматики Нижнелужицкой, 1761 года. Природный Нѣмецъ, онъ въ 1729 году, по обстоятельствамъ, принужденъ былъ оставить отечественный Виттембергъ (нѣкогда тоже Славянскій городъ) и переселиться въ Нижнія Лужицы. Въ селеніи, гдѣ судьба привела его жить, онъ обратился къ Лютеранскому Пастору, природному Лужичанину, съ просьбою выучить его языку Славянскому. Уроки Пастора состояли исключительно въ томъ, что онъ всякій разъ долго бесѣдовалъ съ ученикомъ своимъ по-Лужицки, а тотъ слушалъ внимательно, не понимая ни слова. Почтенный наставникъ пріучалъ его Нѣмецкое ухо къ Славянскимъ звукамъ, воображая себѣ, въ простотѣ сердца, что Нѣмецъ точно такимъ же образомъ выучится по Лужицки, какъ учился и самъ онъ, по наслышкѣ. Гауптманъ не могъ удовольствоваться такимъ практическимъ изученіемъ. Онъ напрямикъ сказалъ Пастору, что ему такимъ путемъ никогда не достигнуть желаемаго, что его должно выучить чтенію, склоненіямъ, спряженіямъ, словомъ, Грамматикѣ. Славянинъ отвѣчалъ простодушно, что онъ и самъ по Лужицки читать не умѣетъ, — и этотъ отвѣтъ любознательному ученику повторили и *многіе другіе, очень умные*, по словамъ его, *люди*. Скрѣпя сердце, онъ выучился языку по распросамъ и по наслышкѣ. Такъ точно дѣлаютъ неграмотные члены народа, привыкая къ роднымъ звукамъ и формамъ отъ колыбели, но привыкая безъ труда и сознанія, пока враждебная, противодѣйствующая сила не возбудитъ и въ нихъ разумной, охраняющей силы. Въ Лужицкомъ народѣ къ этой силѣ народной привычки, укрѣпленной вѣками, присоединилась и другая, враждебная, въ гоненіи Нѣмецкомъ, которое силилось въ XVII и XVIII вѣкахъ истребить окончательно *Вендскій языкъ*. Предпріятіе Гауптмана писать Грамматику языка, назначеннаго къ уничтоженію, въ XVIII вѣкѣ казалось многимъ безразсуднымъ. Онъ самъ недалекъ былъ отъ этой

мысли, и только настаивалъ, чтобы *древній*, *уважаемый Вендскій языкъ*, какъ нѣкогда Синагога Іудейская, съ честію положенъ былъ во гробъ. И онъ устоялъ, по видимому, какимъ то чудомъ, при всѣхъ насильственныхъ мѣрахъ, но, въ самомъ дѣлѣ, очень естественно, противъ напора Нѣмечины. Правда, Словарь его испещренъ коегдѣ словами Нѣмецкими, но они стоятъ въ немъ особнякомъ; Славянскій языкъ, какъ и всюду, умѣлъ оградить свою цѣльность; и тогда какъ на Западѣ новые языки Европейскіе образовались изъ слiянія Латинскихъ корней съ окончаніями, навязанными имъ языками завоевателей, Лужицкій умѣлъ и чужія слова претворить въ свои собственныя; у него Нѣмецкое werden, horduju, спрягается въ формахъ, вовсе чуждыхъ языку, изъ котораго заимствовано. Непріязненнѣе могло быть вліяніе языковъ соплеменныхъ, тѣмъ болѣе, что оно было непринужденное и дѣйствовало подъ обманчивой личиной роднаго. Но и тутъ отсутствіе письменности спасало языкъ отъ ближайшаго обмѣна грамматическихъ формъ. Повторяю, Грамматика сохранилась въ Лужицкомъ нарѣчіи по тому самому въ такой чистотѣ, что она до сихъ поръ, какъ наука, не существуетъ, потому что никто изъ народа не имѣетъ въ ней нужды. Когда вымретъ въ Лужицахъ Славянское племя, или, другими словами, когда оно онѣмечится, умретъ и языкъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній Славянинъ унесетъ съ собою во гробъ родное слово въ той же самой чистотѣ формъ, въ какой соблюдалось оно его дѣдомъ и прадѣдомъ. Оно можетъ погибнуть (какъ и дѣйствительно гибнетъ медленной смертію), но теперь уже не можетъ выродиться.

И такъ спросимъ самихъ себя: какіе же изъ обломковъ старой Славянщины сохранились въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ, и нѣтъ ли въ нихъ и теперь еще чего нибудь особеннаго противъ древняго, Церковно-Славянскаго?

1. Въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ сохранилось *двойственное число въ первобытной своей чистотѣ.* Двойственное число, по самой природѣ своей, существовало во всѣхъ языкахъ перво-

начальныхъ, въ эпоху ихъ правильнаго образованія: оно составляло ихъ красоту, потому что всѣ языки чѣмъ древнѣе, тѣмъ точнѣе и логичнѣе въ составѣ своемъ. Въ самомъ дѣлѣ, логически двойственное число никогда не можетъ быть замѣнено множественнымъ. Разумное отличіе одного отъ другаго заключается въ сущности самой природы, которая извѣстныя части своего сотворенія обозначила печатію двойственности. Замѣчая послѣднюю, богатые составомъ своимъ языки хотѣли отличить ее самымъ окончаніемъ: отсюда двойств. число въ языкахъ: Санскритскомъ, Зендскомъ, Греческомъ, Литовскомъ, Славянскомъ до распаденія на вѣтви. Въ послѣдствіи строгая отчетливость въ мышленіи и въ выраженіи наскучила большей части развившихся уже языковъ, и двойств. число утратилось во всѣхъ вѣтвяхъ Индійскаго, въ Новоперсидскомъ, Новогреческомъ, Латышскомъ и въ большей части Славянскихъ нарѣчій. Теперь существованіе его, какъ развалины, обличается въ нашихъ языкахъ безсознательно, такъ что лучшіе Грамматики часто уже не могутъ различить его отъ окончанія множественнаго. Вообще, исчезнувъ въ письменномъ языкѣ, оно слышится еще въ народномъ, въ выраженіяхъ отдѣльныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія. Въ Русскомъ языкѣ, въ сочетаніи съ числительными *два*, *три*, *четыре*, окончаніе именит. падежа *а*, принимавшееся нѣкогда за родит. ед. числа, не что иное, какъ правильное окончаніе двойственнаго, утратившаго опредѣленность обозначенія двойственности [71]. Окончаніе творительнаго: *двумя*, *тремя*, *четырьмя*, есть также развалина двойственнаго, перешедшаго на ближайшія числительныя, конечно, въ то время, когда утратилось настоящее значеніе онаго, и когда стали смѣшивать его съ числомъ множественнымъ. Въ Польскомъ языкѣ двойственное число удержалось, большею частію, въ рѣчи простонародной. Въ языкѣ письменномъ оно сохранялось до XVII вѣка; но, по мѣрѣ знакомства

---

[71] Institut. linguae slavicae, p. 510. — Объ элем. и формахъ Славяно-Русскаго языка, М. Н. Каткова, Москва, 1845, стр. 164.

съ Европейской наукой, при усилившемся вліяніи Латыни, стало исчезать, или, по крайней мѣрѣ, терять настоящій характеръ. Теоретики нынѣшняго столѣтія имѣли о двойственномъ числѣ лишь темное чаяніе. Мрозинскій (1822) совѣтовалъ выключить его вовсе, не только изъ книжнаго языка, но и простонароднаго. Отсюда произошли многія неправильности въ письменномъ языкѣ Польскомъ. Рей и Оржеховскій положили начало безсознательному употребленію двойственнаго числа вмѣсто множественнаго; имъ подражалъ и Красицкій, лучшій поэтъ прошедшаго вѣка, а Старовольскій довелъ до нелѣпости пристрастіе къ двойственному, которымъ онъ всюду замѣняетъ имен. падежъ множественнаго. Точно также Мазуры и Кашубы любовь свою къ двойственному простираютъ до того, что употребляютъ его о предметахъ, не существующихъ въ природѣ вдвойнѣ, вмѣсто множественнаго и даже единственнаго. Между тѣмъ и въ Польскомъ языкѣ существуетъ та же неправильность, какую мы замѣтили въ Русскомъ, въ отношеніи къ числительнымъ *три* и *четыре*, которымъ, по злоупотребленію, навязываютъ окончаніе двойственнаго въ творит. trzema, czterema, вмѣсто trzemi, czteremi, а числительному: *два*, совершенно наоборотъ, придаютъ, противъ всякаго правила, окончаніе множественнаго: dwóch, dwom, вмѣсто dwu, dwoma (dwiema) [72]. Такая же сбивчивость въ употребленіи двойственнаго существуетъ и въ Чешскомъ, и даже въ древнѣйшихъ памятникахъ. Уже въ Судѣ Любушиномъ двойственное число смѣняется множественнымъ въ выраженіи *rodna bratry*. Не смотря на усилія Шафарика (въ разборѣ древнѣйшихъ памятниковъ Чешской Словесности и въ Древнечешской Грамматикѣ, составленной по старымъ памятникамъ до XIV вѣка включительно) [73] доказать, что это *y* и есть настоящая форма двойств. числа именъ существительныхъ въ нарѣчіи Чешскомъ, по сличенію съ дру-

---

[72] Rozprawy o języku polskim, J. N. Deszkiewicza, str. 168—173.

[73] Die ält. Denkm. der böhm. Sprache, S. 74. — Počatkowé staročeské mluwnice, úwod k wýboru staročeské litteratury, str. 31 sqq.

гими древними памятниками: Ludieková prsy, krásná parohy, zraky zapolená Slavojevá, w muská hlasy, w črná ščity (Крал. рук.), zjevista se dva andiely, vnidesta dva nadobná jinochy (въ Пассіоналѣ XIV в. Чешск. Музея); все же древне-Славянское окончаніе *a*, измѣненное, безъ всякой причины, въ окончаніе *y*, между тѣмъ какъ прилагательныя удерживаютъ оное, есть рѣшительно окончаніе множественнаго, отличное отъ настоящаго двойственнаго окончанія на *a*, которое встрѣчаемъ въ Виттембергской Псалтири: *knieza sva.* — Церковно-Славянскій языкъ Остромирова Евангелія не вездѣ отличается строгимъ соблюденіемъ двойственнаго, который, въ подражаніе Греческому, хотя очень рѣдко, но замѣняется множественнымъ: «аще ты єси Хсъ, «спсисѧ самъ и *насъ* (вм. наю, Греч. ἡμᾶς) [74].» Относительно древняго Сербскаго, Шафарикъ, въ извѣстномъ изслѣдованіи своемъ, не коснулся вопроса о двойств. числѣ; но изъ отрывковъ, приложенныхъ на концѣ, ясно видно, что уже въ XIII вѣкѣ, чуть ли не при повсемѣстномъ господствѣ его во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, оно замѣнялось уже часто въ Сербскомъ языкѣ окончаніемъ множественнаго: на пр: «сына, не прѣнемагаита о наказаніи «Господни, ни ослабѣита отъ него обличаема.... сію бо заповѣдь «даю *вамь* (вм. вама), да любите (вм. любита) брать брата, «никое же неимоуща междоу собою злобы [75].» А въ обоихъ Лужицкихъ и въ Хорутанскомъ оно и понынѣ находится въ полномъ, живомъ употребленіи, съ тою разницею, что въ Хорутанскомъ множественное мало по малу вступаетъ въ права свои, замѣняя его именно въ тѣхъ существительныхъ, которыя въ природѣ встрѣчаются только вдвойнѣ; по тому, вѣроятно, что въ этомъ случаѣ число не нуждается въ болѣе точномъ обозначеніи [76]; въ Лужицкихъ же нарѣчіяхъ двойственное число сохранилось во всей почти строгости правильнаго употребле-

---

[74] Остром. Ев., стр. 192, стихъ 40.

[75] Serbische Lesekörner, S. 120.

[76] Theoretisch-praktische Grammatik der slowenischen Sprache, v. A. J. Murko, Grätz, 1843, S. 15.

нія. Это, можно сказать, единственный, въ высшей степени замѣчательный, признакъ стародавности и необыкновенной упругости Лужицкихъ нарѣчій. Форма двойств. числа, въ нихъ хранящаяся, по тому особенно достойна вниманія, что, имѣя въ сущности совершенное сходство съ Церковно-Славянскою, отличается отъ нея только общностію употребленія для всѣхъ родовъ: мужескаго, женскаго и средняго. — Разберемъ же окончанія двойственнаго числа въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, по всѣмъ тремъ нарѣчіямъ, въ которыхъ оно сохранилось: Церковно-Славянскому, Хорутанскому и Нижне-Лужицкому (оставляя безъ вниманія Верхне-Лужицкое, которое всюду къ окончанію Н.-Луж. именит. и дательнаго прибавляетъ усилительную, благозвучную *j*).

Двойств. число въ именахъ существительныхъ: а) 1-го склоненія Добровскаго (имен. на *ъ*, род. на *а*) мужескаго рода:

	Ц.-С.	*Х.*	*Н.-Л.*	
Падежи:			*неодуш. вин.*	*одуш. вин.*
И. В.	а	а	а (В.-Л. aj)	owu
Р.	оу	ov, óv	owu (В.-Луж. ow)	
Д. Т.	ома	oma (ama)	oma (В.-Л. omaj)	
М.	оу	oma (ih)	oma (В.-Л. omaj)	

	И. В.	*Р.*	*Д. Т.*	*М.*
Ц.-Сл.	сына	сыноу	сынома	сыноу (Вост. Остр. Ев. Гр. стр. 3).
Хор.	sina	sinov	sinoma	sinoma (ih). (Murko Гр. стр. 17).
Н.-Л.	syna	synowu	synoma	šynoma.
Др.-Ч.	syny	synú	synoma	synú. (Šafař. mluwnice, Str. 31).
В.-Л.	synaj	synow	synomaj	synomaj.

Примѣры для Нижне-Лужицкаго заимствую изъ пѣсень:

Имен. Dwa młoźeńca (II, 1, 39); dwa noža, pšuta (48, 41, 57); dwa synka (83, 1).

В. одуш. Posłał Noas dwjeju wronaškowu (200, 7), dwjeju gołubjaškowu (200, 18).

Д. Т. М. Z tyma dlujkima zuboma (56, 4); z nagima mjacoma (3, 47).

б) Втораго склоненія Добровскаго (имен. на *ь*, род. на *я*, Добр. ошиб. *ѧ*) муж. рода:

Ц.-С.		*Хор.*	*Н.-Л.*
И.	я	ja	ja (В-Л. jaj)
В.	я	já, jóva	*неод.* ja (В.-Л. ja); *од.* jowu (В. Л. jow)
Р.	ю	jóv	jowu (В.-Л. jow)
Д. Т.	ема	jóma	joma (В.-Л. jomaj)
М.	ю	jóvoma	

	И.	*В.*	*Р.*	*Д.*	*Т.*	*М.*
Ц. Сл.	коня	коня	коню,	коне(ь)ма		коню
Н. Л.	konja	konjowu	konjowu	konjoma		konjoma
Др. Ч.	koni	koni	konjú	końma		konjú
В. Л.	konjaj	konjow	konjow	konjomaj		konjomaj

Примѣръ изъ Нижне-Лужицкихъ пѣсенъ:

Вин. одуш. сходный съ родит. kutšak pšjegaj konjowu, oboju teju bruneju (II, 77, 1).

Но оканчивающіяся на *ь* послѣ шипящихъ: *ж*, *жд*, *з*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ*, имѣютъ въ Ц.-Славянскомъ:

И. В. а.

Р. М. оу (Востокова Граммат. Остр. Ев. стр. 5).

Д. Т. ема.

И въ Нижне-Лужицкомъ, слѣдующая за б. *ж*, *з*, *ц*, *ч*, *ш*, гласная не смягчается: muža, mužowu, mužoma; kńeza, kńezowu, kńezoma; palca, palcowu, palcoma; gośća, gośćowu, gośćoma; bratša, bratšowu, bratšoma (Граммат. Гауптмана, стр. 85—94).

1-го склоненія Добровскаго (имен. на *а*, род. на *ы*) женскаго рода:

Ц.-С.		*Хор.*	*Н.-Л.*
И.	ѣ	i, é	é } всегда одинаковы
В.	ѣ	i, é	é
Р.	оу	(rib)—(á)	owu (В.-Л. ow)
Д. Т.	ама	ama, éma	oma (В.-Л. omaj)
М.	оу	ama, ema (ah)	oma (В.-Л. omaj)

	И.	В.	Р.	Д. Т.	М.
Ц.-Слав.	рыбѣ	рыбѣ	рыбоу	рыбама	рыбоу
Хорут.	ríbi	ríbi	ríb	ríbama	ríbama (ah)
Н.-Л.	ryb́e	ryb́e	rybowu	ryboma	ryboma
Др.-Чеш.	rybě	rybě	rybú	rybama	rybú
В.-Л.	ryb́e	ryb́e	rybow	rybomaj	rybomaj

Примѣры изъ пѣсень:

Вин. Pśiwjadli nam dwje starej bab́e (II, 45, 6). Chože a tej ruce požiskuju (ruce, съ смягченіемъ *к* въ *с*): II, 101, 33.

Исключ. составляютъ: źówči вм. źówce, и nožki, вм. nožce: II, 45, 12; 25, 1; nogi разъ вм. noze: II, 1, 5.

Твор. Z bjełyma rukoma (II, 3, 46); z bjełyma nožkoma (II, 174, 24).

Мѣст. Na nogoma lažy zeleny dern (II, 102, 28); В. Л. nohomaj (I, 132, 35).

Оканчивающіяся на *а*, послѣ шипящихъ *ж*, *жд*, *з*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ*, въ Церковно-Славянскомъ имѣютъ:

И. В. и
Р. М. ю (?)
Д. Т. ема (яма ?)
} Востокова Грамм. Остром. Ев. стр. 9.

Въ Нижне-Лужицкомъ, по Грамматикѣ Гауптмана (S. 122—132) онѣ же оканчиваются въ И. В. на *i*; въ Р. на *owu*, въ Д. Т. М. на *oma*; но изъ пѣсень Нижне-Лужицкихъ: вин. rože dwje (II, 185, 37); dwje rožy (II, 6, 32), и źówči (вм. źówce: II, 45 12), видно, что И. В. попеременно оканчиваются на *e* и на *i* (*y*).

Въ Верхне-Лужицкомъ всѣ существит. женскаго рода, имѣющія предъ окончаніемъ *a* гортанную: *k* и *h*, смягчаютъ ее въ именит. и винит. такимъ образомъ:

	И. В.	Р.	Д. Т. М.
Ruka	ruc-y	ruk-ow	ruk-omaj
Noha	noz-y	noh-ow	noh-omaj

Но оканчивающіяся на *cha* удерживаютъ въ именит. и винит. правильное окончаніе *e*: mucha, muše.

Примѣры изъ пѣсень Верхне-Лужицкихъ:

И. В. čornej ruččy (I, 29, 6); bjełej ruččy (34, 17); bjełej nóžcy (I, 217, 5); ruččy mazanej, nóžcy błóčanej (I, 168, 10, 11); kołbascy wobej (I, 277).

3-е и 4-е склон. женскаго рода у Добровскаго, имѣющія въ Ц.-Слав.

И. В. и
Р. М. ію } (Instit. linguae slavicae, p. 514).
Д. Т. ама (ьма)

въ Нижне-Луж. не отходятъ отъ общей формы Р. на *jowu*, Д. Т. М. на *joma*, а въ И. и В. оканчиваются на *i*: Kniṅi, kniṅowu, kniṅoma; cerkwi, cerkwjowu, cerkwjoma; mysli, myslowu, mysloma; Хор. i, i, ama, ema, ima.

Двойственныхъ окончаній существительныхъ средняго рода, по недостатку примѣровъ изъ пѣсенъ, подробно не разбираю: вотъ сравнительная таблица ихъ:

	И. В.	Родит.	Д. Т.	М.
Ц.-Слав.	ѣ,—и	оу—оу (ію).	ома—ема(ьма).	какъ Р.
Хорут.	i (a)	— —	ama	ama (ih)
Н.-Л.	e—i [77]	owu (jowu)	oma (joma)	какъ дат.
В.-Л.	e—i	ow (jow)	omaj, (jomaj)	какъ дат.
Др.-Чеш.	ě—i	ú (jú)	oma—ema('ma)	какъ род.

Въ Верхне и Нижне-Лужицкомъ нарѣчіяхъ оба окончанія И. и В. (*e* и *i*) смягчаютъ коренную согласную: blido, В. Л. blidźe, Н.-Л. bliže; koło, kole; žito, В. Л. žiće, Н. Л. žiše, и т. д. — Но Верхне-Лужицкій языкъ, по аналогіи съ существительными женскаго рода, существительнымъ средняго рода на *ko* при-

[77] Въ Н.-Луж. мѣстный падежъ ед. опредѣляетъ окончаніе двойственнаго; если мѣстный пад. кончается на *u* или *y*, то И. В. двойств. имѣетъ *i*; если на *e*, то это *e* переходитъ и на И. В. двойств.

даетъ умягченное окончаніе *cy*, а не *ce*, какъ въ Нижне-Лужицкомъ [78].

Примѣры изъ пѣсень Нижне-Лужицкихъ:

Имен. Jadno ljetko, dwje ljeśi (вм. ljeśe): II, 215.

Твор. Z brunyma wocyckoma, z ćeŕenyma licyckoma: II, 16, 18.

Но существ. woko и wucho (Н.-Л. hucho) въ В.-Луж. имѣютъ двѣ формы: woči (wocy), wuši (wuše), — wočow, wušow; — wočomaj (wokomaj), wušomaj, (wuchomaj); а въ Нижне-Луж. уклоняются отъ общаго правила: И. и В. wocy, huši (вм. woce, huše), Р. wocowu, hušowu, — Д. Т. М. wocyma, hušima. На пр., въ пѣсняхъ Нижне-Лужицкихъ: wocy gljedatej (II, 15, 47); wocy stawńe płacotej (II, 67, 12); na wocyma laźy bjeły pjesačk (II, 102, 27).

Наконецъ, имена существительныя третьяго склоненія Добровскаго: средняго рода, съ приращеніемъ въ косвенныхъ падежахъ, въ двойственномъ числѣ Нижне-и Верхне-Лужицкаго ни въ чемъ не измѣняютъ правильной формы: И. и В. *i*; Р. Н.-Л.; *owu*, В.-Л. *ow*; Д. Т. М. *oma* и *omaj*: Н.-Л. rańe, raḿeni, ramenjowu, ramenjoma, В.-Л. ramjo, rameni, rameńow, rameńoma, и т. д.

Склоненіе двойств. числа именъ прилагательныхъ опредѣленнаго окончанія (неопредѣленнаго нѣтъ) въ языкѣ Нижне-Лужицкомъ *отличается тѣмъ же однообразіемъ формъ по всѣмъ падежамъ для всѣхъ родовъ: мужескаго, женскаго и средняго.* Вотъ сравнительная таблица:

	И. В.	*Р.*	*Д. Т.*	*М.*
Ц.-Слав.	*м.* ая, *ж. с.* ѣи	оуѭ	ыима	оуѭ
Хорут.	*м.* a, *ж. с.* i	ih	ima	ima (ih)
Н.-Луж.	aj, ej, oj	eju, oju	ima, yma	ima, yma
В.-Луж.	*м. с.* aj, *ж.* oj, ej, i	oju (eju)	ymaj, imaj	ymaj, imaj
Др.-Чеш.	*м.* á, *ж. с.* ěj	ú	ýma,	ú

---

[78] Срав. Гауптмана, стр. 143; и Іордана, стр. 120, 121.

Приведу нѣсколько примѣровъ изъ пѣсень Нижне-Лужицкихъ:

И. В. Dwa pšuta winowoj (II, 48, 54); dwa młodej muski (II, 45, 15); dwa kružka bjełonej (II, 62, 34); synka mójej wélikej (II, 83, 1, 2); dwa šanta žyžanej, dwa wjenka mjerikowej (II, 184, 16, 17); dwa hugnanej (II, 199, 8); dwje rjednej žówči (II, 45, 12).

Род. Konjowu oboju teju bruneju (II, 77, 2).

Д. Т. М. Miazy dwjema drugima (II, 48, 22); z dłujkima zuboma (II, 66, 4); z bjełyma nožkoma (II, 174, 24)[79].

Склоненіе мѣстоименія личнаго въ В.-и Н.-Луж. нарѣчіяхъ близко подходитъ къ Церковно-Славянскому, отъ котораго Хорутанское нарѣчіе въ именит. и тутъ уклонилось довольно значительно:

	Ц.-С.	*Х.*	*В.-Л.*	*Н.-Л.*
Азъ		*Jáz*	*ja*	*ja.*
И.	вѣ [80]	*м.* mi dvá, *ж* me dvé	mój [81]	mój, mej [82]
В.	ны	náju, náj	naju, naj	naju
Р.	наю			
Д. Т.	нама	nama	namaj	nama
М.	наю			

[79] Но причастія спрягаемыя глаголовъ Нижне-Лужицкихъ въ залогѣ дѣйств. имѣютъ для муж. окончанія *oj*, *aj*, для женскаго, *ej*, для средняго *oj*, *aj*. См. ниже.

[80] Добровскій (Instit. lingu. slav. p. 491) и Копитаръ (Glagol. Cloz. p. 58) различаютъ окончаніе муж. *ва*, ж. и ср. *вѣ*; Востоковъ (въ Граммат. Остром. Еванг. стр. 21) говоритъ, что то различіе, по которому въ 1 л. муж. *ва*, ж. *вѣ*, во 2 и 3 л. м. *та*, ж. *тѣ*, придумано позднѣйшими грамматиками, и не существуетъ въ древнихъ рукописяхъ. Но это касается только настоящаго времени. Въ прошедшихъ онъ самъ признаетъ окончаніе *те*, *тѣ*, характеристикой ж. и ср. рода, въ противоположность муж. *та*. Здѣсь, кажется, непослѣдовательность.

[81] Въ Штиріи *me dvé*, *ve dvé* замѣняется окон. *mé*, *vé*; но *mé dva*, *vi dvá* кое-гдѣ въ *mija*, *vija*, никогда въ *má*, *vá*. Въ Крайнѣ же употребительно и это послѣднее. Murko, p. 54.

[82] Но въ Любійскомъ поднарѣчіи Нижне-Лужицкаго форма *mój* замѣняется окончаніемъ муж. рода *wi*, и женскаго *We*, почти какъ въ Церковно-Славян-

	Ц.-С.	Х.	Н.-Л.
Ты		*ti*	*ty*
И.	вы,	*м.* vi dvá, ve dvé [97]	wój, wej
В.	вы,	váju, váj	waju,
Р.	ваю		
Д. Т.	вама,	vama.	wama,
М.	ваю.		

Особенно поразительно сходство въ склоненіи двойственнаго третьяго лица мѣстоименія личнаго между Нижне-Луж. и Ц.-Славянскимъ.

	Ц-С.		Хор.	Н.-Л. и В.-Л.
онъ, она, оно.			ôn, ôna, ôno	won, wona, wono (В.Л. wón, wona, o).
И. *м.* и *с.*	я,	*ж.* и	*м.* ôna, *ж.* ôni, *с.* ône	wonaj, wonej, jej (въ В. Л. нѣтъ)
В. „	я (ня).	„ и	ju, njú	jeju, jej
Р. „	ею (нею)	„ (н)еѩ	ju, njú	jeju, jej
Д. „	има,	„ има,	jima, njíma.	jima, (В. Л. nimaj)
Т. „	нима	„ нима		nima (В.-Л. nimaj).
М. „	ею (нею).	„ (н)еѩ		

Двойственное число при спряженіи глаголовъ увидимъ ниже; здѣсь только предварительно замѣтимъ, что характеристика перваго лица въ В.-Лужицкомъ для муж. *mój* (*smój*, *chmój*) окончаніе личнаго мѣстоименія; для женскаго и средняго древняя форма *we* (*swe*, *chwe*); — втораго и третьяго *taj* (*staj*, *štaj*) для мужескаго; *tej* (*stej*, *štej*) для женскаго. Нижнелужицкій языкъ, *слѣдуя общему правилу, не дѣлаетъ различія между родами*; въ немъ окончаніе перваго лица — *mej*; втораго и третьяго — *tej*.

Соображая все предъидущее, приходимъ къ заключенію, что Нижне-Лужицкія формы двойственнаго числа, въ склоненіяхъ, немного разнятся отъ Церковно-Славянскихъ, и гораздо ближе къ нимъ, чѣмъ Хорутанскія; но, сравнительно съ древ-

---

скомъ, и, въ слѣдствіе этого, окончаніе глаголовъ въ первомъ лицѣ дв. числа всѣхъ временъ измѣняется, согласно съ мѣстоименіемъ: wi budźewi, we budźewe. — Замѣч. Смолера, прил. къ пѣснямъ Н.-Луж. II, стр. 278.

ними Чешскими, почти безразличными съ Церковно-Славянскими, сохраняютъ особенную, принадлежащую собственно имъ, физіономію. Отсюда заключать можно о непосредственномъ вліяніи Церковно-Славянскихъ на древнія Чешскія, въ эпоху преобладанія въ Чехахъ Кирилловской письменности, занесенной съ крещеніемъ Чеховъ Св. Меѳодіемъ. Лужицкія же окончанія, носящія самобытный характеръ, первоначальнымъ образованіемъ указываютъ на времена отдаленныя, гораздо древнѣйшія появленія Церковно-Славянской письменности въ IX столѣтіи; преимущественно Нижне-Лужицкія, которыя первоначальнѣе въ составѣ своемъ и носятъ несомнѣнные признаки глубокой древности. Существенныя черты сходства между ними и Церковно-Славянскими заключаются: 1) въ тождествѣ общаго намъ съ Санскритскимъ и Зендскимъ окончанія *а* для мужескаго, *ѣ* (измѣняемаго въ *і* по свойству предъидущихъ согласныхъ) для женскаго рода, въ падежѣ именительномъ; 2) въ сохранившихся, и въ тѣхъ и въ другихъ, полныхъ окончаніяхъ косвенныхъ падежей. Первое свойство находимъ и въ Верхне-Лужицкомъ и въ Хорутанскомъ; послѣдняго ни въ томъ, ни въ другомъ. Въ обоихъ совершенно утратилось окончаніе родительнаго падежа двойственнаго и слилось съ родительнымъ множественнымъ. Хорутанскій языкъ и правильное окончаніе мѣстнаго двойственнаго замѣняетъ окончаніемъ того же падежа множественнаго; а Верхне-Лужицкій къ открытой гласной полнаго окончанія прибавляетъ усилительную, благозвучную *j*. Только въ именительномъ падежѣ именъ прилагательныхъ Нижнелужицкій языкъ утратилъ полное окончаніе двойственнаго; конечное *j* не есть благозвучное, а коренное; оно — сокращеніе мѣстоименія, прилагаемаго въ Ц.-Славянскомъ къ окончанію неопредѣленному прилагательнаго имени, для составленія опредѣленнаго вида. — Существенныя черты различія между формами Нижне-Лужицкими и Церковно-Славянскими: 1) въ именахъ существительныхъ форма (съ приращеніемъ) родительнаго Нижне-Лужицкаго: *ощи*, тамъ, гдѣ въ Церковно-Славянскомъ исключительно *оу*. По сличенію съ числительнымъ *два*, *двою* (а не *дву*), съ родит. двойственнаго сы-

новоу (вм. сыноу), встрѣчающимся въ Остромировомъ Евангеліи; по аналогіи съ мужескимъ и женскимъ окончаніемъ родит. двойств. въ именахъ существительныхъ, кончащихся на *ь*: заповѣд*ию*, голен*ию*; во уваженіе общности, въ которой Нижне-Лужицкая форма сохранилась во всѣхъ существительныхъ, въ устахъ народа, безъ письменныхъ памятниковъ, и, слѣдовательно безъ ошибокъ и произвола переписчиковъ; — можно бы думать, что форма на *овоу* дѣйствительно старше, и объяснить происхожденіе позднѣйшей *оу*, какъ сокращенія, очень просто и удовлетворительно, произношеніемъ Греческой двоегласной *ου* (стоитъ только выключить придыхательную *в* въ окончаніи *ову*; тогда оставшіяся гласныя, *о*, *у*, первоначально произносившіяся раздѣльно, подобно Греческому выговору, обращаются въ долгое *у*). Но форма *ову* приличнѣе объясняется окончаніемъ множественнаго *ове*, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Вѣроятно, она и значеніемъ отличалась когда то отъ короткаго *оу*, и существовала вмѣстѣ съ нимъ въ древней Славянщинѣ. 2) Преобладающая въ Нижне-Лужицкомъ языкѣ буква *о* въ окончаніи дательнаго, творительнаго, мѣстнаго, въ существительныхъ женскаго рода, и вообще однообразіе окончаній двойственнаго числа въ косвенныхъ падежахъ для всѣхъ трехъ родовъ, въ склоненіяхъ и спряженіяхъ—правило, съ особенной точностію соблюдаемое въ Нижне-Лужицкомъ нарѣчіи. Въ слѣдствіе этого въ Нижне-(и Верхне)-Лужицкомъ разнообразныя окончанія Ц.-Слав. (и Хорут.) *оу*, *ию*, *ю* сливаются въ одно постоянное *ому*; — окончанія *има*, *ьма*, *ама*, *ема*, въ одно постоянное *ома*. Трудно опредѣлить, на какой сторонѣ старшинство и правильность образованія. Аналогіи, заимствованныя изъ другихъ языковъ Индо-Европейской отрасли, говорятъ въ пользу Церковно-Славянскаго, различающаго окончанія именъ существительныхъ по родамъ; общность употребленія въ Лужицкомъ нарѣчіи, въ связи съ другими соображеніями — въ пользу Лужицкаго. Было время, замѣчаетъ справедливо Шафарикъ въ Старочешской Грамматикѣ (str. 29), когда на отличіе родовъ, при склоненіи именъ, не обращали рѣши-

тельно никакого вниманія, а только на окончаніе корня. Эта безразличность склоненія по родамъ составляетъ одну изъ древнѣйшихъ особенностей всѣхъ языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вѣрно предположеніе о сокращенной формѣ род. двойств. муж. *оу* изъ первоначальнаго *оѵу*, то правильная, удлиненная форма Ц.-Славянскаго: рѫкоу, рыбоу, ногоу, ризоу будетъ также рѫкову, рыбову, и пр.—форма Лужицкая; и тогда окончаніе дат. и твор. женскаго рода: *ама*, становится уклоненіемъ отъ общаго правила, или, по крайней мѣрѣ, недостаткомъ послѣдовательности, которой чужды первоначальные, богатые составомъ своимъ, языки. Такая непослѣдовательность ясно выдается въ склоненіи Ц.-Славянскаго: *два*, *оба*, въ которомъ признакъ родительнаго—мужеская характеристика *о*: двою, обою, а признакъ дательнаго — женская характеристика *ѣ*: двѣма, обѣма. Напротивъ, въ Санскритскомъ и Зендскомъ въ косвенныхъ падежахъ сохраняется постоянно одна и таже характеристика; равно и въ Лужицкихъ, принимающихъ *е* вм. *о* въ числительномъ dwa: dwéju, dwéma. Сознавая неправильность, уже Мелетій Смотрицкій принималъ *двома* за настоящую форму дат. и твор. двойственнаго въ Церковно-Славянскомъ. Въ пользу Лужицкаго говорятъ и отдѣльные примѣры: а) въ Ц.-Славянскомъ, не только въ позднѣйшихъ памятникахъ, искаженныхъ переписчиками и произвольными поправками первыхъ и позднѣйшихъ издателей (вѣжд*ома* моима дреманіе — и біяху его по ланит*ома*,—по двѣма риз*ома*: Лук. IX, 3, Остр. Библіи); но и въ самыхъ древнѣйшихъ: въ Остромировомъ Евангеліи: дьноу вм. дьнию (стр. 155 на об.); въ Изборникѣ племеноу, вм. ожидаемой племению; въ Евангеліи 1164 года: племен*ома*, вм. ожидаемаго племенема, которое дѣйствительно и попадается въ гораздо позднѣйшемъ Апостолѣ XIV вѣка [83]; б) въ Хорутанскомъ — въ произвольномъ замѣненіи окончанія мужескаго *ота* женскимъ окончаніемъ *ата*: rókoma, rókama; możáma, możévoma,

---

[83] Граммат. Остром. Евангелія, стр. 10.

даже zobéma, zobóvoma; в) въ древне-Чешскомъ: osoboma (у Ѳомы Щитнаго), stranoma, pannoma (у Велеславины), sudcoma (вм. osobama, stranama, и т. д.), césařoma, mladencoma, penjezoma, stádcoma, plecoma, wěčcoma, dělatoma, zwěřatoma, nebesoma (вм. ema), ramenoma, loktoma, konjoma (вм. краткой 'ma), [84] и пр. Стало быть, измѣненіе *ама* и *ема* на *ома* въ Ц.-Славянскомъ не есть слѣдствіе вліянія Русскаго языка, потому что частехонько встрѣчается въ Чешскомъ, который не отличается пристрастіемъ къ гласной *о*, но скорѣе чуждается оной, и безъ всякой причины не сталъ бы замѣнять ею гласную *а*. — 3) Третья особенность Нижне-Лужицкаго есть сходство винит. пад. въ существительныхъ, означающихъ предметы одушевленные (и притомъ муж. рода), съ окончаніемъ родительнаго, какъ въ нынѣшнемъ Русскомъ, въ противоположность Ц.-Славянскому тождеству винительнаго падежа съ именительнымъ во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія [85]. Верхнелужицкій слѣдуетъ въ этомъ случаѣ Нижнему; Хорутанскій—Церковно-Славянскому. —4) Наконецъ, послѣдняя особенность Нижне-Лужицкаго, общая ему съ Верхне-Лужицкимъ и Хорутанскимъ, есть тождество мѣстнаго падежа двойств. съ дательнымъ и творительнымъ, тогда какъ въ Ц.-Славянскомъ и древне-Чешскомъ онъ сходенъ съ родительнымъ. Можно сказать утвердительно, что Лужицкое употребленіе правильнѣе, потому что основано на аналогіи съ Церковно-Славянскимъ, въ которомъ мѣстный ед. числа очень часто сходится съ дательнымъ; съ родительнымъ же только при случайномъ тождествѣ онаго съ дательнымъ, на пр., въ словѣ пѧть: Р. Д. М. пѧти. Въ Ц.-Славянскомъ это сходство мѣстнаго

---

[84] Počatkowé staročeské mluwnice, Šafař., str. 34—49.

[85] Которое старше, трудно рѣшить. Но замѣтимъ и здѣсь необыкновенную послѣдовательность Луж. языка. Родительный вмѣсто винит. встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ Церковно-Славянскихъ (въ Остр. Еванг. и пр.) въ единственномъ числѣ гораздо чаще именительнаго, но только въ именахъ сущ. муж. рода. Только въ этѣхъ послѣднихъ сохранилъ это тождество Луж. языкъ въ склоненіи двойств. числа.

двойств. съ родит. двойств. во многихъ случаяхъ можетъ причинить обоюдность, а именно тамъ, гдѣ мѣстный единственнаго, вмѣстѣ съ дательнымъ, кончаясь на *оу*: сыноу, полоу, чиноу, домоу, безразлично сливается съ мѣстнымъ падежемъ двойственнаго, вмѣстѣ съ родит. двойств. также исходящимъ на *оу*.

Въ спряженіи дв. числа глаголовъ языкъ Нижне-Лужицкій сходится съ Церковно-Славянскимъ, за исключеніемъ: 1) благозвучной *j*, прибавляемой къ открытымъ гласнымъ *а* и *е* окончаній втораго и третьяго лица; 2) старинной и первобытной Ц.-Славянской формы для перваго лица во всѣхъ временахъ; но въ Любіійскомъ поднарѣчіи воспроизводится она въ окончаніи муж. рода *wi* и женскаго *we* въ глаголахъ и личномъ мѣстоименіи; а въ Верхне-Лужицкомъ существуетъ постоянное правильное окончаніе *we* (*swe*, *chwe*) для женскаго рода. 3) Третья же, и самая важная, особенность Нижне-Лужицкаго заключается въ томъ, что въ сложныхъ временахъ глагола причастіе спрягаемое принимаетъ окончанія двойственнаго вмѣстѣ съ вспомогательнымъ глаголомъ; другими словами, что причастіе спрягаемое имѣетъ двойственное число, а въ Ц.-Славянскомъ едва отыскиваются слѣды употребленія онаго. Правда, Мелетій Смотрицкій приводитъ правильное спряженіе причастія дѣйствительнаго во временахъ описательныхъ: была сва, былѣ свѣ; была ста, былѣ стѣ; бысва, ѣ, была, ѣ; быста, ѣ, была, ѣ. Но Добровскій подвергаетъ сомнѣнію правильность такого спряженія [86], и, хотя принимаетъ въ грамматику, но не иначе, какъ съ большою осторожностію. Всякое недоумѣніе относительно правильности этой формы удовлетворительно рѣшается аналогіей древняго Чешскаго и нынѣшняго Лужицкаго; но это не мѣшаетъ ей быть очень рѣдкою въ Церковно-Славянскихъ, извѣстныхъ намъ, памятникахъ. Въ Остромировомъ Евангеліи не встрѣчается окончаній двойств. числа причастій спрягаемыхъ; но существованіе ихъ, замѣчаетъ Востоковъ (стр. 29), видно

86 Instit. linguae slavicae, p. 537.

изъ другихъ рукописей: аще ли быста вѣдала, то не быста пришла (Лавр. лѣт. по изд. Археогр. Комм., стр. 76); избила и пришла еста сѣмо (стр. 75); очи вървютилѣся (Изборн. 1063 года). — Нижне-Лужицкій языкъ и въ этомъ случаѣ имѣетъ преимущество предъ Верхне-Лужицкимъ. Не соблюдая различія родовъ въ спряженіи двойств. числа, онъ имѣетъ правильное окончаніе двойственнаго во всѣхъ родахъ дѣйствительнаго и страдательнаго причастій спрягаемыхъ; а Верхне-Лужицкій только въ дѣйств. и страд. прич. спрягаем. мужескаго рода олицетворенныхъ (раціональныхъ) предметовъ; но въ муж. неолицетворенныхъ (ирраціональныхъ), въ женскомъ и среднемъ замѣняетъ двойственное окончаніемъ множественнаго, общимъ для всѣхъ трехъ родовъ [87].

И такъ повторяемъ, двойственное число въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ, и въ склоненіяхъ, и въ спряженіяхъ, сохранилось въ необыкновенной живости, въ первобытной свѣжести и чистотѣ, и въ полномъ развитіи, какого не видимъ даже и въ Церковно-Славянскихъ памятникахъ XI и XII в.

—

Перехожу къ другимъ признакамъ грамматической, такъ сказать, первобытности Лужицкихъ нарѣчій, въ *склоненіяхъ* и *спряженіяхъ*.

---

[87] Такъ въ Грамматикѣ Іордана, S. 145; но увидимъ сейчасъ, что въ пѣсняхъ народныхъ это правило книжнаго языка не соблюдается.

Примѣры изъ пѣсень: а) Верхне-Лужицкихъ: sydałoj dwaj młodej, nadobnaj, taj staj sej slubiłoj swojej być: I, 43, 3, 4; nejstaj so smjeliłaj nan a mać: I, 74, 48; smój prajiłój: I, 164, 20; wój staj mi wzałoj mój złoty nóp: I, 289, 27; byštaj so lubo nemjełoj, nebyštaj za sobu łazyłoj: I, 248, 12; zo byštaj wój žiwoj byłoj: I, 276, 119. Въ пѣсняхъ правильное окончаніе двойственнаго находимъ во всѣхъ трехъ родахъ безъ различія, на пр., въ женскомъ: šitko smój dobre mój činiłej (dwje dušcy): I, 287, 45; smoj khodžiłej, spjewałej, dawałej: ст. 46—48; rucy bještej zawdatej: I, 276, 106. б) Нижне-Лужицкихъ: lubo smej se mjełoj: II, 124, I, witałej stej se: II, 3, 45; dwje rožy stej hukwitłej: II, 6, 32; mały kusk stej ujjełoj: II, 77, 3.

А. Въ склоненіяхъ.

Изъ окончаній именительнаго падежа числа единственнаго, болѣе прочихъ достойныхъ вниманія, сохранились въ пѣсняхъ народныхъ два особенно важныхъ: 1) для именъ существительныхъ мужескаго рода окончаніе *el* [88]; для именъ существительныхъ женскаго окончаніе *i*. — Первое, удержавшееся почти безъ перемѣны въ Нижне-Лужицкомъ, Польскомъ и Чешскомъ, совершенно утратилось въ книжномъ языкѣ Верхне-Лужицкомъ, гдѣ оно замѣняется болѣе новымъ окончаніемъ *er*. Между тѣмъ еще въ XVI вѣкѣ, въ эпоху начатковъ Богословской Литтературы въ Сербахъ Лужицкихъ, оно всюду господствовало въ переводахъ Библейскихъ и догматическихъ книгъ Лютеранскаго исповѣданія. Теперь оно живетъ только въ пѣсни народной. Тамъ, вмѣсто книжнаго stworićer (Пол. stworzyciel, Чеш. stwořitel), мы встрѣчаемъ выраженіе: Bóh tón stworićel (I, 276, 49). — Несравненно замѣчательнѣе женское окончаніе *i*, сохранившееся въ обоихъ Лужицкихъ нарѣчіяхъ, въ отдѣльныхъ словахъ, какъ обломкахъ. Въ Санскритскомъ языкѣ это *i* есть правильное окончаніе сущ. именъ женскаго рода. Въ Церковно-Славянскомъ, въ XI вѣкѣ, оно начинало уже исчезать. Добровскій насчитываетъ только нѣсколько именъ существительныхъ женскаго и отчасти мужескаго рода, въ которыхъ правильное окончаніе *и* или *ы* еще сохранялось, либо одно, либо рядомъ съ позднѣйшими измѣненіями въ *я*, *овь* и *ень*. Таковы: мати, дщи, крви (вм. кровь у Смотрицкаго), смокви (вм. смоква), церкви (вм. церковь; послѣднія три состава позднѣйшаго), рабыни, господыни, пустыни, Самаряныни, Египтяныни, Грекыни, — неплоды, любы, свекры, церкы, ракы (не вм. рака, а вм. устарѣлаго раковь), — камы, пламы. Этотъ скудный запасъ увеличился въ Glagolita Clozianus словомъ грьдыни (v. 612), а въ Остромировомъ Евангеліи еще нѣсколькими именами, образовавшимися по тому же правилу: милостыни (гдѣ

---

[88] Instit. lingu. slav., p. 293.

Добровскій зналъ еще только милостыня), Магдалыни, мълънии вм. мълъниа, сѫдии (судія), муж. ячмы (вм. ячмень)[89]. Судя по аналогіи съ другими Славянскими нарѣчіями, въ которыхъ окончаніе это переводилось мало по малу, оставляя въ каждомъ изъ нихъ едва замѣтные слѣды своего пребыванія, полагать можно съ достовѣрностію, что всѣ существительныя имена, какъ женскаго, такъ и мужескаго рода, оканчивающіяся нынѣ на *я*, съ предшеств. гласною или текучею *н*: богыня, Туркыня, судія, витія — женскія на *овь* (которое, по мнѣнію Каткова, есть не что иное, какъ форма косвенныхъ падежей *ъв*, заступившая мѣсто первоначальнаго именительнаго *ы*, чрезъ прибавленіе на концѣ б. *ь*)[90]: кровь, свекровь, любовь, церковь, хоругвь, морковь — муж. на *ень*: пламень, ремень, корень, кремень, камень, ячмень, и пр.[91], когда то, въ глубокую древность, оканчивались: первая категорія на *и*, послѣднія двѣ на *ы* (богыни, судіи, кры, бры, ремы, коры, и пр.). Ни въ одномъ Славянскомъ нарѣчіи нынѣ это древнее окончаніе совершенно не вымерло, не оставивъ, хотя въ одномъ, или въ двухъ словахъ, свидѣтельства общаго нѣкогда употребленія въ старой Славянщинѣ. Одинъ только Ново-Булгарскій языкъ, при наибольшемъ лексическомъ сродствѣ съ Ц.-Славянскимъ, наиболѣе утратившій чистоту грамматическихъ формъ, рѣшительно потерялъ оное даже въ тѣхъ словахъ, которыя, общностію употребленія въ самыхъ позднѣйшихъ памятникахъ Церковно-Славянской письменности, какъ будто напрашивались на сохраненіе. Тамъ всюду употребляются новыя формы: кровь (кръвь), матерь, или майка, церква, свекърва, дщерь или дщера, и пр.—Въ Великорусскомъ языкѣ не въ одномъ только составномъ прилагательномъ: *бѣлобрысый* (вм. бѣлобровый), но и въ словѣ *свекры* (Малорусское *свекруха*), употребляемомъ въ просторѣчіи всюду (сколько мнѣ извѣстно),

---

[89] Instit. linguae slavicae, p. 280, 291. — Граммат. Остром. Еванг. различія 13—19, склон. именъ сущ., стр. 9 - 11.

[90] Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка, стр. 122.

[91] Počatkowé staročeské mluwnice, Šafař., str. 36, 39, 43.

сохранилось старинное окончаніе. Во всѣхъ областныхъ нарѣчіяхъ народъ Русскій удержалъ однообразное употребленіе этого слова, и, вѣроятно, еще нѣкоторыхъ другихъ. Но встарину, по всей вѣроятности, и въ нашемъ языкѣ окончаніе *и* было въ бóльшемъ употребленіи, нежели нынѣ. Вспомнимъ замѣчательную форму въ Словѣ о полку Игоревѣ: «уже бо, братіе, не веселая година встала, уже пусты*ни* силу прикрыла [92].» Въ Малорусскомъ до сихъ поръ двѣ старинныя формы: мат*и* (*ы*) и пан*и* (В.-Р. панья); а новое Великорусское окончаніе *овь* вездѣ замѣняется новымъ же окончаніемъ *ва*, за исключеніемъ, кажется, только кров*ъ* и любов*ъ*. Въ Сербскомъ древняя форма освящена исконнымъ употребленіемъ именительныхъ мати и кти (шти), рядомъ съ новыми мајка и кћерь. Въ Хорутанскомъ mati и hči (обратившееся въ Штиріи въ нов. hčer); равно въ именит. и винит. krí, кровь, въ Штиріи чаще krv (kèrv) [93]. Всѣ прочія приняли окончаніе *ja*: suknja; или *ov* (*ev*), или *va*, какъ въ Русскомъ: cěrkev, cérkov, cérkva, molítev (-ov,-uv), molítva; rètkev (ov), rètkva, Русск. рѣдька, стало быть, ближе къ старинному рѣдькы, нежели къ новому окончанію *овь* (Пол. rzodkiew). Изъ языковъ Западной отрасли Польскій наиболѣе остался вѣренъ старинному окончанію. У него до сихъ поръ оно сохранилось, какъ правило, въ немногихъ словахъ, въ окончаніи *ni*: pani, госпожа, ksjeni, (потер. первонач. значеніе, нынѣ игуменья), bogini, богиня, gospodyni, хозяйка, prorokini, пророчица, (och)mistrzyni; но въ прочихъ измѣнилось въ *ja*: suknia, wiśnia, jaskinia, kuchnia, skrzynia, studnia, и пр.; въ мягкое *ь*: mać, macierz; а *ы* въ общее окончаніе *ew* (krew, cerkiew, marchew, brukiew, brew, chorągiew, и проч.). — Въ языкѣ Чешскомъ оно прошло чрезъ множество мытарствъ, пока не установилось въ настоящемъ употребленіи.

---

[92] Объ одномъ Прологѣ Библіотеки Моск. Дух. Типографіи и тождествѣ Славянскихъ божествъ, Хорса и Даждьбога, О. М. Бодянскаго, въ Чтеніяхъ Императорскаго Общ. Исторіи и Древн. Росс. No 2, на 1846 г., стр. 15, прим. 14.

[93] Граммат. Мурка, стр. 27.

Прежде всего, первоначальное окончаніе *ii* измѣнилось въ удлиненное *ija*, какъ всюду въ Церковно-Славянскомъ: sudii—sudija, lodii—lodija, потомъ сократилась и эта форма выпускомъ коренной *i*: sudjá, lodjá; съ перемѣною широкихъ гласныхъ въ узкія этѣ послѣднія перешли въ sudjé, lodjé, какими видимъ ихъ еще въ XIV вѣкѣ; наконецъ, и окончаніе *je* перешло въ *í*, которое совершенно отлично отъ первоначальнаго *ii*: sudí, hrabí, bratří, и пр. Лучшее тому доказательство видимъ въ тѣхъ именахъ существительныхъ, которыя въ окончаніи корня имѣли встарину не два *и*, какъ мълънии, сѫдии, а одно только *и*, съ предшествующей согласной: прошедши чрезъ тѣ же измѣненія, онѣ остановились на предпослѣдней степени: *je*; но въ послѣднюю *i* не могли перейти; это было бы древнее окончаніе, точка исхода, къ которой они не могли возвратиться, разъ навсегда отъ нея удалившись. Дѣйствительно, въ нынѣшнемъ Чешскомъ Польскія окончанія на *ini* почти исключительно соотвѣтствуютъ окончанію *yně*: bohyně, prorokyně, hospodyně, и пр. Такъ говорится по Чешски и lodí (отъ первоначал. lodii); но древнія sukni, lazni, jeskyni окрѣпли въ предпослѣднемъ оборотѣ на ě: sukně, lazně, jeskyně. Ѳома Щитный (въ рукоп. 1375 года) писалъ еще panjá; въ Пассіоналѣ Музейномъ читается hospodyni; въ Mater Verborum Вацерада: zesti, soror (p. 473), и neti, filiola (p. 116) [94]. Въ нынѣшнемъ Чешскомъ языкѣ нѣсколько словъ сохранили, какъ развалину, и то устарѣвшую форму именительнаго на *y* и *i*: Словацкое mati рядомъ съ болѣе употребительною Чешскою mat'; Словацкое dcy, Чешское dcera; kníní (вм. knehyni), слово, напрасно замѣняемое въ нынѣшнемъ Чешскомъ языкѣ совершенно особеннымъ kněžna; choti (chot'), lani (lan'), tci, (nurus), pani [95]. Въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ, преимущественно Верхне-Лужицкомъ, почти утратилось окончаніе *i*. Только въ двухъ словахъ оно продолжаетъ жить въ пѣсняхъ народныхъ:

---

[94] Počatkowé staročeske mluwnice, str. 39, sqq. — Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache, S. 218.

[95] Lehrgebäude der böhm. Sprache, Dobrowsky's S. 28—29.

В.-Л. knjeni, Н.-Л. knini, и общее pani [96]. Въ Верхне-Лужицкомъ всѣ остальныя имена существительныя приняли, большею частію, окончаніе *ja*: banja, kowalnja, kuchnja, laznja, pjekarnja, pochаrnja (въ поднарѣчіи Голянскомъ), или мягкое *eń* (въ Будышинскомъ, книжномъ, какъ въ Чешскомъ): móšeń, мошна, wišeń (šnja), studžeń (nja), pjeseń (nja), и пр. Но, сверхъ того, въ обоихъ Лужицкихъ сохранилось окончаніе *ej*, соотвѣтствующее Польскому *ew*, и близко подходящее къ древнему *ы*: krej (Matth. XVI, 17), kšej (кровь), brit(w)ej (Ps. 54, 4), cyrkej (Matth. XVI, 18), cerkwej, panwej или panej, Чеш. panew, march(w)ej (морковь), rjatkej (рѣдька) [97]; а въ формѣ konopi, вм. konop*ja*, таится доказательство еще болѣе обширнаго употребленія окончанія *i*, не только послѣ гласныхъ и язычной *n*, а также и послѣ всякаго рода согласныхъ [98].

Въ *родительномъ падежѣ единственнаго числа* укажу только на древнюю, несокращенную форму прилагательныхъ женскаго рода: *eje*, и понынѣ находящуюся въ общемъ употребленіи въ обоихъ Лужицкихъ нарѣчіяхъ. Во всѣхъ прочихъ Славянскихъ она затерялась. Въ Чешскомъ и Сербскомъ окончаніе *je*, (Церк.-Слав. ѧ) откинуто вовсе (а предшествующая гласная *e*, въ замѣнъ того, удлинена); въ Русскомъ книжномъ и Польскомъ остался одинъ его признакъ въ конечной *й (j)*; въ просторѣчія же Русскомъ сохранилась почти неприкосновенною полная форма прилагательнаго опредѣленнаго, на пр., двумъ братцамъ родим*ыимъ*; въ тѣхъ ордахъ немирн*ыихъ* [99]. Въ Лужицкихъ одинъ только родительный женскаго рода числа единственнаго сохранилъ настоящее окончаніе прилагательнаго опредѣленнаго, составившагося изъ слiянія прилагательнаго окончанія неопредѣленнаго съ мѣстоименіемъ, склонявшимся прежде особо. Эта форма родительнаго, въ которомъ предшествующая гласная *ы*, признакъ родительнаго прилагательнаго неопредѣленнаго, большею частію обрати-

---

[96] Примѣры: pani: I, 2, 32; 57, 7; 58, 13; 67, 21; knini: II, 16, 30; 182, 20, и пр.

[97] Н.-Луж. пѣсни: I, 195, 40.

[98] Na górce rež, a konopi lek: Нижне-Луж. пѣсни: II, 175, 6.

[99] Пѣсни, собранныя Кирш. Даниловъ. стр. 36, 199.

лась въ *е*, — эта форма дѣйствительно древняя. Въ Чешскомъ языкѣ она не существовала уже въ XIV вѣкѣ. Въ пѣсняхъ Верхне-Лужицкихъ народъ очень часто въ произношеніи опускаетъ конечную *е*, образовавшуюся изъ мягкаго носоваго звука мѣстоименія [100]; и въ Нижне-Лужицкихъ, большею частію господствуетъ полная форма. На пр., mojeje: I, 2, 64; do teje zahrody sadoweje: I, 134, 2; do zahrody rućaneje: I, 235, 2; do kwasneje khježje: I, 292, 10; žedneje rucki: II, 7, 17; wot ruty drobneje: II, 59, 14; 174, 16, и пр. Въ переводахъ же Библейскихъ книгъ обоихъ нарѣчій, всюду, безъ исключенія, долгая форма.

Дательный падежъ единственнаго числа въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ обращаетъ на себя вниманіе сохранившеюся въ немъ полною древне-Славянскою формою на *ови*, *еви*. Въ Будышинскомъ нарѣчіи Верхне-Лужицкаго выпало конечное *і* (уже въ Францелевомъ переводѣ Библіи въ XVII вѣкѣ постоянное *ej* вм. *ewi*), [101] а губная *в* обратилась въ удлиненную *j*; но при этомъ должно замѣтить, что твердое окончаніе *ови* уступило рѣшительно мягкому *еви*, которое часто встрѣчается въ старыхъ книгахъ Лужицкихъ въ формѣ *ewi*, *ew*. Только въ одномъ словѣ dom*oj* сохранился признакъ твердаго окончанія *owi*. Но въ Любійскомъ нарѣчіи господствуетъ полная форма: kralowi, mužowi. Всѣ прочія имена существительныя мужескаго, и нѣкоторыя средняго, рода принимаютъ окончаніе *ej*: послѣднія (и мужескія односложныя), сверхъ того, краткое окончаніе *u*, которое осталось единственнымъ въ именахъ существительныхъ среднихъ, гдѣ конечное *jo* замѣнило наше мягкое *е* или *іе*. Примѣры: duch*ej* swjatemu, (Луж. пѣсни: I, 281, 16); — 'šo kwas*ej* bješe hotowo (I, 293, 34); zaso dom*oj* pšileće (I, 224, 14); — pšindže bliže k połon*ju* (I, 224, 9), и т. д. — Въ Нижне-Лужицкомъ сохранилась полная форма безъ сокращенія, но съ перемѣной *w* на *j*, и конечной *і* на *u*: duchoju: какъ бы духову. Это *oju* произвольно

---

[100] Л. пѣсни: I, 245, 4; 252, 5, и пр.

[101] Въ В.-Луж. Библіи мнѣ встрѣтилась только одна стар. форма дат. падежа: blazn*ewi* вм. blazn*ej* (Pšisł. Salom. IX, 16; XII, 15; XVII, 7; XIX, 10; XXIV, 7; XXVI, 1).

сокращается въ *oj* во всѣхъ существительныхъ мужескаго и средняго рода; но, кромѣ того, во всеобщемъ употребленіи и краткая форма на *u*: duchu. Совершенно противно Верхне-Лужицкому здѣсь сохранилось только твердое окончаніе *owi*, и совершенно утратилось мягкое *ewi*. Вообще же народный языкъ придерживается съ особенной любовію полнаго *oju*: zwjernem' kumpanoju; ńerórał nanoju starośći; k słyńcoju; słužył jo gólcyk panoju; gólcoju ze žówckom móterka gromadu ńeda; pisarjoju samemu; kralam, wercham, kježoroju; cłojekoju, susedoju; ńemjej mje k smjechoju; knježna k wjazoroju žješo, ku brjogoju plješo [102]. Въ одномъ словѣ, въ пѣсняхъ, встрѣчается форма на *aju*: njet śje wedu ku dwóroju, и: ku dwóraju [103]. Гораздо рѣже сокращенная *oj*: golubjašk ljetašo złotnikoj' do hokna; ńewjeŕ gólcoj, my ńe'grajomy k tuženoj, ale 'grajomy k welikemu wjaseloj [104]. Форма на *u* преимущественно въ существительныхъ именахъ предметовъ неодушевленныхъ: grješnem' swjetu słužyš и пр. [105]. Трудно рѣшить, какое различіе въ значеніи между полною формою В.-Л. *ej*, Н.-Л. *oju*, *oj*, и сокращенною В. и Н. Л. *u*, — и не имѣетъ ли первая какого нибудь отношенія къ склоненію множественному съ приращеніемъ *ов* и *ев*, а вторая къ склоненію множеств. неопредѣленному, безъ приращенія (см. ниже).—Изъ другихъ Славянскихъ нарѣчій полная форма дательнаго мужескаго утратилось въ Русскомъ (за исключеніемъ сокращенныхъ: домой (домовь) и долой (доловь, какъ часто встрѣчается въ древнихъ памятникахъ) [106], и въ Сербскомъ (гдѣ въ старину была также употребительною); [107]; сохранилась же въ Польскомъ окончаніи *owi* и *jowi*; — въ Чешскомъ (въ дат. и мѣстн. пад.),

[102] Пѣсни Нижне-Лужицкія: II, 3, 4; 6, 12; 7, 33; 10, 12; 11, 1; 37, 7; 68, 12; 83, 6; 93, 19, 23; 174, 28; 195, 30, 32.

[103] Тамъ же: II, 189, 7; 24, 21.

[104] Тамъ же: II, 64, 3; 121, 1; 187, 45, 47.

[105] Тамъ же: II, 197, 26.

[106] Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка, Каткова, стр. 150.

[107] Šafař. Serbische Lesekörner, S. 96: врѣменеви, въ Студеницкомъ Typicon Архіеп. Пр. Саввы;—каменеви, ольтареви, часто въ Шишатовацкомъ Евангеліи.

исключительно въ именахъ одушевленныхъ предметовъ (въ старину и въ неодушевленныхъ: úsilno sje ostnovi spjérati, прать противъ рожна—въ Чешской поэмѣ Александроидѣ); [108] но въ самомъ полномъ развитіи въ языкѣ Хорутанскомъ. Тамъ, кромѣ формы на *u*, господствуетъ полная, и притомъ въ двоякомъ видѣ: а) сходно съ Церковно-Славянскимъ *ovi* и *evi*: latóvi, dnóvi, dnévi, moževi; б) сходно съ Нижне-Лужицкимъ *ovu* (*oju*): duhóvu, dnóvu, rodóvu, gradóvu, klasóvu, dolgóvu, и пр., а также на *evu:* dnévu, možévu. Сверхъ того, Хорутанскій языкъ принимаетъ и въ сущ. именахъ женскаго рода на *а* окончаніе *oj*: ríbi, ríboj, vôdi, vodój (то же и въ мѣстномъ), которое въ общемъ употребленіи особенно въ Штиріи, — и повторяется въ склоненіи именъ прилагательныхъ и мѣстоименій женскаго рода въ тѣхъ же падежахъ [109]. Но тамъ оно находитъ простое себѣ объясненіе въ мѣстоименіи, приложенномъ къ краткому окончанію прилагательнаго неопредѣленнаго; въ существительныхъ же стоитъ особнякомъ, и не встрѣчается нигдѣ болѣе въ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Винительный падежъ, въ обоихъ Лужицкихъ нарѣчіяхъ, слѣдуетъ однимъ и тѣмъ же законамъ употребленія. Во всѣхъ именахъ предметовъ неодушевленныхъ, мужескихъ, женскихъ, кончащихся на согласную, и среднихъ, винительный сходится съ именительнымъ во всѣхъ трехъ числахъ. Женскія имена на *а* постоянно имѣютъ *u* въ винит. единственнаго. Имена мужескія предметовъ одушевленныхъ, но не одаренныхъ разумомъ (ирраціональныхъ), въ ед. и дв. числахъ принимаютъ винительный, равный родительному, и только во множественномъ равный именительному. Имена же предметовъ, или вѣрнѣе существъ, одаренныхъ разумомъ (раціональныхъ), во всѣхъ числахъ принимаютъ родительный вмѣсто винительнаго. Въ Нижне-Лужицкомъ, говоритъ Гауптманъ, употребляется и въ этомъ послѣднемъ случаѣ ви-

---

[108] Dobrowsky's Lehrgebäude der böhmisch. Sprache, S. 170.—Počatkowé staročeské mluwnice, Safař., str. 31.

[109] Th.-pr. Grammatik der slowenischen Sprache, v. Murko, S. 21—24.

нительный равный именительному: won ma knjochši или knjochow (Knechte); но гораздо въ большемъ, почти исключительномъ, употребленіи родительный: ja mam wojakow (Math. VIII, 9); ja gonju carlow woa (Luc. XIII, 32); ja wižu clowekow ako bomi (Bäume) chojzecich (Marc. VIII, 24). Имена женскія (разумныхъ, одушевленныхъ и неодуш. предметовъ) въ двойств. и множ. числахъ вездѣ равняютъ винительный падежъ именительному. «Но «точное различіе предметовъ неодушевленныхъ, ирраціональныхъ «и раціональныхъ, мужескаго рода», замѣчаетъ Іорданъ, «до того «проникло въ духъ языка, что когда хотятъ ирраціональному «или даже неодушевленному предмету придать силу и значенье «разумнаго, равняютъ винительный падежъ родительному (на пр., «въ басняхъ и другихъ олицетвореніяхъ)» [110].

Особенное же вниманіе заслуживаетъ въ Верхне-Лужицкомъ нарѣчіи *множественное число въ четырехъ падежахъ*: именительномъ, родительномъ, творительномъ, мѣстномъ. Обратимъ вниманіе на каждое отдѣльно и на всѣ въ совокупности.

Именительный множественнаго въ Нижне-Лужицкомъ отличается особенною простотою окончаній: *i* (*y*) и *e*, прилагаемыхъ къ корню имени безъ перемѣны; въ Верхне-Лужицкомъ — особеннымъ разнообразіемъ сохранившихся формъ. Въ нынѣшнемъ Польскомъ и Чешскомъ находимъ для именит. множ. двѣ формы: короткую на *i*, *y* и *e*; и съ приращеніемъ, на *owie*, *owé*. Подобное, хотя не столь опредѣлительное, различіе встрѣчаемъ между Сербскими и Хорутанскими окончаніями: короткимъ *i*, или *e* (*je* Хорут.), и съ приращеніемъ: *ови* (Хор. *ovi* и *evi*). До сихъ поръ лучшіе Грамматики не дѣлали никакого различія въ значеніи этѣхъ двухъ окончаній. Добровскій въ Грамматикѣ Чешской приписываетъ окончаніе *owé* односложнымъ словамъ, производнымъ на *ek*; окончаніе *e* — именамъ народнымъ, кончащимся на *an*, и нѣкоторымъ другимъ, съ оконча-

---

110 Граммат. Верхне-Луж. Іордана, стр. 110.—Грамматика Нижне-Лужицкая Гауптмана, стр. 63 – 64.

ніемъ именит. единственнаго на *l* и *d*; логическаго основанія раздѣлу не полагаетъ, а ограничиваетъ его законами одного благозвучія [111] Шафарикъ въ Старо-Чешской Грамматикѣ также не обращаетъ никакого вниманія на логическій смыслъ раздѣленія именит. множ. на двѣ отдѣльныя формы; послѣднюю съ приращеніемъ *owe* или *ewe* онъ считаетъ поздвѣйшимъ видоизмѣненіемъ краткой на *y*, *i* и *ié* [112]. Караджить, въ Грамматикѣ, приложенной къ Сербскому Словарю, и Берлить, вычисляя отдѣльные случаи употребленія той и другой формы, остаются при этомъ фактическомъ распредѣленіи, не вникая глубже въ значеніе онаго, и также указывая на законъ благозвучія, который въ односложныхъ и друсложныхъ словахъ требуетъ приращенія именительнаго [113]. Поплинскій, воспользовавшійся въ Польской Грамматикѣ замѣчаніями всѣхъ лучшихъ предшественниковъ: Копчинскаго, Бандтке, Мрозинскаго, не болѣе прочихъ прилагаетъ къ рѣшенію вопроса, довольствуясь указаніемъ, не совсѣмъ основательнымъ, случаевъ употребленія [114]. Востоковъ въ Грамматикѣ Остромирова Евангелія не касается даже послѣдняго. Но Верхне-Лужицкій языкъ особенною отчетливостію въ употребленіи обоихъ окончаній и многосложностію видовъ невольно обращаетъ вниманіе. А именно: окончанія именъ существительныхъ въ именит. множ. дробятся въ немъ очень раздѣльно на три формы: 1) *ja*, *jo*, удлинен. *ojo*, 2) *owe*, въ Западномъ, Католическомъ или Подянскомъ его поднарѣчіи *owie*, 3) *e*, *je*, *i*. Іорданъ различіе между ними толкуетъ такимъ образомъ: Формы *ojo* и *owe*, онъ, вмѣстѣ съ Смолеромъ, считаетъ тождественными, и называетъ ихъ раціональными мужескими; а третью, въ подражаніе Бандтке, ирраціональною женскою. «Первыя двѣ (или вѣрнѣе первая на *ojo* и *owe*)», говоритъ онъ, «представляютъ склоняемое имя живымъ и одареннымъ разумомъ;

---

[111] Dobrowsky's Lehrgebäude der böhm. Sprache, S. 172.

[112] Šafařik: Počatkowé staročeske mluwnice, str. 31—34.

[113] Вука Стефанов. Српска Граматика, стр. 38. Berlić's Illyrische Sprachlehre für Deutsche, 1843, S. 33—35.

[114] S. 58—60.

«вторая на *е* и *у*, не имѣя въ виду такого живаго олицетворе-«нія предмета, характеризуетъ его, какъ что то вещественное; «на пр., deleńo, нижніе обитатели, delany (мѣстность); Česa, Če-«chojo, Čechowe, народъ Чешскій; Ćechi, страна. Отсюда понятно, «что всѣ существительныя имена предметовъ одушевленныхъ «имѣютъ оба окончанія, смотря по тому, съ какой стороны на «нихъ смотришь: предметы неодушевленные—только послѣднее. «Первая форма въ именахъ предметовъ одушевленныхъ указы-«ваетъ на разумный, такъ сказать, мужескій элементъ, заключа-«ющійся въ нихъ; вторая, разсматривая ихъ чисто съ внѣшней «стороны, независимо отъ внутренняго смысла, равняетъ ихъ «неодушевленнымъ предметамъ [115].»

Въ противоположность объясненію Іордана, я раздѣляю всѣ три окончанія, и первое назову родовымъ или собирательнымъ, второе видовымъ или опредѣленнымъ, третье единичнымъ или неопредѣленнымъ. Первообразъ и правильное основаніе такому дѣленію находимъ въ Церковно-Славянскихъ окончаніяхъ: а) ию (*ie*) *ие*, сокращ. *е*: татие, людие, голѫбие, мытарие—мытаре, дѣлателе, свидѣтеле, фарисее, и пр. (Луж. первонач. *ja*, *jo*, удлиненное *ojo*); б) *ове* и *еве*: сынове, стражеве, врачеве, и пр. (Луж. *owe*, в) *и*: мужи, кнѧзи, отци, сыны (Луж. і). Первыхъ двухъ, при неоспоримомъ язычномъ сродствѣ, по тому уже не слѣдуетъ сливать во едино, какъ дѣлаютъ Іорданъ и Смолеръ, что имена существительныя, по окончанію принадлежащія къ одному и тому же разряду, имѣютъ именит. множ. одни на *еве*, другіе на *ие*, стало быть, расходятся въ смыслѣ: кесарь, кесареве, мытарь, мытарие. Что окончаніе *ие* не есть сокращеніе изъ *еве*, видно изъ того, что его принимаютъ имена существительныя, исходящія на твердую полугласную *ъ*, которыхъ правильное окончаніе во множ. съ приращеніемъ: *ове*, никогда *еве*: людъ, людие, братъ, братие. Важнѣйшее же доказательство разнородности окончаній *ове* (*еве*) и *ие* заключается въ томъ, что въ Церковно-Славянскомъ многія имена сущ. имѣютъ оба окончанія вдругъ: царь, царие, ца-

---

[115] Грамматика Верхне-Лужицкая, стр, 9, 111, 117.

рече (Instit. lingu. slav. vet. p. 468); тоже въ Лужицкомъ: Čechojo, Čechowe; mužojo, mužowe; тоже и въ Сербскомъ: ясенє, ясенови; листови (листы), листє (листья); цвиjетє (цвѣты), цвиjетови (искуственные) (Берлить, стр. 34—35). Двѣ формы, существующія рядомъ въ какомъ бы то ни было языкѣ, и находящіяся въ полномъ употребленіи, не могутъ быть однозначущими, а должны заключать въ себѣ хотя слабый оттѣнокъ понятія; въ противномъ случаѣ одна, новѣйшая, непремѣнно бы вытѣснила, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлала бы рѣже употребленіе второй, что и видимъ въ ед. дател. Верхне-Луж. *ej*, вм. устарѣвшаго *ewi* (*owi*). Правда, въ Церковно-Славянскомъ окончанія *ове* (*еве*) и *иє* утратили опредѣленность взаимнаго соподчиненія; но, по соображенію смысла окончанія *иє*, въ отдѣльныхъ случаяхъ, гдѣ оно попадается, видно, что оно по преимуществу есть собирательное, означающее совокупность предметовъ одного рода. На пр., людиє: совокупность недѣлимыхъ, принадлежащихъ либо цѣлому роду человѣческому, либо частному отдѣлу онаго, безъ всякаго отношенія къ предметамъ другаго разряда, безъ точнѣйшаго обозначенія различія ихъ, на пр., отъ скотовъ, и вообще разнородныхъ предметовъ: «отъвѣщавше вьси людиє рекошѧ;» т. е., вся совокупность людей, находившихся тутъ, безъ вниманія къ лицамъ отдѣльнымъ, или къ другимъ отсутствующимъ. Собирательное значеніе явствуетъ изъ Греческаго: ὁ λαός, ὁ ὄχλος, которое всюду въ Евангеліи соотвѣтствуетъ Остромирову людиє. «Предсташа цариє земстіи и кнѧзи собрашася вкупѣ,» т. е., вся совокупность царей земныхъ и людей (Kral*ojo* teje zemje pšistupja, a kńe*ža* skladuja ʻromadžje radu). Братиє — въ значеніи Христіанскаго братства: «възлюбленаа братрье, вьсѣкъ гнѣвъ да отъвръжемъ.» (Glag. Cloz. 541). «Мужиє братиє» (mužojo bratsja), выраженіе Апостольское. Въ Русскомъ, Сербскомъ, и Хорутанскомъ языкахъ сохранилось наиболѣе остатковъ этой собирательной формы въ окончаніи существительныхъ мужескаго рода на ъ: братья (Хор. brátje, С. братя), друзья, платья, прутья (Серб. прутє), лоскутья, берестья (С. бриjестє), хворостья (сравн. С. растє), листья (С. листє, Луж. lisćje: Ps. I, 3), сватья (Хор. svátje), колья (С. колє), стулья, клочья, крючья,

сучья, струпья, брусья, комья; Серб. трнє, иверє, (стружки) трунє (пыль), роблє (рабы), гроздє, судє (ведра), жулє (мозоли), панє (пни), црijеплє (черепки), Хор. fántje (парни), kmétje, océtje, sosédje (рядомъ съ краткимъ оконч. на *i*: bráti, sosédi, и т. д.); на *ь*: мужья, князья, зятья, уголья, каменья (С. каменє), кореньа (корijенє) ременья (ременє); Хор. на *r* (Ц.-Сл. *рь*): pisarje, pastírje, gospodárje, также gospódje, golóbje; *Луж.* pucje (Ps. 25, 4); и т. д.—средняго рода на *о*: деревья (С. дрвлє, дерветє), перья (С. перє), крылья, полѣнья, звенья; Серб. псетинє (псы), — въ окончанiи средняго рода на *ье*: старье, дурачье, бабье, тряпье; [116] всего же ближе къ Лужицкой формѣ на *jo*, *ojo* въ окончанiи числительныхъ: двое, трое, четверо, пятеро, и пр. — Во всѣхъ этѣхъ случаяхъ Русскому (и Сербскому!) окончанiю *ья, ье* (гост*ье* въ договорѣ Олеговомъ: Лавр. Лѣт. по изд. Арх. Комм., стр. 15; въ догов. Игор. стр. 19; люд*ье*, въ догов. Игор., стр. 20) соотвѣтствуетъ Церковно-Славянское *иє*, если не во всѣхъ отдѣльныхъ примѣрахъ, то по аналогiи нѣсколькихъ общеизвѣстныхъ: гостиє, людиє, братиє, мужиє, листвиє, которые въ Глаголитскихъ отрывкахъ, сообщенныхъ Копитаромъ, всюду приближаются къ Русскому въ краткомъ окончанiи *ьє*, *ья* (Glagol. Cloz. v. 84, 108, 541, 769, 774). И нѣтъ никакой нужды, даже вовсе противно филологическимъ даннымъ, вмѣстѣ съ Авторомъ Филологическихъ наблюденiй, возводить этѣ окончанiя числа множественнаго къ единств. числу отвлеченныхъ средняго рода. Это послѣднее значенiе, въ какомъ дѣйствительно встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ *камениє*: (камениє распадесѧ: Остр. Ев. 190 на об.; камениимь бити: Vit. Sanct. ed. Mikloš. v. 161); *листвиє*: (листвиє прозѧбнеть: О. Е. 146); *тьрниє*, и т. д., очевидно, есть производное, предполагая необходимо существованiе первоначальнаго: камень, *мн. муж.* камениє; листъ, *мн. муж.* листвиє; тернъ, *мн. муж.* тернiє,—которое встрѣчается и въ Остром. Ев., на пр., камениє хлѣби бѫдѫть (261 на об.); падъшеє въ трьнии (95; окончанiе винит. множ., требуемое предлогомъ поступательнаго движенiя *въ*). Здѣсь можно пред-

[116] Фил. Наблюд. надъ сост. Русскаго языка, 2-е разс., стр. 328, 344.

ложить возраженіе: отъ чего же окончаніе *иє*, если въ древнемъ языкѣ ему былъ присвоенъ особенный оттѣнокъ значенія собирательнаго, сдѣлалось общимъ для множественнаго числа въ именахъ существительныхъ муж. рода на *ь*, съ предшествующими *б*, *в*, *д*, *т*, *с*, *н*, рѣже *л* и *р*? Во первыхъ, это правильно только въ отношеніи къ Церковно-Славянскому и древнему Чешскому; но въ Польскомъ Псалтирѣ Маргариты читаемъ и dńowe (dniowe) вмѣсто общаго дьниє [117]. Во вторыхъ, весьма вѣроятно, что собирательное склоненіе на *иє* въ другихъ падежахъ отходило отъ общаго множественнаго. Такъ въ Глаголитскихъ отрывкахъ, изданныхъ въ Glagolita Clozianus, читаемъ форму падежа дательнаго на *ьємъ* или *иємъ*; людьємъ (ст. 772), вмѣсто обычнаго: людємъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ Церковно-Славянскихъ, что весьма замѣчательно, встрѣчаемъ и существительныя имена женскаго рода съ такимъ же окончаніемъ *иє*: *вѣтвьє* (Glag. Cloz. v. 37), существительное средняго рода, предполагающее первоначальное: вѣтвиє, множ. число сущ. женскаго вѣтвь; *рождиє* (Остр. Ев. 49), по Востокову существительное средняго рода, но также предполагающее первоначальное рождиє, множ. число женскаго розга (Луж. kośćje: I Кн. Mois. L, 25). Особенно замѣчательна форма дател. падежа: въ слѣдъ несъмыслънъ *похотіимъ* ходити (Glag. Cloz. 124), которая вовсе отходитъ отъ общихъ законовъ склоненій существительныхъ женскаго рода на *ь*: похоть, похотємъ, а съ другой стороны вполнѣ подчиняется законамъ собирательной формы, о которыхъ нѣсколько ниже [118]. Все сказанное даетъ намъ, нѣкоторымъ образомъ, право принимать собирательную форму на *иє* особенной темой склоненія для всѣхъ трехъ родовъ. Теперь намъ понятно, отъ чего и въ Церковно-Славянскомъ, по замѣчанію Добровскаго и Копитара (и въ Польскомъ, и въ Чешскомъ), имена народныя, кончащіяся на *инъ*, *янинъ* (Чеш. *an*, Пол. *anin*), въ именит. падежѣ множ. принима-

[117] Rozprawy o języku polskim, Deszkiewica, str. 114.

[118] Копитаръ предполагаетъ существ. имя ср. рода: похотіє; но, считая даже правильнымъ образованіе этого слова, по наружности довольно страннаго, все же въ дательномъ множ. должно быть похотіємъ, а не похотіимъ

ютъ, по преимуществу, окончаніе *е*; а окончивающіяся на согласную не чуждаются *ове*: Кыяне, Поляне, Козаре, Булгаре, Римляне, Славяне, — Жидове, Řek*owé*, Markomann*owé*, Turk*owé*, и т. д. Первое окончаніе есть, кажется, сокращенное *ие*, какъ мытар*ие*—мытаре; а единственное *инъ* (*янинъ*), *сходное съ окончаніемъ прилагательныхъ именъ притяжательныхъ* по самой природѣ своей, заключаетъ въ себѣ оттѣнокъ собирательнаго значенія рода, къ которому принадлежитъ недѣлимое. На пр., *Славянинъ*, т. е., принадлежащій къ Славянамъ, какъ бы членъ Славянской семьи; между тѣмъ, какъ усѣченное окончаніе *ъ* означаетъ просто недѣлимое, принадлежащее къ извѣстному виду: отсюда христіан*инъ*, христіане; но древнее крьстиянъ — крьстияни (Vit. Sanct. Miklos. v. 390, 425)[119]. Точно также господ*инъ* — господ*ие*, бар*инъ* — баре, Apoštolé, Anděle, соборъ Апостоловъ, Ангеловъ, měštané, сословіе мѣщанъ, manželé, совокупность супруговъ; но manžel*owé*, супружники, въ противоположность холостымъ, и т. д.

Что касается формъ съ приращеніемъ *ове*, и краткой на *и*, то различіе ихъ я обозначилъ названіями опредѣленной (видовой) и неопредѣленной. Дѣйствительно, всѣ имена видовыя, въ отличіе отъ предметовъ одного рода, но другихъ видовъ, въ Церковно-Славянскомъ (въ Чеш., Пол., Серб., и пр.), принимаютъ большею частію, окончанія: *ове* (*ови*), *еве* (*еви*). На пр., Егуп'тьст'ии зно*еве* (въ отличіе отъ всякихъ другихъ, вмѣсто правильнаго зно*и*) ничимъ же сѫтъ хоуждьши вавулоньскыѩ оноѩ пештьницѩ (Vit. Sanct. Miklos. v. 719). Соподчиненныя собирательному понятію *людие:* врачеве, цареве; Чеш. otcjmowé, tchánowé, synowé; Пол. królowie, wodzowie, ojcowie, stryjowie, wujowie, фамильныя имена: Radziwiłłowje, Chodkiewiczowie, окончаніемъ *ове* (*еве*) характеризуютъ отдѣльные виды, въ противоположность всѣмъ прочимъ, принадлежащимъ къ тому же обширному роду. Но каждое изъ нихъ, принимаемое безъ отношенія къ соподчинен-

---

[119] Стало быть, не совсѣмъ правильно замѣчаніе Павскаго, что окончаніе *е* замѣнило *и* въ словѣ Христіане (вм. Христіани), по образцу существительныхъ: сосѣди, холопи, и пр. Филолог. Наблюд. II, стр. 307.

нымъ разрядамъ, а только въ совокупности недѣлимыхъ, его составляющихъ, безъ всякаго сомнѣнія, имѣло когда-то собирательное окончаніе *ие*: цар*еве* — цар*ие*, муж*еве* — муж*ие*, хотя этотъ тонкій оттѣнокъ въ послѣдствіи, большею частію, утратился. Точно также видовыя названія животныхъ отличаются окончаніями *ове* и *еве*: Ц.-Слав.: врабіеве, скорпіеве, ежеве, зміеве (Inst. lingu. slav., p. 468); Чеш. lwowé, slonowé, orlowé, oslowé, hadowé, psowé; Серб. соколови, гавранови, ястребови, и т. д. Но въ собирательномъ смыслѣ, безъ отношенія къ видамъ, и они принимаютъ окончаніе *ие*: на пр., въ Евангельскомъ словѣ: се азъ посылаѭ вы яко овьцѧ посрѣдѣ влъкъ, бѫдѣте мѫдри яко змиѩ (а не змиеве), и цѣли яко голѫбиѥ (Луж. hołbje): Остр. Ев. 271.— Отличіе собирательнаго окончанія отъ неопредѣленнаго краткаго явствуетъ само собою изъ сказаннаго. Когда не нужно вложить въ понятіе оттѣнка ни общности и нераздѣльности цѣлаго рода, ни раздѣльности вида; другими словами, когда нѣтъ ни собирательнаго, ни видоваго значенія, тогда существительныя принимаютъ окончаніе неопредѣленное (единичное), будутъ ли то предметы одушевленные, или лишенные жизни.

Примѣняя сказанное къ нарѣчію Верхне-Лужицкому, я считаю собирательнымъ окончаніе *jo* (*ojo*), видовымъ окончаніе *owe* (у), неопредѣленнымъ окончаніе *i*. Полное подтвержденіе сказанному находимъ въ примѣрахъ, извлеченныхъ изъ пѣсенъ. Šitcy towaršjo, šitcy ludžo su na mne, zo ja rjanu lubku mam. Nezłobće so, towaršojo: I, 233, 5, 7. Pšećeljo z kerchowa stupaja: I, 291, 29. — Люди, товарищи и пріятели, по самой сущности словъ — понятія собирательныя. — Отъ того-то съ числительными находимъ всегда сочетаніе окончанія именительнаго на *ojo*, *jo*: pili su tam, 'rali, tsi młodži zemenjo, tsi młodži rajtarjo: I, 130, 2, 3; sedmjo bratsja (Matth. XXII, 25; Luk, XX, 29). Въ Френцелевомъ переводѣ Библіи окончаніе *ojo* совершенно поглотило окончаніе *owe*; за то первоначальное *jo* (и древнѣйшее *ja*) всюду осталось признакомъ исключительно собират. значенія: kńeža, bratsja, (bratsjo), древне Чешское bratřija, knežija (Šafař. Mluwn. 41), židža (въ пѣсняхъ: вмѣсто Библейскаго

неопредѣл. židži I, 283, 12), jandželjo, pšećeljo, pohanjo, pastyrjo, mješćenjo, wobydlerjo, и много другихъ. Равно и въ пѣсняхъ форма на *owe* не попадается. Но въ языкѣ В.-Лужицкомъ она замѣняется въ нѣкоторыхъ словахъ (съ необыкновенною отчетливостію) раціональнымъ (по выраженію Іордана) окончаніемъ *у*, съ смягченіемъ предъидущей согласной, въ противоположность неопредѣленному (ирраціональному) окончанію *і*, безъ предъидущаго смягченія. На пр., hrješnikojo, hrješnicy (вм. — kowe), неопр. hrješniki. Это *су* встрѣчается въ пѣсняхъ Лужицкихъ съ яснымъ обозначеніемъ видоваго отличія. Доказательство въ 171 пѣсни: Въ Лазовской гостинницѣ происходитъ помолвка. Въ пѣсни спрашивается, кто былъ свидѣтелемъ сговора? и слѣдуетъ отвѣтъ: cyła gmejna Łazowska, wsitcy sprawni wotro*čcy* (парни, слуги, Ц.-Сл. отроки); но не wotrokojo, и не wotroki. Первое непремѣнно стояло бы, если бы дѣло шло только объ общинѣ Лазовской, и о всѣхъ добрыхъ молодцахъ ее составляющихъ (смыслъ собирательный). Но здѣсь главная мысль: противоположеніе извѣстныхъ свидѣтелей, Лазовскихъ подданныхъ, всѣхъ на лицо—другимъ присутствующимъ, молодымъ парнямъ, которыхъ не перечтешь: štož pak młodži hólcy su, rachnowani nebudža: отъ того правильное окончаніе *су*: wotročcy (I, 171, 1—11). Отъ того и holčcy (отъ holčk) всегда принимаетъ опредѣленную форму *су*, а не *ki*, въ противоположеніе дѣвицамъ, которыхъ сочетаніе съ парнями есть любимый мотивъ народной пѣсни.

Родительный падежъ числа множественнаго въ именахъ существительныхъ всѣхъ родовъ оканчивается въ Верхне-и Нижне-Лужицкомъ на *ow*. Происхожденіе этого *ow* толкуютъ различно. Добровскій въ Чешской Грамматикѣ производитъ его отъ окончанія множественнаго *owe*, чрезъ опущеніе конечнаго *е* [120]. Шафарикъ въ Старочешской Грамматикѣ, считаетъ первоначальную форму родит. множественнаго тождественною съ именительнымъ единственнаго, а окончаніе *ow* позднѣйшей

---

[120] Lehrgebäude der böhm. Sprache, S. 173.

приставкой [121]. Въ Церковно-Славянскомъ дѣйствительно древнѣйшая форма род. множ. въ именахъ существительныхъ муж. рода на *ъ*, *ь*, *и*, равняется именит. единственнаго [122]: такъ преимущественно въ Остромир. Евангелiи: бисьръ, власъ, влъхвъ, грѣшьникъ, архиереи, вои, мѫжь, кнѧзь, отьць, житель, мытарь, и т. д. [123]. Но правило это не простирается на существит. имена женскаго и средняго рода. Между тѣмъ, что достойно вниманiя, окончанiя родительнаго падежа множ. этѣхъ послѣднихъ совпадаютъ съ окончанiями мужескаго: рыб*ъ*, вѣдовиц*ь*, овьц*ь*, свини*и*, чѧд*ъ*, знамени*и*, и т. д. Точно также, въ Лужицкихъ нарѣчiяхъ, окончанiя женскаго и средняго рода въ родит. множ. совпадаютъ съ окончанiями мужескаго *ow* (nanow, zemjow, słowow), иногда *i* въ именахъ, оканчивающихся на мягкую согласную. Это тождество замѣчательно, и можетъ повести къ заключенiямъ важнымъ. Прежде всего, ясно, что въ древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, памятникахъ Церковно-Славянской письменности почти исключительно господствовало краткое окончанiе родительнаго множественнаго; а въ Луж. нарѣчiяхъ нынѣ почти исключительно господствуетъ окончанiе долгое, съ приращенiемъ, *ow*. Но, между тѣмъ, есть слова и въ Церковно-Славянскомъ, которые въ род. множ. принимаютъ приращенiе *ов* (*ев*), и именно тѣ, которые въ именительномъ множественнаго оканчиваются на *ове* и *еве*: врачеве, врачевъ; цареве, царевъ; или приращенiе *ии*: дьнь, дн*ии*, пѫть, пѫт*ии* и т. д. Равно и въ Лужицкомъ есть много именъ существительныхъ, принимающихъ оба окончанiя вдругъ: bratr, bratrow; slow, slowow; nebes, nebesow (Matth. XI, 23, 25). Теперь, какъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ Ц.-Славянскаго и Лужицкаго встрѣчается по два окончанiя, и притомъ, въ позднѣйшихъ памятникахъ нерѣдко древнѣйшая, по мнѣнiю Шафарика, т. е., краткая форма (на пр., въ Лавр. Лѣт. отруб*ъ* вм. отруб*ии*), то заключать можно, что оба окончанiя, и полное и краткое, существовали когда-то вмѣстѣ въ древней Славянщинѣ, безъ всякой хронологической и языч-

121 Počatkowé staročeské mluwnice, str. 29, 31, 34 sqq.

122 Institut. linguae slavicae, p. 472.

123 Грамматика Остром. Еванг., стр. 3 sqq.

ной преемственности, и отличались оттѣнкомъ значенія, нынѣ утраченнымъ. До сихъ поръ сохранились намеки на тонкое различіе, условливаемое въ самомъ значеніи не случайнымъ выборомъ того, или другаго окончанія. Такъ полная форма сы*новъ* вм. сынъ не даромъ встрѣчается намъ въ Остромировомъ текстѣ, съ точнѣйшимъ опредѣленіемъ вида: мъногы сн҃*овъ* изл҃ѥвы (278 на об.), подобно тому, какъ мы видѣли выше, въ житіи Павла препростаго (изд. Миклошича, стр. 21, ст. 719): Егуп'тьст'ии зно*ѥве* (вм. обыкн. зно*и*). Здѣсь только, мнѣ кажется, можетъ найти объясненіе правильное удлиненная форма родительнаго двойственнаго, господствующая въ Лужицкомъ нарѣчіи. Окончаніе *ову* не старше окончанія *оу*, и на оборотъ, окончаніе *оу* ни моложе, ни старше окончанія *ову*; и то и другое отличаются одинаковой первообразностію, но различнымъ значеніемъ; и, раздѣливши между собою въ послѣдствіи преобладаніе въ двухъ языкахъ, сохранившихъ окончанія двойственнаго въ родительномъ падежѣ, Ц.-Славянскомъ и Нижне-Лужицкомъ, когда то, въ незапамятную эпоху единства язычнаго, дружно пребывали вмѣстѣ и дополняли одно другое въ старой Славянщинѣ. Послѣ сказаннаго нами о различіи трехъ окончаній имени. падежа множественнаго, легко будетъ построить цѣлую систему склоненій, въ которой всѣ формы, сохранившіяся нынѣ въ отдѣльныхъ словахъ, какъ развалины, займутъ настоящее мѣсто, легко укладываясь въ готовыя рамы, которыя однѣ въ состояніи упростить таблицы склоненій правильнымъ опредѣленіемъ взаимнаго отношенія ихъ между собою.

Естественно, что Славянскій языкъ, строго отличавшій окончаніемъ двойственность, могъ, по тому же закону числительной отчетливости, обозначить различными окончаніями разныя степени множественности, усмотрѣнныя нами въ падежѣ именительномъ. Тѣже отношенія, продолжая дѣйствовать въ падежахъ косвенныхъ, должны были образовать особеннаго рода склоненія. Дѣйствительно, въ существительныхъ именахъ мужескаго рода, въ Церковно-Славянскомъ, характеристика именительнаго падежа опредѣляетъ и формы другихъ падежей числа множественнаго. На пр.:

Мн.	И. сын*ы* (*ъи* по Глаголит. правопис.)	сынов*е* (врачев*е*)	люди*є*
	В. сын*ы*	сынов*ы* (жерцев*ы*)	люд*ии* (?)
	Р. сын*ъ*	сынов*ъ* (врачев*ъ*)	люд*ии* (?)
	Д. сын*омъ*	сынов*омъ* (врачев*емъ*)	люд*иимъ* (?)
	Т. сын*ы*	сынов*ы* (жерцев*ы*)	люд*иими* (?)
	М. сын*ѣхъ*	сынов*ѣхъ* (врачев*ѣхъ*?).	люд*иихъ* (?).
Дв.	И. В. сын*а*	сынов*а* (?)	
	Р. М. сын*оу*	сынов*оу*	
	Д. Т. сын*ома*	сынов*ома* (?) (124).	

При недостаткѣ данныхъ, трудно возсоздать старинную тему склоненій, въ томъ видѣ, въ какомъ они нѣкогда, безъ всякаго сомнѣнія, существовали. Правда, склоненіе именъ существительныхъ муж. рода съ приращеніемъ *ов* (*ев*) во множ. и даже двойственномъ; съ приращеніемъ *ии* (сокр. *и*) во множественномъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но доказать

124 Ср. Добровскаго Institutiones, p. 466—468; и Гр. Остр. Ев., стр. 3, 5, sqq.—Дат. на *овомъ*, встрѣчается въ древне-Сербскомъ псалтирѣ 1495 г. разоумовомь, гласовомь, и т. д. (Serb. Lesek. I. 96). И теперь еще въ Бачкѣ по городамъ: воловом, соколовом; но никогда въ Сербіи, Герцеговинѣ и Босніи, гдѣ вездѣ окончаніе *имъ* (Серб. Гр. Вука, стр. 37). — Въ Сербскомъ языкѣ есть нѣсколько именъ существительныхъ, принимающихъ во всѣхъ падежахъ числа множ. приращеніе *ов* или *ев*: паук, облак, тријесак (громъ), запрегъ (передникъ), саджак (треножникъ), корак (шагъ), сокак (улица), уголь, орао, сокоо, дијетель, лепир (мотылекъ), явор, шестар, зец (заяцъ), пояс, бог, враг, снијег, орах, дух, пух, крух, прах, ован, и т. д. (Берлить), 34 — 36. — Что касается собирательной формы, то окончанія ея нѣсколько разнятся отъ извѣстныхъ примѣровъ склоненія множ. числа существительныхъ именъ на *иє*. Приведенныя формы составлены по аналогіи съ формою: *похотіимъ*, и съ склоненіемъ производныхъ существительныхъ средняго рода на *иє*, съ тою разницею, что въ послѣднихъ соблюдается признакъ числа множественнаго. Здѣсь только замѣтимъ, что эта собират. форма, кажется, во всѣхъ падежахъ терпитъ сокращеніе. Форма: кръв*ии*: въ точеніи кръвии (ἐν ῥύσει αἵματος) (Остр. Ев. 243), есть чисто собирательная: кровей; а кръв*и*: иже ни отъ кръви.... родишаса (οὐκ ἐξ αἱμάτων) (Остр. Ев. 3), не что иное, какъ сокращеніе изъ: кръв*ии*. Дьн*ии* — дьн*и* (О. Е. 261).

положительно общность такого склоненія для *всѣхъ* именъ сущ., даже муж. рода, рядомъ съ обыкновеннымъ безъ приращенія— совершенно невозможно. Причина понятна. 1) Что касается склоненія собирательной формы, то оно, по самой природѣ своей, преимущественно должно было составлять принадлежность тѣхъ существительныхъ, въ которыхъ понятіе множественности сливалось съ понятіемъ о собирательности, — и въ такомъ случаѣ оно исключало всѣ прочія; въ противномъ же, должно было являться болѣе, или менѣе рѣдкой случайностію. 2) Сохранившись въ падежахъ именит. и родительномъ, приращеніе выпало въ другихъ падежахъ. За то, въ этѣхъ двухъ сохранились живые слѣды его общаго употребленія, *въ существительныхъ именахъ мужескаго рода всѣхъ окончаній*. Приведу примѣры въ подтвержденіе сказанному, по возможности, изъ древнѣйшихъ памятниковъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. а) Окончаніе именит. ед. числа ъ: *Им.* бози, вълсви (Остр. Ев. 37, 251); syn*i* (zini, Чеш. отрывокъ Ев. отъ Іоанна, XI в. строк. 73, 74); dn*y* (dn*i*) (въ Псалтирѣ Маргариты XIV в.); kor*y* (въ кн. Св. Гедвиги); час*е* (въ Типик. Пр. Саввы 1210 года; — сынов*е* (Остр. Ев. 30 на об.); dno*we* и koro*we* (въ Пс. Мар. и въ кн. Гедвиги); час*ове* (въ Серб. Псалт. 1495); — люд*ие* (Остр. Ев. 106), и т. д.; Ces*je*, Tater*je* (Краледв. рукоп.). *Род.* ученикъ (О. Е. 6); чловѣкъ (О. Е. 77 на об.), mosenic, zaconnic (Фриз. рукоп. X в.); грѣхъ (О. Е. 243); gre*h* Фриз. рукоп.); — сын*овъ* (О. Е. 278 на об.); грѣх*овъ* (О. Е. 159, 255, 258); grech*ou* (Фриз. рукоп.); уд*овъ*; вашихъ Vit. (Sanct. Mikl. v. 233); bo*gow* (bogou, 69-й ст. Любуш. Суда); czlowek*ow* (въ Пс. Маргарат.); — люд*ии* (О. Е. 278), и т. д.—б) Окончаніе именит. ед. ч. ь: *Им.* мѫж*и*, рыбар*и*, (О. Е. 294, 89 на об.); — страж*еве*, врач*еве*; otc*ewé* (staroč. miluwnice, str. 33); прищ*еве* (въ Серб. Типик. 1357 г.) — тат*ие*, дьн*ие*, (О. Е. 36, 145); kme*tje* (Люб. Суд.); mu*žje*, me*čjé* (Крал. рук.) knje*zjé* (Пс. Клемент.). *Род.* лакътъ (О. Е. 210; Vit. Sanct. Mikl. v. 745); мужь (О. Е. 71); rozezlených muž (Крал. рук.); дьнъ (О. Е. 11); — врач*евъ* (О. Е. 243); тат*евъ* (Смол. грам. 1229 г.); knjaz*ew* (cnazeu, стр.

88 Отр. Ев. отъ Іоанна); meč*ew* (Крал. рук.). grosz*ow* (Сѣрад. рук. XIV в.); dni*ow* (Пс. Марг.); dnij*ow* (Сѣр. рук.); — пут*ии*, господ*ии*, дьн*ии*, сокр. дьн*и* (О. Е. 81, 88, 105 на об., 261; Vit. Sanct. v. 643); сокращ. hos*tí* (Чеш. Муз. Пассіон.); dn*í* (Чеш. Жит. Св. Отц. XIV в.). — в) Окончаніе именит. ед. ч. *и*: *Им.* архиере*и* (О. Е. 141); — Jud*ewe* (iudeue, въ отр. Ев. отъ Іоанна); воробь*еве* (Лавр. Лѣт.) кра*еве* (въ рукоп. XIV в); зно*еве* (Vit. Sanct. v. 719); kraj*owe* (въ Пс. Маргар.); — Фарисеѥ (сокращ. изъ *иѥ* Остр. Ев.). *Род.* архиере*и*, во*и* (О. Е. 135, 250 на об.); — Jud*ew* (iudeu въ Остр. Ев. отъ); haj*ew*, woj*ew* (Краледв. рукоп.); zmyy*ow* (Пс. Марг.), и т. д.—Но возможность такого же правильнаго распредѣленія склоненій именъ женскаго и средняго рода по означеннымъ тремъ окончаніямъ, при невозможности подчинить ему и прочіе падежи именъ существительныхъ мужескаго рода, остается слишкомъ загадочною. Тѣмъ не менѣе есть указанія ясныя, что и женскія и среднія имена существительныя имѣли когда-то и краткія и полныя окончанія въ падежахъ числа множественнаго. Здѣсь, кромѣ указанной выше, замѣчательной формы *похотіимъ*, весьма важно *сходство окончаній родительнаго падежа множественнаго* въ склоненіяхъ существительныхъ: мужескихъ, женскихъ и среднихъ, тогда какъ во всѣхъ прочихъ падежахъ окончанія разныя. А именно: твердому окончанію мужескому *ъ* соотвѣтствуетъ твердое женскее *а* (среднее *о*): рабъ, род. мн. раб*ъ*; рыба, род. множ. рыб*ъ*; мягкому мужескому окончанію *ь* (послѣ шипящихъ) мягкое женское *а*, или *и*, съ предшествующей согласной: отьць, род. мн. отьц*ь*; овьца, род. мн. овьц*ь*; а окончанія мужеское *и* съ предшествующей гласной: архіереи, судии, и *ь* (не послѣ шипящей) вообще въ склоненіи сходятся съ таковыми же женскими: дьнь, дьн*ии*; скъръбь, скъръб*ии*; но, при малыхъ измѣненіяхъ въ другихъ падежахъ, родительный всегда остается одинаковымъ и въ тѣхъ и въ другихъ. Эта безразличность окончаній родительнаго наводитъ на важную мысль, что, по крайней мѣрѣ, въ этомъ падежѣ имена женскія подчинялись, съ мужескими однимъ и тѣмъ же законамъ склоненій; или, мо-

жетъ быть (въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ склоненіяхъ мужескихъ род. падежъ наиболѣе сохранилъ первобытность состава), что въ немъ, какъ первомъ и главномъ изъ косвенныхъ, служащемъ и нынѣ замѣной винительному, а въ Ц.-Слав. и мѣстному, сохранился, какъ развалина, признакъ, когда нибудь общій во всѣхъ падежахъ всѣхъ родовъ. Здѣсь нельзя опустить безъ вниманія многихъ важныхъ и, можно сказать, поразительныхъ аналогій во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Не говорю уже о постоянномъ сходствѣ родительнаго падежа въ именахъ женскихъ и мужескихъ въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ, гдѣ въ ходу обѣ формы [125]: тамъ это общее правило. Но и Русское просторѣчіе любитъ удлиненныя формы родит. множественнаго въ именахъ существительныхъ мужескихъ, женскихъ и среднихъ: дѣловъ, игровъ, рублевъ, шалостевъ, и пр. Въ Польскомъ не только въ просторѣчіи, но и въ книжномъ языкѣ часто существительныя женскаго рода, особенно односложныя, принимаютъ въ род. множ. окончаніе ow: pchłów, mgłow, ćmów, grów; равно существительныя средняго рода: cudów, dziwów, chłopisków, wilczysków, и кончащіяся на *wie* и *cie*: przysłowiów, uczuciów, и пр. То же замѣчаемъ и въ древне—Чешскомъ: Шафарикъ приводитъ выраженіе; ani pohanjujúce osobów (вм. osob) въ Псалтирѣ Клементинскомъ [126]; сюда же причислить можно и форму на jú (сокращенную изъ jow): owcjú вм. owci. Сербскій языкъ искони подводитъ большинство именъ существительныхъ мужескихъ

---

125 Примѣры изъ пѣсенъ: I, 131, 1; 160, 20; 284, 17; II, 199; 200, 9, 10. Вотъ слова Іордана въ Грамматикѣ Верхне-Лужицкой: „Въ родительномъ множественнаго *собственно всѣ* существительныя, но *теперь только нѣкоторыя*, откидываютъ окончаніе *ow* (собств. имена странъ, мѣстъ, рѣкъ, лицъ, и многія нарицательныя). Большая часть, кончащихся на мягкую согласную, отбрасываютъ *ow*, но замѣняютъ его б. *i*. Когда же *нужно усилить значеніе*, то они снова принимаютъ окончаніе *ow*.“ — §. 77, S. 114. То же и въ Нижне-Лужицкомъ: wot tych mjest, вм. mjestow (Ioh. XIV, 31): z row (вм rowow): (Matth. VIII, 28); zachopeńe tych źiw (вм. źiwow, чудесъ): Ioh. II, 11; źurje tych woje (вм. wojcow): Ioh. X, 7, и т. д. — См. Граммат. Гауптмана, стр. 33.

126 Počatkowé staročeské mluwnice, str. 37.

и женскихъ подъ одну форму родит. множественнаго: *а* (новѣйшее *ах*, древнее *ь*, замѣнившее Ц.-Слав. окончаніе ъ): јелен, јелена; жена, жена; село, села.

Все сказанное ведетъ къ заключенію, что въ древней Славянщинѣ, по всей вѣроятности, существовало двоякое (или трoякое, если присоединить и собирательное окончаніе *ие*, къ которому обратимся нѣсколько ниже) склоненіе множественнаго числа для всѣхъ именъ существительныхъ, какъ мужескаго, такъ женскаго и средняго рода: одно короткое, неопредѣленное; другое опредѣленное, съ приращеніемъ *ов* или *ев*. Смотря по значенію, всѣ существительныя склонялись по той, или другой формѣ. Общимъ мѣриломъ, неподвижной точкой сравненія оставался и остается до сихъ поръ родительный падежъ множественнаго, одинаковый для всѣхъ существительныхъ: краткій на *ъ*, *ь*, и *и*; съ приращеніемъ на *ов* или *ев*. Въ окончаніи этого падежа сходились всѣ имена, какого бы ни были рода, расходясь снова въ другихъ падежахъ, которые своими окончаніями обозначали родовыя отличія; но все же имѣли то общаго, что, смотря по значенію, принимали приращеніе *ов* или *ев*, или удерживали короткую неопредѣленную форму. Развалиной такого стройнаго распредѣленія склоненій остается понынѣ родительный множественнаго, удержавшій во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ двоякую форму, сокращенную и полную, логическое отличіе которыхъ уже болѣе не существуетъ.

Что касается собирательной формы, то воспроизведеніе ея въ послѣдовательности косвенныхъ падежей, даже родительнаго, еще болѣе загадочно. Кажется, она ранѣе всѣхъ утратила опредѣленность обозначенія, и осталась въ одномъ именительномъ. Важнѣйшіе итоги относительно оной приводитъ съ собой изученіе Лужицкихъ нарѣчій. А именно: въ Верхне-Лужицкомъ нарѣчіи хранится понынѣ необыкновенное, по виду своему, склоненіе существительнаго имени: kńežo, kńeža. Въ противоположность правильному склоненію опредѣленнаго и неопредѣленнаго множественнаго: kńezy, kńezow (род. и вин.), kńezam, kńezami, kńezach, собирательное kne*ža*, *žo* (сокращенное изъ kńe-

zja, kńe*zjo*), замѣчательнымъ образомъ подходитъ *къ склоненію прилагательныхъ окончанія опредѣленнаго*:

И. kńeža (Ps. 123, 2; 136, 3)	княжи—є
Р. kńežich (Ps. 149, 8)	княжи—ихъ
В. kńežich (Ierem. XXVII, 4).	княжи—ихъ,
Д. kńežim, (Iezech. XXIII, 6, 12).	княжи—имъ
Т. kńežimi (Ies. XLIX, 7).	княжи—ими
М. kńežich,	княжи—ихъ.

Съ перваго взгляду, можно принять этѣ формы за прилагательныя, какъ видно изъ сличенія ихъ съ предполагаемыми соотвѣтствующими Церковно-Славянскими. Можетъ быть, и дѣйствительно, то была общая форма всѣхъ собирательныхъ, составлявшихъ, такимъ образомъ, прямой переходъ къ именамъ прилагательнымъ. Возможность такого склоненія именъ существительныхъ, принимающихъ окончанія прилагательныхъ опредѣленныхъ, явствуетъ изъ Церковно-Славянскаго: *дѣвая*, которое только въ послѣдствіи замѣнилось краткою формою: *дѣва*. Въ подтвержденіе сказанному, обратимъ вниманіе на сохранившіяся въ Верхне-Лужицкомъ нарѣчіи двѣ драгоцѣнныя формы: мѣстнаго на *och*, творительнаго на *imi*, и на особенность ихъ употребленія. Окончаніе мѣстнаго падежа *och* встрѣчается въ Церковно-Славянскомъ въ именахъ мужескаго и средняго рода: Добровскій приводитъ домохъ вм. домѣхъ, сынохъ вм. сынѣхъ, іереохъ вм. іереехъ; селохъ, вратохъ, колѣнохъ [127]. Въ старинныхъ памятникахъ Сербской письменности Шафарикъ нашелъ форму *охь* вмѣсто *ѣхъ*, *ихъ*: въ Шишатовацкомъ Апостолѣ 1324 года: волохь, домохь, коумирохь, въ Псалтирѣ 1495: въ нѣкоихъ типикохь, въ сынохь Божіихь, на часохь, въ нѣдрохь, на междоучасіохь, [128]. Въ языкѣ Словацкомъ: rohoch, wěkoch [129]. Въ Древне-Чешскомъ она не встрѣчается. Въ Древне-Польскомъ до XVI в. господствовала надъ новою фор-

---

[127] Institut. linguae slavicae, p. 473, 477.

[128] Serb. Lesekörner, S. 96

[129] Lehrgeb. der böhm. Sprache, S. 175.

мою на *ach*; но въ Псалтирѣ Маргариты составляетъ исключительную принадлежность мужескаго рода: w bogoch, w kraioch, w ludzoch, daroch, palaczoch [130]. Въ пѣсняхъ Верхне-Лужицкихъ встрѣчается разъ только: holička čehneše *po hodžoch* preč (hodžoch вм. обычнаго hodach, отъ именительно hody, hodžo, Рождество Христово) [131]. Для правильнаго объясненія смысла ея и отличія отъ другихъ окончаній падежа мѣстнаго (потому что значеніе ея въ позднѣйшихъ памятникахъ, по видимому, затемнилось), необходимо взглянуть на нее въ ряду другихъ падежей множественнаго въ томъ языкѣ, гдѣ она сохраняется по преимуществу, т. е., въ Верхне-Лужицкомъ. Въ 8 существительныхъ мужескаго, женскаго и средняго рода: (въ пѣсняхъ народныхъ ludžo и hosćo встрѣчаются только въ именительномъ и родит. пад. множест. и двойственнаго) [132], она, замѣчательнымъ образомъ, попадается намъ въ сочетаніи съ формой творительнаго на *imi*, и дательнаго на *om*, тогда какъ исключительная форма дат. падежа множественнаго, въ языкѣ Верхне-Лужицкомъ, по всѣмъ родамъ: мужескому, женскому и среднему: *am*, а творительнаго мужескаго, женскаго и средняго *ami*. Ясно, что это не есть обыкновенная форма падежа мѣстнаго, а что-то совершенно особое, которое я считаю отличіемъ собирательной формы склоненій. Чтобы совершенно въ томъ убѣдиться, обратимся ко всѣмъ именамъ существительнымъ, въ которыхъ встрѣчается совокупность тѣхъ же самыхъ окончаній дательнаго, творительнаго и мѣстнаго множественнаго. Іорданъ приводитъ ихъ восемь: кромѣ ludžo, hosćo и džjeći, это большею частію виды животныхъ, принимаемыхъ не въ видовой противоположности къ другимъ однороднымъ, а въ собирательномъ смыслѣ. Вотъ они:

---

[130] Deszkiewicza Rozprawy o języku polskim, str. 118.

[131] Луж. пѣсни: I, 140, 1.

[132] Тамъ же: hosćo: I, 276; 84; 289, 11; 292, 13; ludžo: 6, 22; 24, 2; 34, 21; 21, 12; родит. и винит. ludži: I, 40, 14; 87, 21; 121, 4; 123, 9; 225, 5. Въ В.-Луж. пѣсняхъ есть еще форма дательнаго падежа: pocom (I, 220, 1), которая отходитъ отъ общаго для всѣхъ родовъ окончанія *am*: не есть ли это также собирательная форма склоненія?

	1.		2.		3.	
И.	Ludžo (žjo) (Matth. V, 11)	люди—є	Hosćo (Matth. IX, 15)	гости—є	Džjeći (Matth. VIII, 12)	дѣти
Р.	Ludži (ch). (Matth. V, 13)	люди—и(хъ)	Hosći(ch)	гости—и(хъ)	Džjeći(ch) (Matth. XI, 19)	дѣти—и(хъ)
В.	Ludži (ch). (Matth. V, 19)	люди—и(хъ,ѧ)	Hosći(ch)	гости—и(ихъ,ѧ).	Džjeći(ch) (2 Kn. Moizas. XXI, 5)	дѣти—и(хъ)
Д.	Ludžom (Matth. VI, 14)	люди—имъ	Hosćom	гости—имъ	Džjećom (Matth. VII, 11; Mark. III, 28)	дѣти—имъ
Т.	Ludžimi (Matth. V, 16; X, 17; Luk. I, 25)	люди—ими	Hosćimi	гости—ими	Džjećimi (2 kn. Mojzas. XIII, 13)	дѣти—ими
М.	Ludžoch (Matth. IX. 35; Ps. 9, 9).	люди—ихъ	Hosćoch.	гости—ихъ.	Džjećoch (2 kn. Moizas. XX, 5).	дѣти—ихъ.

	4.		5.		6.	
И. В.	konjo, ńi	кони	swińe,	свиние(ѧ)	kruwy,	кравы
Р.	końi(ch)	кони—и(хъ)	swińi(ch) (Matth. VIII, 30)	свини—и(хъ)	kruw(ych)	крав-(ыихъ,ыхъ)
Д.	końam (вм. om)	кони—имъ	swińom (Matth. VII, 6)	свини—имъ	kruwom	кравы—имъ
Т.	końimi	кони—ими	swińimi ,	свини—ими	kruwymi	кравы—ими
М.	końochńich).	кони—ихъ.	swińoch.	свини—ихъ.	kruwoch.	кравы—ихъ.

	7.		8.	
И. В.	kury	куры, куря (ѧ)	Husy,	гуси, гуся (ѧ)
Р.	kur(ych)	кур—(ыихъ, ыхъ)	Hus(ych)	гус—(ыихъ, ыхъ)
Д.	kurom	куры—имъ	Husom	гусы—имъ
Т.	kurymi	куры—ими	Husymi	гусы—ими
М.	kuroch.	куры—ихъ.	Husoch.	гусы—ихъ [133].

133 Всѣ указанія изъ Френцелев. перевода Библіи на В.-Луж. языкъ. — Ср. В.-Луж. Грамм. Іордана, стр. 123, 124, 127.

Сличая всѣ примѣры собирательнаго склоненія съ kńežo (Н.-Луж. собират. kńeža, впрочемъ только въ именит. II, 101, 8, Hezek. XXI, 12), я прихожу къ тому убѣжденію, что это склоненіе дѣйствительно, въ старину, существенно разнилось отъ опредѣленнаго и неопредѣленнаго, и что первообразъ его сохранился, какимъ-то особеннымъ чудомъ, въ одномъ словѣ kńežo. Въ самомъ дѣлѣ, не будь прилагательной формы родительнаго падежа kńežich (psyčatka jydža wot tych srotkow kiž wot jich kńežich blida padaju: Matth. XV, 27; budža was pšed kńežich wodžić: Luk. XXI, 12, Jes. XIV, 5, 9; XIX, 4 Jesek. XXIII, 23), мы не могли бы объяснить себѣ и другихъ окончаній, которыя, съ помощію ея,и только ея, становятся ясными. Прежде всего, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ этѣ формы не что иное, какъ признаки собирательнаго склоненія: 1) по тому, что онѣ почти во всемъ сходятся съ склоненіемъ собират. формы числительныхъ: tsjo (Matth. XVIII, 20) tsjóch (Matth. XVIII, 16), tsjóm, tsjómi (Ies. XI, 12) (трое,—ихъ,—имъ,—ими) štyrjo, pećo, šesćo, sedymjo, wosyḿo, džeẃećo, džesaćo, dwacyćo, tsicyćo, и т. д., гдѣ особенно важно окончаніе творит. падежа *imi*: pećimi (Jes. XXX, 17), džewećimi, dwanaćimi (обѣманадесꙗте: Matth. XXVI, 20, Mark. IV, 10); 2) по тому что, рядомъ съ ними, существуетъ для каждаго изъ 8 существительныхъ другое склоненіе, правильное, окончанія неопредѣленнаго и опредѣленнаго, если не во всѣхъ падежахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ. Lud, кромѣ собирательнаго ludžo, имѣетъ неопредѣленное склоненіе множественнаго ludy, и двойственнаго ludaj. Kóń—въ творительномъ, мѣстномъ и дательномъ склоняется правильно: końemi, вм. końami (между мягкими) (2 kn. Moizas. XIV, 9); końach (Jes. XXX, 16), и końam. Swińo въ творительномъ, рядомъ съ swińimi, имѣетъ и правильную форму на ami (emi между двумя согласными мягкими). Hosćo склоняется правильно по всѣмъ падежамъ: Д. hosćam (Matth. XXII, 4), Т. hosće(a)mi (Matth. XXII, 10). Опредѣленное окончаніе родительнаго находимъ во всѣхъ: ludow, hosćow, konjow, swinjow, husow, kruwow, džjesćow. Неопредѣленное во всѣхъ, за исключеніемъ kńežich, замѣнило собирательное: ludži, hosći, kur, hus, kruw. Неприкосновенными

остались только три падежа: дательный, творительный, мѣстный. Формы: *om*, *imi*, и *och*, и въ Н.-Луж. lużo(*a*)*m* — *imi* — *o*(*a*)*ch*, žjeśo(*a*)*m* — *imi* — *o*(*a*)*ch*), сохранились во всей чистотѣ для всѣхъ существит. мужеск. рода: hosćo, ludžo, konjo; женскаго: husy, kury, kruwy; средняго: dźjeći, swińe. Это равенство окончаній по всѣмъ родамъ служитъ лучшимъ доказательствомъ существованія собирательнаго склоненія, въ видѣ особенной темы, не смотря на родовое различіе, для всѣхъ существительныхъ. Правда, первообразное kńežo отступаетъ отъ прочихъ въ окончаніяхъ: мѣстнаго *ich* вм. *och*, и дательнаго: *im* вм. *om*; но окончаніе творительное *imi*, *ymi*, для всѣхъ одинаковое, проводитъ между ними черту общаго сходства, тѣмъ болѣе замѣчательную, что она въ обыкновенныхъ склоненіяхъ нигдѣ не встрѣчается, и не можетъ рѣшительно объясниться иначе, какъ только присутствіемъ прилагательнаго опредѣленнаго окончанія *ыими—ыми*; *иими—ими*, въ совершенномъ согласіи съ такимъ же окончаніемъ kńežich. Въ самомъ дѣлѣ, объясненіе Іордана, признающаго окончаніе *imi* за тождественное съ оконч. *emi*, происшедшимъ правильно изъ первоначальнаго *ami*, при предшествующей и послѣдующей мягкой согласной, не выдерживаетъ критики въ трехъ существительныхъ женскаго рода: kruwymi, husymi, kurymi, и въ Нижне-Лужицкихъ žješ*imi* (Hezek. XVI, 28), luž*imi* (Matth. V, 16), koń*imi*, woz*ymi* (Hezek. XXVI, 7), которыя явно подходятъ подъ тѣ же законы склоненія. Что касается мѣстнаго и дательнаго на *och* и *om*, то они, по всей вѣроятности, тождественны съ окончаніями *ich* и *im*, и происхожденіе ихъ объясняется удовлетворительно, общей, въ извѣстныхъ случаяхъ, въ Полабскомъ (и въ Малорус.) нарѣчіи, взаимной замѣной гласныхъ буквъ *i* и *o*. Какъ бы то ни было, но ни тѣ, ни другія не могли образоваться изъ общаго окончанія множественнаго, мѣстнаго: *ахъ* и дательнаго: *амъ*, чрезъ правильное сокращеніе, а развѣ только умышленнымъ измѣненіемъ звуковъ. Съ другой стороны, нельзя находить ничего общаго между собирательнымъ Лужицкимъ окончаніемъ дательнаго: *омъ* и мѣстнаго: *охъ*, съ обычною формою Ц.-Слав. (и новою Польскою) *омъ* для дательнаго,

и Ц.-Слав. (древн. Пол. и Серб.) *охъ* для мѣстнаго падежа. Причина естественная: Лужицкія формы, принадлежащія женскому роду наровнѣ съ двумя прочими, указываютъ на совершенно другое образованіе, нежели Церковно-Славянскія, рѣшительно чуждыя существительнымъ именамъ женскаго рода. Можетъ быть, и въ Ц.-Славянскомъ окончаніе мѣстнаго падежа: *охъ* было общимъ для всѣхъ трехъ родовъ; но въ извѣстныхъ намъ случаяхъ употребленія ничего подобнаго не видно, и самая форма потеряла самобытность значенія.

Изъ сказаннаго открывается возможность правильнаго воспроизведенія собирательныхъ формъ склоненія въ именахъ существительныхъ. Основныя начала его будутъ слѣдующія: всѣ косвенные падежи теряютъ опредѣленность родоваго обозначенія, конечно, на томъ основаніи, что смыслъ собирательный сглаживаетъ различіе родовъ совокупленіемъ всѣхъ во едино. Различіе остается развѣ только въ падежѣ именительномъ. — Косвенные падежи составляются, подобно именамъ прилагательнымъ опредѣленнаго окончанія, изъ сліянія неопредѣленной формы склоненія съ мѣстоименіемъ указательнымъ, или опредѣляющимъ: *и*, *я*, *ѥ*. Отсутствіе родоваго отличія въ окончаніяхъ косвенныхъ падежей множ. числа мѣстоименія объясняетъ естественно тоже явленіе въ склоненіи самаго существительнаго.

—

Переходимъ Б) *къ спряженіямъ*.

Въ спряженіяхъ Лужицкій языкъ, изумительнымъ богатствомъ и разнообразіемъ древнихъ формъ, почти равняется древнѣйшей эпохѣ Церковно-Славянской письменности, и далеко оставляетъ за собою всѣ соплеменныя нарѣчія, въ ихъ настоящемъ составѣ.

Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, по дѣленію Востокова, три наклоненія: изъявительное, повелительное и неопредѣленное.

Дѣленіе это могло бы пригодиться для языка Лужицкаго; но, по особенному развитію, преимущественно въ Нижне-Лужицкомъ, условныхъ временъ, *составляемыхъ безъ посредства со-*

югосъ, не лишнее будетъ принять четвертое наклоненіе, условное, въ которое войдутъ и сослагательное и желательное Греческое.

Въ *изъявительномъ* наклоненіи залога дѣйствительнаго Востоковъ въ Церковно-Славянскомъ насчитываетъ девять временъ:

1) Настоящее.
2) Преходящее.
3) Прошедшее совершенное.
4) Прошедшее сложное.
5) Преходящее сложное.
6) Будущее однократное.
7) Будущее сложное.
8) Будущее условное.
9) Прошедшее условное.

Шафарикъ къ этѣмъ девяти временамъ прибавляетъ послѣднее, которое Добровскій называлъ contractius praeteritum, (Instit. lingu. slav., p. 564), Востоковъ соединялъ съ прошедшимъ совершеннымъ (Предислов. къ Остром. Ев., стр. IV, и Грамм. стр. 4), Копитаръ, въ Глагол. Клоц. (p. 9) принималъ за σφάλμα, въ Гезих. (p. 43) за сокращеніе, Миклошичь (въ нов. изд. Жит. Св. Ерит. 3, p. 50—51) сливаетъ съ первымъ Аористомъ (прошедшимъ совершеннымъ Востокова). Шафарикъ называетъ его Аористомъ вторымъ [134].

Не входя въ дальнѣйшія подробности, обратимся къ Лужицкимъ нарѣчіямъ, и постараемся, сравнительно съ Церковно-Славянскими, уяснить значеніе встрѣчающихся въ нихъ временъ глаголовъ, — указать на отсутствующія, и если можно, отыскать новыя, въ Ц.-Славянскомъ либо вовсе затерянныя, либо рано исчезнувшія.

Въ окончаніи *перваго лица настоящаго* (и будущ.) времени, языкъ Верхне-Лужицкій замѣнилъ ѫ (ѭ) Церковно-Славянскій, какъ и Русскій языкъ, окончаніемъ *u*. Нижне-Лужицкій, вмѣстѣ съ Сербскимъ, Хорутанскимъ и Ново-Булгарскимъ, сохранилъ носовой звукъ въ окончаніяхъ *em*, *im*, и *om* (*ijom*) (исключая не-

---

[134] Wýklad některých grammatických forem w jazyku slowanském, str. 160.

многихъ неправильныхъ глаголовъ, принимающихъ и форму на *и* [135]. Средину между обоими занимаетъ Чешскій языкъ; а въ Польскомъ носовой звукъ сохранился только въ правописаніи.

Окончаніе *втораго лица*, какъ и всюду нынѣ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, краткое *ш*. Замѣчательно, что полный суффиксъ втораго лица: *си* (*ши*), сохранившійся въ Церковно-Славянскомъ, во всѣхъ прочихъ утратился рано, такъ что въ XIV вѣкѣ онъ нигдѣ болѣе уже не существовалъ. Въ языкѣ Чешскомъ правильное, повсемѣстное употребленіе его ограничивается только двумя старшими памятниками: Судомъ Любушинымъ и отрывкомъ Евангелія отъ Іоанна: Ai Uletauo, ce mutisi uodu (1-й стихъ Люб. Суда); myješi, neumyješi, děši, neděši, neimaši, tiežeši, mlviši, věsi, nevěsi, vzvěsi (отр. Ев.). Въ Краледворской рукописи, исключая двухъ мѣстъ: kdaz hada potrsieti chcesi, и: ciemu ti nasu krew piyesi (Дума o welikém pobití, ст. 99, 162)', вездѣ сокращенная форма: uzrieš, peješ, chceš. Въ послѣдній разъ въ пѣсни подъ Вышеградомъ: na skalye stogesy (stoješi), na przykrzye stoiyesy (2 и 3 ст.). Въ Польскомъ Псалтирѣ Маргариты (XIV стол.) утратилась конечная *і* даже въ вспомогательномъ глаголѣ: pokazal *ies*. Въ Южныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ полная форма начала исчезать еще ранѣе. Въ Сербскомъ языкѣ въ памятникахъ XIV и XV вѣка всюду *шь*: зинешь, повѣдаешь, и пр., а въ Хорутанскомъ, въ Фризингенской рукописи (конца X вѣка) только разъ iezi (3-я молитва, ст. 69), и postedisi (поштѧдиши; 3-я мол. ст. 50), а впрочемъ всюду краткое *s*: vuez (вѣси: 1-я мол. ст. 20); zadenes (задѣнеши, ст. 26); vzovues (възовеши ст. 33). [136].

Точно также Лужицкій языкъ утратилъ и суффиксъ *третьяго лица* единственнаго, удержавшійся только въ Малорусскомъ

[135] Грамматика Нижне-Лужицкая Гауптмана стр. 278—295. — Но въ будущемъ и та и другая форма. — Но въ Фризингенской рукописи, древнѣйшемъ памятникѣ Хорутанской письменности, исчезаетъ въ произношеніи носовой звукъ: choku (хощѫ), vueruiu (вѣрѫѭ), pomngu (помнѭ), tuoriv, (творѭ); poronso (порѫчѫ).

[136] Serbische Lesekörner, S. 104 — 105. — Glag. Cloz. XXXV, — XXXVI.

нарѣчіи, въ которомъ онъ, однако же, исчезаетъ иногда въ ед. ч. послѣ *е*, оставляя при семъ на волю говорящаго выбрать ту, или другую форму; въ Бѣлорусскомъ сохранился въ смягченной формѣ *ць*, которая нерѣдко послѣ гласной *е* опускается въ выговорѣ; въ Великорусскомъ (въ Арханг., Вологод., Нижегор. и даже Яросл.) всюду обратился въ *тъ*, сохранившись только на Югъ отъ Москвы, особенно у Рязанцевъ. Исключенія въ Остромировомъ Евангеліи: «иже горазнѣе сего напи*ше*» ошибочно приводитъ Шафарикъ въ доказательство опущенія *ть* въ Малорусскомъ нарѣчіи въ XI вѣкѣ. Евангеліе писано Дьякономъ Григоріемъ въ Новѣгородѣ, а не Кіевѣ; стало быть, съ соблюденіемъ особенности Новогородскаго поднарѣчія, опускающаго, большею частію, *ть*. Вѣрнѣе указать на одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Русской письменности: договоръ Игоря съ Греками, гдѣ читаемъ: купилъ *буде* (Лавр. Лѣт. стр. 21, строка 3 о. к.) Изъ другихъ Славянскихъ нарѣчій только Ново-Булгарскій сохранилъ слабые признаки употребленія суффикса *ть* по Дунаю и въ Гемусѣ [137]. Въ прочихъ онъ затерялся еще ранѣе суффикса втораго лица. Въ Фризингенской рукописи попеременно то ie, ge (мол. 1, ст. 8, 9; мол. 2, ст. 60, 71, 80), то iest, gest (мол. 2, ст. 64, 75, 91); но въ другихъ глаголахъ всюду краткая форма: vzedli (вселить, мол. 2, ст. 62; dozstoi (достоить, мол. 2, ст. 95). — Въ Судѣ Любушиномъ всюду краткая форма: pije, umre, vlade, zarve, vojevodi, chodi, vnori, kaže, naricaje, běduje; въ отрывкѣ Ев. отъ Іоанна, только ostanet', nevěst', dast', семь разъ jest', три раза jesti; во всѣхъ прочихъ случаяхъ *t* опускается [138]. Въ памятникахъ Сербской письменности XII вѣка всюду господствуетъ краткая форма [139].

Суффиксъ *перваго лица множественнаго* (во всѣхъ временахъ): *мы* замѣчательнымъ образомъ сохранился въ Ц.-Сла-

---

[137] Serb. Lesekörner, S. 105.

[138] Die ältesten Denkm. der böhm. Spr. S. 77, 149. — Počatkowé staročeské mluwnice, str. 101.

[139] Serb. Lesekörner, S. 106 — 107.

вянскомъ полугласномъ окончаніи *мъ*, гдѣ Русскій языкъ утратилъ фонетическое значеніе б. *ъ*; въ Пол. и Луж. *my*; въ Чешскомъ и Ново-Булгарскомъ: *me* ; въ Сербскомъ, Хорутанскомъ, Словацкомъ: *mo*, хотя почти во всѣхъ ихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, употребляется и усѣченіе на *м* (*m*). Но въ Чешскомъ встарину было *my* , какъ всюду въ отрывкѣ Евангелія отъ Іоанна, большею частію въ Краледворской рукописи, гдѣ эта форма въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ уже перемежается съ формою *me* [140]. Въ Фризингенской рукописи еще всюду краткое *m*, съ потерей Ц.-Слав. полугласной *ъ*: pomenem ze, naresem ze, ozstanem, tuorim, oclevuetam, pazem (пасемъ), prestopam, clanam ze, modlim ze, pigem, nezem, mosem (можемъ), nasnem (начьнемъ), gezm, и т. д.; въ Сербскомъ въ первый разъ живемо и движем' се въ Шишатовацкомъ Апостолѣ 1324 [141].

Суффиксъ *втораго лица* множественнаго *me* сохранился въ языкѣ Русскомъ, Ново-Булгарскомъ, Чешскомъ, въ Сербскомъ и Хорутанскомъ (такъ и въ Фризинг. рукописи); въ Польскомъ обратился въ мягкое *cie*, въ Верхне-Лужицкомъ въ мягкое *će*, а въ Нижне-Лужицкомъ въ мягкое *šo* [142].

---

140 Počatkowé staroč. ml., str. 101.

141 Slow. Starožitnosti, str. 714. — Glag. Cloz. XXXVII—XXXVIII. — Serb. Lesek. S. 107.

142 Примѣры для настоящаго времени, извлеченные изъ пѣсень Верхне-и Нижне-Лужицкихъ.

Ед. 1. Н.-Л.: som, mam, ńerežim, wiźim, obaram se, bydlim, stawjam, ńesmeju (II, 2, 1, 5; 46, 6; 95, 2; 113; 6; 171, 13).

2. В.-Л: žadaš, płačeš, khodźiš, słužiš (I, 34, 18; 112, 25; 290, 27, 28). Н.-Л. spiś, lažyś, chożiś, słužyś (II, 19, 14; 197, 25, 26.

3. В.-Л. płače, łame, pšedawa, da, khwali (I, 34, 16, 17; 35, 16, 18; 293, 12).— Н.-Л. rejujo, zwożujo, pśistoj, ńeumejo (I, 2, 33, 34; 7, 22; 103, 5).

Дв. 1. В.-Л. nimamój, pšečinimój, dawamój (I, 118, 6, 7; 184, 8.—Н.-Л. mamej se (II, 10, 3).

2, 3. В.-Л. М. mataj so, stejitaj, beretaj, pomhataj, *ж.* dejitej (I, 50, 143; 70, 2; 113, 22; 173, 23; 214, 2). — Н.-Л. вс. р. lažytej, gliedatej, płacotej, móžotej (II, 1, 39; 15, 47; 67, 12; 83, 5).

Суффиксъ *третьяго лица множественнаго ть* сохранился чисто въ одномъ М.-Русскомъ и въ В.-Русскомъ *тъ*, за исключеніемъ Русскаго Сѣвера, гдѣ часто слышите: ход*ятъ* и ход*я*, говор*ятъ* и говор*я;* во всѣхъ прочихъ утратился рано (въ Чешскомъ уже въ IX стол. въ Сеймахъ: pasu, stroia, uladu).

Преходящее время (у Добровскаго praeteritum actionis continuatae, iterativum; у Караджитя полупрошавше вриjеме; у Шафарика polominulý čas), сохранилось въ Задунайскихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, испытавшихъ вліяніе Церковнаго или Древне-Булгарскаго: въ Ново-Булгарскомъ и Сербскомъ; утратилось окончательно въ Хорутанскомъ и въ Русскомъ; равно и въ Западныхъ нарѣчіяхъ: Польскомъ и Чешскомъ. Довольно поздно исчезло оно въ языкѣ Чешскомъ, въ которомъ, по словамъ Шафарика, играло нѣкогда несравненно важнѣйшую ролю, нежели въ самомъ Церковно-Славянскомъ. Дѣйствительно, въ отрывкѣ Евангелія отъ Іоанна, въ Судѣ Любушиномъ, въ Starobylá Skladanie Ганки, и во всѣхъ памятникахъ Чешской письменности до XIV в. включительно, оно имѣетъ обширное употребленіе, встрѣчаясь до XII в. въ сокращенной формѣ изъ Церковно-Славянскаго: *аахъ* и *аяхъ*: *jach* (rozulaiase bura, Люб. Судъ, 3 ст. učach, nosaše, chodjachu, slyšachom, schazachu se, въ отр. Ев.), съ XII вѣка, при начавшейся перемѣнѣ широкихъ въ узкія, въ формѣ на *jech*, а потомъ *jich*. Шафарикъ второй оборотъ объясняетъ нѣсколько иначе сокращеніемъ изъ Церковно-Славянскаго *ѣахъ:* растѣахъ—растѣхъ [143]. Въ Польскомъ Псалтирѣ Маргариты, какъ бы не хотя, заронились четыре формы преходящаго времени: poclinachą, szukachą, spewachą, bychom, между

Мн. 1. В.-Л. smy, pijemy, hrajemy (I, 89, 2). — Н.-Л. mamy, wéźomy, 'grajomy (II, 77, 36; 181, 3; 184, 48.
2. В.-Л. zejmaječe, maće, netrebaće (I, 74, 7; 89, 14; 285, 82). — Н.-Л. mašo.
3. В.-Л. praja, hidža, kća, steja (I, 34, 21; 36, 4; 243, 7, 8). — Н.Л. slawaju, wołaju, du, šejduju (II, 19, 10, 11; 46, 6, 51, 53).

[143] См. Шафар. Старочешскую Граммат. и изданіе Древнѣйшихъ памятниковъ Чешской письменности.

прочими, многочисленными примѣрами прошедшаго сложнаго. Дешкевичь (Rozprawy, str. 127) признаетъ ихъ чистымъ заимствованіемъ изъ Церковно-Славянскаго. — Въ древнѣйшемъ памятникѣ Хорутанской письменности, въ Фризингенскихъ отрывкахъ (исхода X вѣка), оно является въ формахъ, близко подходящихъ къ Церковно-Славянскимъ, но уже сокращенныхъ: natrovuechu, naboiachu, obuiachu, odeachu, zigreahu, uvedechu, bozcekachu, utessachu, stradacho, tepechu, и т. д. Русскій языкъ вообще рано утратилъ раздѣльность временныхъ отношеній въ трехъ видахъ прошедшаго (преходящемъ, совершенномъ и сложномъ). По особенно тѣсной связи его съ языкомъ Ц.-Славянскимъ въ древне-Русскихъ памятникахъ, можно судить объ особенностяхъ перваго, въ древнюю эпоху развитія, только по большей, или меньшей правильности употребленія формъ Ц.-Славянскихъ. Въ примѣрахъ, извлекаемыхъ нами изъ древнихъ памятниковъ Русской письменности, яснѣетъ для насъ замѣчательный фактъ, что Русскій языкъ отъ XI до XIV в. постепенно терялъ чистоту трехъ видовъ прошедшаго, возводя ихъ мало по малу къ тому единственному, который, въ настоящемъ составѣ его, замѣняетъ многосложные виды его въ Ц.-Славянскомъ. Въ X стол. въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками употребляется еще довольно правильно преходящее время; но прошедшее сложное въ третьемъ лицѣ теряетъ уже глаголъ вспомогательный: пріяли суть, есть не хрещено, уставлено есть, увидѣлъ есть, пріялъ есть, есть писано; но также: заповѣдано, написана (Лавр. Лѣт. 13—23). То же самое и въ Русской Правдѣ. Въ грамотѣ К. Всеволода Новогор. церкви Іоанна Предтечи (XII в.) теряется глаголъ вспомогат. и въ первомъ лицѣ: я оурядилъ, зърѣлъ. Формы: бѣхъ написахъ въ словѣ Даніила Заточника (XII в.), послаше Новъгородъ, вм. посла, повелѣше (вм. повелѣ), въ Новогор. грам. XIII и XIV в., показываютъ совершенную утрату прошедшихъ временъ въ невѣжественномъ употребленіи ихъ, въ подражаніе Церковно-Славянскому. Въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ преходящее время схранилось въ полномъ разви-

тіи, въ живомъ употребленіи (особенно въ пѣсняхъ народныхъ). Лучшее тому доказательство заключается въ томъ, что оно находится не только въ глаголахъ неопредѣленнаго вида, означающихъ дѣйствіе продолжительное, и учащательнаго, многократнаго, означающихъ дѣйствіе повторяющееся, но и въ составныхъ съ предлогами, которые, по самой сущности своей, въ сочетаніи съ глаголами, имѣютъ силу однократнаго, оконченнаго дѣйствія: wesć (неопред. вида), Imperf. wedźech;—kupować (учащат. вида), Imp. kupowach; pšeputać (однократн. вида), Imperf. pšepytach) (гдѣ въ Русскомъ языкѣ необходима учащательная форма pšepytowach, пересматривалъ долго, со вниманіемъ), и Aor. I, прошедшее совершенное, pšepytach, пересмотрѣлъ на скоро, разомъ [144]. Форма преходящаго времени въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ сохранилась *самая древняя*, отличающаяся отъ Церковно-Славянской только сокращеніемъ конечнаго *аахъ—ахъ*, *яахъ—яхъ*, *ѣахъ—ѣхъ*. Впрочемъ, и это послѣднее, полное, до сихъ поръ удержалось во многихъ Лужицкихъ на *ějach*: mjejach, имѣяхъ (Ps. 137, 3); mrjejach, отъ mreć, мереть; zawrjejach, отъ zawreć, запереть, которое должно отличатъ отъ неопр. вида: zawjerach, запиралъ. Только *aach* и *jaach* почти всюду сокращаются въ *ach*: možach, можаахъ (Остр. Ев. 98); smjejach só (1 Kn. Mois. XVIII, 12), смѣяахсѧ; hrjejach, грѣяахъ (Остром. Ев. 178); wedźach, вѣдяахъ (Остр. Ев. 12); bježach, бѣжаахъ; slyšach, слышаахъ (Остр. Ев.) 32 на об.); dawach, даваахъ; zabijach, забіяахъ; napojach, напояахъ, и пр. Но и здѣсь въ исключеніяхъ *hrajach*, *grajach*, играахъ (Pšisł. Salom. VIII, 30), *znajach*, знаахъ (Jes. 45, 4), сохранилась полная форма. Отъ аориста или прошедшаго совершеннаго, сроднаго ему окончаніями, преходящее отличается долготою суффикса: въ глаголахъ, имѣющихъ предъ окончаніемъ *u* или *ju* (Н.-Л. *om*, *jom*, и пр.), коренную гласную, преходящее прибавляетъ къ корню окончаніе *ach*, *jach*;

[144] Грамм. В.-Луж.-Іордана, стр. 146.

прошедшее совершенное окончаніе *ch*: pi-ju, pi-jach, pi-ch; bi-ju, bi-jach, bi-ch; smje-ju, smje-jach, smje-ch; kle-ju, клену, kle-jach, kle-ch (или klach); sy-ju (сѣю), sy-jach, sy-ch. Въ глаголахъ же съ коренною согласною предъ окончаніемъ *u* или *ju* (Н.-Л. *om*, *jom* и пр.) преходящее отличается количественною долготою суффикса, происшедшаго изъ сокращенія Церк.-Слав. *аахъ* въ *ахъ*, и т. д. Преход. widźach, видяахъ (О. Е. 16), прош. widźich, видѣхъ (О. Е. 122); прех. lećach, лѣтѣахъ, прош. lećich, летѣхъ; прех. prošach, прошаахъ, прош. prosych, просихъ; прех. łowjach, ловѣахъ, прош. łowich, ловихъ; прех. wezech, везѣахъ, прош. wezych, везохъ. Вообще, тогда окончаніе преходящаго: *ach*, *ech*, соотвѣтствуетъ окончанію прошедшаго совершеннаго *ich* (*ych*).—Вотъ сравнит. таблица окончаній преходящаго времени, во всѣхъ языкахъ, гдѣ оно сохранилось.

		Ц.-Славянскій. Л.	*Ново-Бул̈г.*	*Сербскій.*	*В.-Лужицкій.*	*Н.-Лужицкій.*
Ед.	1.	аахъ, я (ѣ) ахъ	а(е, ѫ) хъ,	а(х не произ.)	а (ja,e) ch	что и въ В.-Луж.
	2.	ааше, я (ѣ) аше	а(е, ѫ) ше ты,	аше	a (je,e) še [145]	„ „ „ šo
	3.	ааше, я (ѣ) аше (ть).	а(е, ѫ)ше онъ.	аше.	a (je,e) še.	„ „ „ šo.
Дв.	1.	а (я, ѣ) ахова, вѣ			*М.* a (ja,e) chmoj, *ж.* chwe	„ „ „ chmej,
	2, 3.	а (я, ѣ) аста, *ж.* стѣ ашета, тѣ.			*М.* a (je,e) štaj, *ж.* štej.	„ „ „ štej.
Мн.	1.	а (я, ѣ) ахомъ	а(е, ѫ). яше	асмо	a (ja, e) chmy	„ „ „ chmy
	2.	а (я, ѣ) асте, ашете	а(е, ѫ) хте	асте	a (je, e) šće	„ „ „ šćo
	3.	а (я, ѣ) ахѫ (ть).	а(е, ѫ) ха.	ау.	a (ja, e) chu.	„ „ „ chu.

[145] *А* измѣняется въ *е*, по свойству В. - *Лужицкаго* языка, которое превращаетъ широкую гласную въ узкую между двумя мягкими буквами. Въ Нижне-*Лужицкомъ* этого нѣтъ.

Важнѣйшая характеристика преходящаго времени—тождество окончаній втораго и третьяго лицъ числа единственнаго. Причина этого тождества (встрѣчаемаго и въ сродномъ ему аористѣ), скрывается въ окончаніи вспомогательнаго глагола, приложеннаго, въ видѣ суффикса, къ окончанію преходящаго времени. Откинуты признаки втораго и третьяго лицъ *си* и *сть*, и оставлена только начальная *е*; горловая же *х*, по общему свойству Славянскихъ нарѣчій, обратилась въ шипящую *ш*; бѣхъ, бѣше. Нашъ языкъ не боится двусмысленности, въ смѣшеніи признаковъ втораго и третьяго лицъ. Но въ третьемъ лицѣ, какъ единственнаго, такъ и множественнаго, нерѣдко и въ Ц.-Слав. выступаетъ исчезнувшее окончаніе *тъ*: учашетъ, глаго-

---

Л. *Примѣры изъ пѣсенъ*:

Ед. 1. В.-Л. pšeljetowach, ńemóžach, widžach, džjech (I, 133, 23, 39; 216, 2, 6). — Н.-Л. pasech, obarach, nosach, hordowach, ganjach (II, 8, 1; 95, 12; 158).

2. В.-Л. twateše, čińeše, rozšjereše, ćjereše.—Н.-Л. twarjašo, njamóžašo, gońašo, myslišo, hobśeškašo (Jes. XLVII, 6, 7; Hezech. XVI, 24—28).

3. В.-Л. mjeješe, džješe, khodžeše, prošeše, čakaše, skakaše, džjełeše, stupaše, sydaše, ljehaše, hraješe, pušćeše, steješe, ćjereše, jjedžeše, mrjeješe, deješe, spjewaše, kaješe, rudžeše so, wołaše (I, 34, 64; 284, 67, sqq). — Н.-Л. lićašo, stupašo, juskašo, rozgronjašo, slyšašo, tergašo, nosašo, rosćašo, głažašo, stawjašo, płakašo (II, 5, 20; 69; 166, 5, 9, 13; 184, 30, 31, 52).

Дв. 1. В.-Л. mjejachmój, jjedžachmój, kulachmój, prajachmój (I, 40, 29, 30; 171, 4). Н.-Л. posłušachmej, stojachmej (II, 8, 9; 116, 2).

2, 3. В.-Л. ryčeštaj, hotowaštaj, džakowaštaj;—mjeještej, wiještej, séleštej (I, 115, 15; 289, 21, 22; — 71, 2, 3, 4).—Н.-Л. gljedaštej (II, 87, 13).

Мн. 1. } Не встрѣчаются въ пѣсняхъ.

3. В.-Л. spachu, nechachu, počachu, wješćachu, zwjazowechu, pšabowachu (I, 173, 3; 280, 1, 3, 5, 11, 13). — Н.-Л. płakachu, stajachu, kopachu, worachu, grajachu, rejowachu, gibachu, huḿerachu, skokachu (II, 9, 12, 13; 130; 195, 60, 62, 64).

лашеть, имащеть, предаяшеть, творяшеть, вѣряшеть; — звахуть ся, изимахуть, и пр. (Лавр. Ипат. Лѣтоп.). Шафарику (въ одной изъ новѣйшихъ журнальныхъ статей его, подъ заглавіемъ: Объясненіе нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ въ языкѣ Ц.-Славянскомъ) принадлежитъ окончательное утвержденіе, какъ независимыхъ и самобытныхъ, окончаній двойств. числа преходящаго 2 и 3 лицъ: *ашета* (*ахота*) вм. *ааста*, 2-го лица множеств. числа *ашете* вм. *аасте*, и 3-го лица ед. и множ. съ прибавкою суфф. *ть*. Двѣ первыя формы для насъ особенно важны, приближая значительно спряженіе двойственнаго и множественнаго чисель въ Ц.-Славянскомъ къ Лужицкимъ формамъ, которыя можно считать прямымъ сокращеніемъ Ц.-Славянскихъ.

Прошедшему совершенному времени однократнаго вида на *ch* Добровскій не даетъ особеннаго названія; но Боппъ первый,[146] съ помощію сравнительнаго языкоизслѣдованія, указалъ въ формахъ dach, stach и пр. совершенное сходство съ окончаніемъ *σα* Греческаго перваго аориста; а Копитаръ и Миклошичъ[147] подтвердили примѣрами употребленія *с* и *ш* вмѣсто обычнаго *х*. Дѣйствительно, значеніе его, сколько можно заключить даже изъ пѣсень Лужицкихъ, какъ нельзя лучше сходится съ значеніемъ перваго аориста. Отъ преходящаго времени оно отличается, какъ мы видѣли выше, только краткимъ суффиксомъ. Впрочемъ, оно давно уже не существуетъ ни въ Русскомъ, ни въ Польскомъ, ни въ Чешскомъ (съ XV вѣка), ни въ Хорутанскомъ сохранившись въ обоихъ Лужицкихъ, въ Сербскомъ и въ Ново-Булгарскомъ; стало быть, испытало одинакую участь съ преходящимъ. Употребленіе его въ Луж. нарѣчіи, какъ и вездѣ, по самому значенію его, ограничивается глаголами однократнаго дѣйствія, преимущественно составными съ предлогами; но никогда не встрѣчается въ учащательныхъ и многократ-

---

146 Vergleichende Grammat. S. 807—813, §. 571—568.

147 Kopit. Hesych., p. 42, 43.—Mikloš. Vitae Ss., p. 50, 51, Ep. 3: de forma рѣхъ.

ныхъ. Изъ сличенія его окончаній, въ нарѣчіяхъ, гдѣ оно сохранилось:

	Ц.-Славянскій.	*Н.-Б.*	*Серб.*	*В. и Н.-Лужицкій.*
Ед. Л.				
1.	а(и,о,ы,у,ѫ,ѧ,ю)хъ(съ)	а(и,ѧ)хъ	а(е,и,о,у)	а(e,je,i,y,u)ch
2.	а(„ „ „ „ „)	а(„ „)	а(„ „ „)	а(„ „ „ „)
3.	а(„ „ „ „ „)(ть).	а(„ „)	а(„ „ „)	а(„ „ „ „)
Дв.				*м. ж.*
1.	а(„ „ „)хова(сва)			а(„ „)chmój,chwe(Н. Л.)chmej
2, 3.	а(„ „ „)ста, *ж.* тѣ.			а(„ „ „) štaj (Н. Л. štej).
Мн.				
1.	а(„ „ „)х(с)омъ	а(„ „)хме	а(„ „ „)смо	а(„ „ „) chmy
2.	а(„ „ „)сте	а(„ „)хте	а(„ „ „)сте	а(„ „ „) šce (Н. Л. šćo).
3.	а(„ „ „)шѧ.	а(„ „)ха	а(„ „ „)ше.	а(„ „ „) chu.

видно, что Лужицкая форма, кромѣ общихъ всѣмъ временамъ различій въ суффиксахъ, отходитъ отъ Церковно-Славянской только въ окончаніи третьяго лица множественнаго *chu* вм. *шѧ*. Но Шафарикъ оба окончанія принимаетъ за тождественныя, и объясняетъ переходъ одного въ другой: а) смягченіемъ носоваго окончанія хѫ (ханъ), (хѭ), хянъ; б) измѣненіемъ *х* въ *с* или *ш*, и *а* въ *е*. Дѣйствительно правильность перехода горловой *х* въ шипящую *с* (*ш*) объясняется удовлетворительно не только изъ аналогіи съ языками Индо-Европейской отрасли, но изъ ближайшей особенности Славянскихъ нарѣчій: хмуриться—пасмурный, волхвъ—волсви. Прежде могло казаться страннымъ (и это замѣчаніе относится даже къ такимъ современнымъ явленіямъ, какъ Грамматика Ц.-Слав. языка по Остромирову Евангелію), отъ чего переходъ горловой *х* въ шипящую *с* во временахъ прошедшихъ встрѣчался только во всѣхъ лицахъ двойственнаго, во второмъ лицѣ множественнаго, во второмъ и третьемъ единственнаго преходящаго времени, между тѣмъ какъ первое лице единственнаго, первое и третье множественнаго оставались безъ измѣненія: бѣяше, бѣяше, быхова—бысва, быхота—быста, быхоте—бысте; но только: приѩхъ, -хомъ, приѩхѫ. Новѣйшія изысканія, при помощи Глаголитскихъ рукописей, несомнѣнно доказали общность такого измѣненія во всѣхъ

лицахъ и числахъ прошедшихъ временъ: приѧхъ — приѧсъ (Іоан. X, 18, Ев. Асем. отьѧсъ, отъврѣсъ) (отъврьзохъ), ясъ, (ядохъ), съблюсъ (съблюдохъ), привесъ (приведохъ), приѧхомъ — приѧсомъ, въвѣсомъ (въведохомъ), ѣдѣсомъ (ядохомъ). Даже и въ одномъ Кирилловскомъ памятникѣ, весьма древнемъ Псалтирѣ, отыскана, лѣтъ 5-ть тому назадъ, эта форма О. М. Бодянскимъ, именно въ псалмѣ 38: онѣмѣхъ и не отврѣсъ оустъ своихъ (вм. нынѣшняго не стверзо́хъ)[148]. Отсюда становится яснымъ, что и формы: бѣахѫ—бѣшѧ находятся точно въ такомъ же соотношеніи между собою, какъ пріѧхомъ и приѧсомъ, съ небольшимъ измѣненіемъ твердаго въ мягкій носовой звукъ и общимъ въ Слав. нарѣчіяхъ переходомъ *с* въ *ш*: днесь—днешній, слива—Серб. шльива, съ нимъ—Серб. шньоме, скора, скура, шкура, и под.; стало быть, приѧхѫ—приѧсѫ—приѧшѧ[149]. Все сказанное вполнѣ подтверждаетъ сравнительная таблица Слав. нарѣчій, въ которыхъ сохранилось прошедшее совершенное время. Языки Лужицкій и Ново-Булгарскій остались вѣрными позднѣйшей формѣ на *х*, а Сербскій, принявъ оную въ первомъ лицѣ единственнаго, хотя (по своей природѣ, отбрасываетъ это

[148] Сообщено имъ же.

[149] Wýklad nekterých grammat. forem w jaz. slow. Šafař. str. 146—156.

Примѣры изъ пѣсень:

Ед. 1. В.-Л. tyknych, pomyslich, (I, 211, 7; 216, 7).—Н. Л. zwostajich uśćgnuch, pśimnuch (II, 87, 46; 95, 11; 130, 7).

2. В.-Л. ńewopokaza. Н.-Л. ńehopokaza, hugotowa, natwari, rostawi (Jes. XLVII. 6; Hezech. XVI, 25).

3. В.-Л. pśindže (dže, преход. džješe), da, wurabny, roztorhny, zwotwija, rozmeta, wojbesny, zawróći, wobrajtowa, pozasta, pśerosće neposka, wozny (взѧ): (I, 34, 30, 31, 47, 64—68; 55, 17, 21, 22; 92, 7; 111, 12). Położi, zakćje (зацвѣте), sljekny, wobleknу, zawola, pomasa, wućeže, wuleća (I, 114, 6; 153, 5; 285, 37, 39, 40; 289, 35; 292, 22). — Н.-Л. hustśeli (выстрѣли), hurozme (уразумѣ), weze (взѧ), huwjeza, chyśi, gubi (погуби), chopi (хопи, всхопи), usy (сшилъ), hutorže (отъ hutergach, В.-Л. wutorhny): (II, 3, 21, 22; 75, 13, 21—23 92, 10; 131, 2; 187, 35).

Дв. 1. Н.-Л. Sednuchmej se (II, 8, 9).

x вездѣ въ произношеніи), во множественномъ воротился къ древнѣйшей на *c*.

Прошедшее сложное (Востокова), *описательное* (praeteritum circumscriptum Добровскаго), составляемое изъ причастія прошедшаго дѣйствительнаго (praeteritum participii activi Добровскаго), или причастія спрягаемаго (Востокова) глагола спрягаемаго и настоящаго времени вспомогательнаго глагола *есмь*, по формѣ своей соотвѣтствуетъ рѣшительно Греческому λελυκώς εἰμι, и, стало быть, въ значеніи близко къ прошедшему Греческому, съ удвоеніемъ, на κα. Изъ Славянскихъ нарѣчій оно во всей чистотѣ сохранилось въ Лужицкихъ, Ново-Булгарскомъ, Сербскомъ и Хорутанскомъ; исчезло въ Русскомъ, въ строгомъ смыслѣ, въ Чешскомъ и въ Польскомъ, въ которыхъ существовало до XVII вѣка. Въ Польскомъ обѣ стихіи, входящія въ составъ этого времени, еще слышатся въ окончаніи прошедшаго: byłem (вм. był jestem), byłeś (byl jesteś), byliśmy (byli jesteśmy), byliście (byli jesteście), и въ другой формѣ онаго, прибавляющей признакъ вспомогательнаго глагола къ предшествующему личному мѣстоименію или и всякому другому слову, — съ послѣдующимъ причастіемъ спрягаемымъ (въ какомъ случаѣ вспомогательный глаголъ свободно отдѣляется на нѣсколько словъ отъ причастія спрягаемаго) jam był, tyś był, myśmy byli, wyście byli, żem był (вм. że byłem) и т. д. Но если въ послѣдней формѣ, обнаруживающійся ясно въ составѣ этого времени въ Польскомъ языкѣ, раздѣлъ двухъ стихій и существуетъ на самомъ дѣлѣ, все же въ третьемъ лицѣ ед. и множ.

2, 3. В.-Л. Pšihnaštaj (I, 85, 2). — Н.-Л. pšejžeštej, nadejžeštej, sednuštej se, uchyšištej, lešeštej, pšimjoštej (II, 1, 25; 87, 3, 4, 13; 102, 29—31).

Мн.

1, 2 } Не встрѣчаются въ пѣсняхъ.

3. В. - Л. Zežrachu, zabychu, džjechu (тоже и преход.) počachu, krydnychu, zezljetachu, wusudžichu, wojbesnychu (I, 39, 32; 207, 4; 285, 63, 64, 69, 70).—Н.-Л. pšijježechu, zastachu, pšijžechu, zesedachu (II, 184, 8; 185, 26, 52, 33).

ч. и самый признакъ вспомогательнаго глагола утратился окончательно: były вм. był jest, były вм. byli są. Въ Русскомъ (въ нынѣшнемъ Чешскомъ только въ 3 л. ед. и множ.) вспомогательный глаголъ навсегда исчезъ въ сочетаніи съ причастіемъ, и самое причастіе спрягаемое обратилось въ полную форму глагола. Но настоящее значеніе и правильное употребленіе этого времени сохранилось исключительно въ Церковно-Славянскомъ (и въ Ново-Булгарскомъ, какъ прямое наслѣдіе Ц.-Славянскаго или Древне-Булгарскаго), и въ обоихъ Лужицкихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ языкѣ Хорутанскомъ, не смотря на совершенную правильность и полноту сохранившейся формы: délal, a, o, sim, si, je; délala, e, sva, e, sta, e; délali, e, smo, ste, so, при совершенной утратѣ прошедшихъ несложныхъ: (преходящаго и аориста), не могъ сохраниться и оттѣнокъ отличія его отъ этѣхъ послѣднихъ. языки Польскій и Чешскій замѣняютъ имъ утраченное преходящее (czytałem, legebam), иногда аористъ; для точнѣйшаго же обозначенія прошедшаго совершеннаго вида прибавляютъ, какъ и Русскій, предлоги. Въ Сербскомъ оно совершенно замѣнило утраченное преходящее сложное (Plusquamperfectum) *былъ бѣхъ*; и Караджитъ формы: држао, ла, ло, сам, си, je; држали смо, сте, су, Лат. tenueram, правильно называетъ давнопрошедшими. За то въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ оно сохранило вполнѣ и древнюю форму, и первобытный характеръ. Лужичанинъ никогда не опуститъ вспомогательнаго глагола, какъ Русскій и Чехъ; но эта отчетливость языка разговорнаго не всюду сохранилась въ пѣсни народной. Тамъ, для обозначенія либо внезапности, либо особенной продолжительности дѣйствія, преимущественно въ началѣ, для живости повѣствованія, опускается глаголъ вспомогательный, впрочемъ, не иначе, какъ при самомъ точномъ обозначеніи лица предшествующимъ существительнымъ именемъ, или мѣстоименіемъ личнымъ; иногда же по необходимости, для соблюденія мѣры стиха. Въ такомъ случаѣ первая форма обыкновенно становится полная, и тогда уже всѣ за ней слѣдующія въ пѣсни могутъ

опускать глаголъ вспомогательный, какъ подразумѣваемый, и то, большею частію, только въ третьемъ лицѣ. [149].

Примѣры для перваго лица: Пѣсни В.-Луж. I, 1, 55—63:

Što *sy* ty Holdraško tola *činił*,
Zo maš ty pod bokom krawy mečik?

Stadło jow hojbikow pšilečało,
Tym *sym* ja łojički *zwotrubował*.

Dżeda sy łojički zwostajał?
Po hajku rózno je *rozmetał* (безъ вспомогат. *sym*, которое предшествуетъ.)

Или: I, 287, 51—53.

Nerady kemši *sym khodziła*.
Nerady pačerje *spjewała* } безъ sym.
Nerady prošerjam *dawała* }

Пѣсни Н.-Луж. II, 68, 5, 7:

Sedym ljet *som* ju lubo *mjeł*
Slowka z ńeju *ńezgronił* } безъ sym.
Nic ak lutne listy *słał*. }

---

[149] Примѣры прошедшаго описательнаго въ пѣсняхъ Лужицкихъ:

Л.

Ед. 1. В.-Л.: I, 58, 62; 43, 25. — Н.-Л. II, 5, 10; 11, 13; 17 вся; 186, 41, 43.
2. В.-Л.: I, 34, 51; 121, 24; 149, 39; 285, 6; 290, 30.—Н.-Л. II, 3, 40; 6, 13; 11, 14; 93, 11; 181, 1.
3. В.-Л.: I, 49, 53; 293, 16. — Н.-Л. II, 77, 23, 24.

Дв. 1. В.-Л.: I, *м.* 164, 14; *ж.* I, 287, 45 — 48.—Н.-Л. II, 124, 1.
2. В.-Л.: I, 289, 26.
3. В.-Л.: I, 43, 4; 74, 48; 113, 8, 12; 281, 5. — Н.-Л. II, 3, 45; 6, 32; 77, 11, 21.

Мн. 1. В.-Л.: I, 265, 23. — Н.-Л. II, 105, 10.
2. В. Л. I, 145, 6; 284, 50. — Н.-Л. II, 5, 14 — 15; 93, 31; 133, 12; 185, 43.
3. Н.-Л. II, 81, 7; 174, 9; 182, 7, 8; 195, 52.

Для третьяго лица: I, 33, 5, 6; 41, 1, 5, 6; 46, 7, 8; 243, 9—11; 278; 21—25.—Н.-Луж. II, 1, 3, 4.

Для обозначенія продолжительности или внезапности дѣйствія, въ началѣ или въ срединѣ:

Пѣсни В.-Лужицкія:

Swjećiła, *swjećiła* 'wjezdzička (въ началѣ).
Tu 'lej mi cyłličku dołhu nóc (I, 16, 1).

Sćahnył hólčik z nožnow meč (въ срединѣ).
Wotćał holčcy 'łojčku prec (I, 41, 41, 42).

Zhotawał so Polski kral za prošerja (въ началѣ).
Šoł je (I, 53, 1).

Naš nan tón ma rjane huste slówki
Naša mać ma rjane młode džówki,
Pšišli hólcy, *zjjedli* nanej slówki,
'*Zali* starej' maćeri 'šje džówki (I, 182, 1—4).

Пѣсни Н.-Лужицкія (въ началѣ):

Grabała Hanička spód gólku hows (продолжительность).
Pšijeł k ńej rajtaŕ ejgen sam (внезапность дѣйствія II, 5, 1, 2).

Tak ten bogi burski knecht
Zajtša rano worat *jjeł*
K šesćim korcam *naworał* (II, 70, 1—3).

Въ срединѣ, безъ предшеств. вспомог. глагола, для обозначенія поспѣшности (II, 91, 35—45):

Wjence gólcam *rozdawała* (żówco)
Gólcy z ńeju *rejowali*,
Z reje domoj *pśewozili*,
Na stołašk ju *pósazili*,
Pótom sami domoj *gnali*,
Do póstole se *lagnuli*.

Въ началѣ, по отношенію къ вѣчности: II, 196, 1, 2, 5, 6:

Prjedna duša *stanula*,
Šla do božeg' raja,
Druga duša *stanula*,
Šla do teje hele.

Сходно съ предшествующимъ, составлено *преходящее сложное* (Востокова), иначе *описательное давнопрошедшее* (Добровскаго), состоящее изъ причастія спрягаемаго и преходящаго времени вспомогательнаго глагола: бѣхъ. Кромѣ Лужицкихъ и Ново-Булгарскаго, изъ нынѣ живущихъ Славянскихъ нарѣчій оно не сохранилось ни въ одномъ. Въ старину оно было и въ Чешскомъ; нынѣ исчезло. Его нѣтъ и въ Сербскомъ. Въ Хорутанскомъ, Чешскомъ и Польскомъ оно употребляется и нынѣ, но въ такой искаженной формѣ, которая обнаруживаетъ новизну состава и относительную бѣдность языковъ, не имѣющихъ преходящаго бѣхъ. Въ Польской формѣ pisałem był, въ Чешской psal sem byl, и въ Хорутанской: sim bil pisal, мы видимъ неправильное сочетаніе причастія спрягаемаго съ описательнымъ прошедшимъ вспомогательнаго глагола. Правда, и Шафарикъ въ Старочешской Грамматикѣ принялъ ту же форму, подъ названіемъ давнопрошедшаго втораго, за время самостоятельное, рядомъ съ давнопрошедшимъ первымъ (tworil běch, bějach, и byl jsem tworil); но ни въ Грамматикѣ Добровскаго, ни въ Остромировомъ Евангеліи она не встрѣчается, и ни въ какомъ случаѣ сочетаніе двухъ причастій спрягаемыхъ: а) глагола вспомогатетьнаго był, и б) глагола спрягаемаго, не можетъ быть правильно и первоначально. Въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ преходящее сложное, соотвѣтствующее Греческому давнопрошедшему, сохранилось во всей неприкосновенности. Замѣтимъ, что какъ въ Церковно-Славянскомъ, въ употребленіи его полная (по Добровскому учащательная) форма преходящаго: бѣахъ, бѣаше, бѣаше, чередуется съ краткою: бѣхъ, бѣ, бѣ; на пр.: изгыблъ бѣ, не оу бѣ пришьла година его, идеже бѣ лежало,— и: опьли бѣахѫ, бѣахѫ видѣли; такъ точно въ Лужицкомъ фор-

мы bješe и bje, во второмъ и въ трет. лицѣ единственнаго, безразлично смѣняются въ составленіи этого времени. [150].

Будущее время и нынѣ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ имѣетъ двѣ формы: а) *простую*, либо вовсе ничѣмъ не отличающуюся отъ настоящаго, либо составленную изъ того же корня, съ прибавочными предлогами, для выраженія однократнаго дѣйствія, и б) *сложную* или описательную, составляемую при помощи вспомогательныхъ глаголовъ. Послѣдняя въ Церковно-Славянскомъ прибѣгаетъ къ глаголамъ, которые, въ соединеніи съ неокончательнымъ наклоненіемъ глагола спрягаемаго, подобно Греческому, вводятъ новый оттѣнокъ понятія, чуждый глаголу спрягаемому: иматъ сътворити, хотѣаше умрети, родити начьнетъ. Такое же описательное будущее существуетъ нынѣ въ языкахъ Малорусскомъ, Сербскомъ, Ново-Булгарскомъ. Но это не есть уже чистая форма глагола: это скорѣе сочетаніе двухъ разнородныхъ глаголовъ, возводимое къ понятію будущности, при извѣстныхъ условіяхъ его проявленія, которыя выражаетъ глаголъ вспомогательный. Встрѣчаясь нерѣдко и въ Лужицкихъ пѣсняхъ, не считается будущимъ. У Лужичанъ описательное будущее составляется изъ соединенія неокончательнаго вида глагола спрягаемаго съ будущимъ временемъ простѣйшаго вспомогательнаго: быть; а потому въ спряженіи по-

---

150 Примѣры изъ пѣсень:

Л.

Ед. 1. 2. } Не встрѣчаются ни въ Верхне-ни въ Нижне-Лужицкихъ.

3. В.-*Л.* bješe widziła, bje so synyła, bje wusnyła, bješe wotučiła, bje rozbubiła, bješe pšišoł, bje stysknyła, bje wotbjejžała, bje pobladał, bješe wuryčała, bje płodžił, bješe pšišła (I, 46, 5; 48; 7—13; 81, 9; 83, 13; 136, 73; 292, 21; 293, 13).— Н.-*Л.* bješo krynyła (II, 38, 18).

Дв. 1, 2, 3. } Примѣровъ не встрѣчается въ залогѣ дѣйствительномъ.

Мн. 1. 2. } Примѣровъ не встрѣчается.

3. В.-*Л.* bjechu wujjeli, (I, 139, 9).

слѣдняго, Лужичанинъ не избѣгаетъ и повторенія, говоря съ совершенной отчетливостію: budu być. Особенность Лужицкаго нарѣчія допускаетъ эту описательную форму будущаго даже въ глаголахъ однократнаго вида; тогда разница онаго отъ простой формы будущаго заключается въ точнѣйшемъ опредѣленіи предполагаемаго момента дѣйствія, начала, или конца, между тѣмъ какъ послѣднее указываетъ только въ общихъ чертахъ на самое дѣйствіе, которому предположено совершиться въ будущемъ, въ какой бы то ни было моментъ его продолжительности. На пр.: trompetaŕ *budźe zatrubić*, dyž budže rano štyri bić (I, 149). Здѣсь тотъ оттѣнокъ понятія, что начало имѣющагося совершиться дѣйствія, первый моментъ его совершенія, совпадаетъ съ такимъ то мгновеніемъ будущности. Или въ Нижне-Лужицкомъ: tam (pśi droze, pśi śćažce, *bužo* kuždy tak *rjaknuś*: tož łazytej dwa młoženća, т. е., всякій скажетъ, *какъ скоро* завидитъ похороненныхъ вмѣстѣ любовниковъ, немедленно, при первомъ впечатлѣніи отъ этой картины (II, 1, 38) [151]. — Третье, *условное будущее*, составленное изъ сочетанія будущаго вспомогательнаго глагола съ причастіемъ дѣйствительнымъ глагола спрягаемаго, не существуетъ въ Лужицкомъ нарѣчіи, гдѣ оно замѣняется новою формою условнаго будущаго, которой займемся нѣсколько ниже. Но его нѣтъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, потому что и въ Польскомъ и въ Хорутанскомъ (będę pił, bom pil) настоящее значеніе его совершенно утратилось, и слилось окончательно съ простымъ и описательнымъ

---

[151] Въ переводахъ Библіи (В.—Луж. Френцеля, Н.—.Луж Фрица) смѣняются простое и описательное будущія безъ всякой послѣдовательности, такъ точно, какъ и простое и сложное прошедшее. Замѣтимъ въ Н.-Луж. будущемъ разложеніе мягкаго Ц.-Слав. ѭ на *ijom*: pohušijom, husušijom (Jesek. XVII, 24); а равно и въ другихъ лицахъ ед. и множ. hobrośijo, pśedłužijoš, pśelejoš, hužadlawijoš, rozožjelijošo (Hesek. XVIII, 24; XXII, 4; XLV, 1).

будущими. Только въ Церковно-Славянскомъ (и въ Древне-Чешскомъ) оно первоначально носило характеръ условный, и совершенно сходилось значеніемъ съ Лат. futurum exactum, означая возможное дѣйствіе, при извѣстныхъ условіяхъ, соблюденіе которыхъ не зависитъ отъ лица дѣйствующаго: аще *буду угодилъ* (угодивъ, угодивый, по тѣсному сродству причастія спрягаемаго съ, такъ называемымъ, дѣепричастіемъ прошедшимъ на *в*, выражаемому и сродными окончаніями: *в* и тверд. *л*).

Желательное или вѣрнѣе *условное* наклоненіе въ Церковно-Славянскомъ имѣетъ одно только время, которое, по соображенію смысла, служитъ для обозначенія и настоящаго, и прошедшаго, и будущаго. Это то же причастіе прошедшее спрягаемое съ прошедшимъ совершеннымъ временемъ (аористомъ) вспомогательнаго глагола быть: *быхъ былъ*. Примѣры употребленія для всѣхъ трехъ временныхъ отношеній заимствую изъ Остромирова Евангелія. Для настоящаго: аще не *бы былъ* сь зълодѣй для прошедшаго: не быхомъ прѣдали єго тебѣ (стр. 181 на об.) для будущаго: аще не быша прѣкратилися ти дьниє, не бы оубо спаслася вьсяка плъть (стр. 145). — Лужицкій языкъ для выраженія трехъ условныхъ временъ имѣетъ двѣ раздѣльныя формы. Для настоящаго времени въ обоихъ Лужицкихъ нарѣчіяхъ служитъ Церковно-Славянская: быхъ съ причастіемъ глагола спрягаемаго. Она сохранилась довольно правильно въ Западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, Польскомъ и Чешскомъ (хотя въ Польскомъ съ XVI вѣка утратила чистоту окончаній вспомогательнаго глагола, вовсе исчезнувшаго въ третьемъ лицѣ множественнаго въ Польскомъ и въ Чешскомъ); затерялась въ Южныхъ и Русскомъ, гдѣ вспомогательный глаголъ обратился въ неподвижную частицу *бы*. Въ Лужицкомъ Верхнемъ нарѣчіи — полная Церковно-Славянская форма, которую постоянно встрѣчаемъ въ переводахъ Библейскихъ; но въ пѣсняхъ употребляется по произволу и сокращенная; а въ Нижне-Лужицкомъ, во всѣхъ лицахъ и числахъ, какъ въ Русскомъ,

остался только признакъ вспомогательнаго глагола въ неизмѣняемомъ союзѣ *бы* [152].

Прошедшее условное въ Церковно-Славянскомъ языкѣ имѣетъ обширное употребленіе; оно соотвѣтствуетъ Греческому желательному и сослагательному, Латинскому сослагательному наклоненію, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ построеніе рѣчи требуетъ оборота условнаго. По этому оно употребляется и безъ союзовъ, самостоятельно, и при союзахъ, выражающихъ понятіе условное: желаніе, ограниченіе, или, въ собственномъ смыслѣ, условіе. Въ Лужицкомъ же языкѣ оно имѣетъ ту важную особенность, что нерѣдко поглощаетъ союзъ, тамъ гдѣ складъ рѣчи, по видимому, не можетъ безъ него обойтись, и гдѣ въ Ц.-Славянскомъ всюду правильно предшествуетъ условному времени условный союзъ. Такъ въ пѣсняхъ Верхне-Лужицкихъ: byštaj so lubo nemjełój, nebyštaj za sobu łazyłoj, аще не быша любили; по Русски: не люби они другъ друга, не стали бы.... (I, 248, 11, 12).— Мы уже замѣтили выше, что прошедшее условное въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ (въ полной формѣ, Верхне-Лужицкой, и въ сокращенной, Нижне-Лужицкой) прилагается преимущественно къ настоящему времени, на прим.: ja by radsjo 'cyła, zo bych ja hólc była (I, 49, 61, 62). Въ Верхне-Лужицкомъ оно, сверхъ того, правильно прилагается къ будущему, а въ Нижне-Лужицкомъ къ прошедшему времени, на пр.: ja jich nochcu bez jydźje preč pušćić, zo bychu woni wot mocy ńepšišli na pucu (Matth. XV, 32); što dyrbju ja dobre činić, zo bych ja to wječne žiwenje mjeł (Matth. XIX, 16; Luk. XVIII, 18); što 'cetaj, zo bych ja wamaj činił

---

[152] Примѣры употребленія полной формы; изъ пѣсень Верхне-Лужицкихъ:

Л.

Ед. 1. В.-Л. I, 25, 26; 37, 16; 49, 62; 138, 25; 162, 23; 183, 13; 184, 3; 186, 22, 24.

2. В.-Л. I, 37, 49.

3. В.-Л. I, 34, 42; 38, 8; 173, 14.

Дв. 2, 3. В.-Л. I, 248, 11, 12; 276, 118, 119.

Мн. 3. В.-Л. I, 122, 37; 130, 5.

(Matth. XX, 32); 'šitke swoje skutki woni činja, zo bychu wot ludži byli widženi (Matth. XXIII, 5); kotreho 'ceće wy, zo bych wam pušćił? (Matth. XXVII, 17); džeržachu židži radu bez sobu, zo bychu jeho morili (Japošt. skutki, IX, 23);—Dy bych ja piła piwa, wina, bych była bjeła a čerẃena (Луж. пѣсни I, 162, 22, 23). Rubiško ći nesmjem dać, mać by ḿe swareła (I, 173, 13, 14). Въ Верхне-Лужицкомъ прошедшее сложное относится иногда и къ прошедшему времени; но, собственно, для послѣдняго, въ условномъ его выраженіи, употребительна особая форма, которая въ Нижне-Лужицкомъ совершенно на оборотъ прилагается преимущественно къ будущему. Это то же причастіе прошедшее спрягаемое, сочиненное съ преходящимъ будущаго времени глагола вспомогательнаго: В.-Л. *budžich* (или bydžich), budžiše, budžiše; budžichmój, budžištaj; budžichmy, budžišće, budžichu; Н.-Л. первоначальнѣе: *bužach*, bužašo, bužašo; bužachmej, bužaštej; bužachmy, busašćo, bužachu. Въ предложенныхъ окончаніяхъ яснѣетъ форма преходящаго времени, точно также происшедшаго изъ будущаго вспомогательнаго глагола budu, какъ преходящее простое изъ настоящаго времени, прибавленіемъ къ корню суффикса преходящаго времени, съ смягченіемъ конечной согласной; а потому старый Грамматикъ Гауптманъ правильно называетъ его Imperfectum futuri, (преходящее будущее), которое можно по формѣ сравнить съ третьимъ будущимъ Греческимъ, соединяющимъ въ образованіи своемъ окончаніе будущаго съ удвоеніемъ прошедшаго. Нынѣ оно не существуетъ рѣшительно ни въ какомъ Славянскомъ нарѣчіи, кромѣ обоихъ Лужицкихъ. Это, можно сказать, самая древняя форма, завѣщанная старой Славянщиной младшему брату развѣтвившейся огромной Славянской семьи. По словамъ Шафарика, она и въ Кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчается рѣдко. Добровскій либо вовсе не зналъ ея, либо не обратилъ на нее никакого вниманія. До сихъ поръ ни одинъ изъ филологовъ не уяснилъ намъ удовлетворительно ея настоящаго, первоначальнаго значенія. Шафарикъ нашелъ ее въ памятникахъ Сербской и Чешской письменности, въ довольно позднемъ,

въ послѣднихъ и въ довольно значительномъ, употребленіи. Обыкновенно старинныя формы, переходя, какъ развалины, въ новую эпоху язычнаго образованія, остаются въ языкѣ еще долго, по естественной привязанности его ко всему, что завѣщано древностію; но, утративъ значеніе, осмысливаются въ безразличномъ употребленіи съ другими, болѣе понятными, формами. Такъ форма: *боудѣхъ* (у Домитіана: боудѣше въ градѣ, въ спискѣ второй полов. XIV вѣка, и въ наставленіяхъ Имп. Василія XV-го: якова вльна сама боудѣше лицемь) и Чешская *budjách*, перешедшая въ budjéch (довольно часто встрѣчающаяся въ памятникахъ Чешской посьменности XIII и XIV вѣка, но не ранѣе, на пр: knjez český každé twrze dobudjéše; — kteryž je и wodu utekl, ten uzdrawen budjéše (съдравъ бывааше (Остр. Ев. 23), — a kteři sje koliwěk dotknjéchu, spaseni budjéchu (Ев. отъ Матѳ. XIV, 36: елицы прикоснушася, спасени быша), — což zdobudjéchu, chudym rozeslachu, — w kúpěli je zmyjechu, tak wsjé nemoci zbudjéchu) [155] рѣшительно слилась съ прошедшими временами: *бѣяше*, *бываше*, въ какомъ случаѣ ее легко объяснить теперешнимъ Ново-Булгарскимъ нарѣчіемъ, въ которомъ прошедшее совершенное *быхъ* приняло форму: *быдохъ*. Видно, что смыслъ ея, въ то время, уже затерялся. Но въ сочетаніи съ глаголами, въ видѣ вспомогательной формы, она нигдѣ не встрѣчается, кромѣ Лужицкихъ нарѣчій, гдѣ выражаетъ условіе въ прошедшемъ (и тогда сочиняется съ причастіемъ спрягаемымъ, въ Верхне-Лужицкомъ), и въ будущемъ (какъ въ Нижне-Лужицкомъ, и тогда прилагается къ причастію спрягаемому, или къ неокончательному наклоненію глагола спрягаемаго: bužach pytaś, interrogaturus essem) [156]. Такъ въ Евангеліи отъ Іоанна: dy by ty tudy był, mój bratr nebudźiše wumreł (non mortuus esset: XI 21). Въ Псалтирѣ: В.-Л. ja budźich skoro wustupił ze swojimaj nohomaj, a moje kročelje budźichu so skoro

[155] Serb. Lesek., S. 109. — Počatkowé staročeské mluwnice, str. 92.

[156] Граммат. Гауптмана, стр. 201.

wobsunułe; ja budžich skoro tak prajił jako woni (bezbožni); ale laj, z tem budžich ja zatamał 'šitke twoje dźjeći, kotrež su dy byłe; Н.-Л. ja bužach skoro podštapił z mojima nogoma; mojo stupanje bužašo se pši samem na bok schyliło; ja bužach pši samem tak gronił ako woni; ale lej, z tym bužach ja zasužił 'šykne twoje žješi, kotarež njega su buwaly (Ps. LXXIII, 2, 15). Въ пѣсняхъ народныхъ я нахожу ее только въ двухъ мѣстахъ, и именно, въ Верхне-Лужицкихъ, гдѣ она соотвѣтствуетъ Латинскому давнопрошедшему сослагательнаго наклоненія: dy bydžich ja domach zwostał, bydžich džeržał swoje słowo: si domi mansissem, tenuissem.... (I, 144, 10—12); — to'lej pak ńebydžich nidy ŕekła, zo dyrbjał luby tak lesnu ryč mjeć: hoc nunquam dixissem.... (I, 169, 12, 13). Въ Нижне-Лужицкихъ она не встрѣчается; но тамъ прошедшее условное, выражаемое Верхне-Лужицкимъ *bydžich był*, имѣетъ другую форму, собственно ему усвоенную, въ отличіе отъ настоящаго *быхъ былъ* (сокр. *бы былъ*) и отъ условнаго будущаго: *bužach byś*. Эта форма состоитъ изъ причастія спрягаемаго вспомогат. глагола byś и того же причастія глагола спрягаемаго. Такъ Церковно-Славянское: аще бы сьде былъ, не *бы* братъ мой *оумьрлъ* (Остр. Ев. 138, Іоанна XI, 21), переводится въ Н.-Лужицкомъ Новомъ Завѣтѣ: by ty tudy był, moj bratš *ńebył humŕeł* (В.-Л. ńebudziše humŕeł). Ц.-Славянское: аще *быхомъ были* въ дьни о҃ць нашихъ (Остр. Ев. 215, Матѳ. XXIII, 30): *byli* my wo našich wošcow dnjach *byli*: si fuissemus [157]. И въ пѣсняхъ Нижне-Лужицкихъ: pola mójeje lubcycki *był był* ja rad (II, 46, 8): ich wäre gerne gewesen. Отсюда видно, что Нижне-Лужицкій языкъ съ бо́льшей разборчивостію, нежели Верхній, выражаетъ условное время: въ прошедшемъ усиленной формой двухъ прошедшихъ причастій спрягаемыхъ, хотя и новой, но мѣтко отдѣляющей понятіе условія прошедшаго отъ настоящаго, выражаемаго прошедшимъ причастіемъ съ неизмѣняемой частицей *бы*, а въ будущемъ, по-

---

[157] Граммат. Нижне-Луж. Гауптмана, стр. 198.

самой неопредѣленности временнаго условія, неокончательнымъ наклоненіемъ съ условною формою будущаго: Imperfectum futuri. Такой опредѣленности обозначенія времени не было въ Церковно-Славянскомъ, нѣтъ и нынѣ ни въ одномъ изъ живущихъ Славянскихъ нарѣчій.

Всѣ условныя времена Лужицкихъ нарѣчій, о которыхъ говорено выше, соотвѣтствуя исключительно Церковно-Славянскому условному *быхъ былъ*, относятся къ наклоненію *сослагательному*. Но въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ есть и *желательное*, выражаемое безъ посредства частицъ, однимъ причастіемъ прошедшимъ спрягаемымъ, которое, въ отличіе отъ изъявительнаго, не сочиняется съ глаголомъ вспомогательнымъ. Въ значеніи оно не отлично отъ перваго, прилагаясь, подобно сослагательному, ко всѣмъ случаямъ употребленія онаго въ Церковно-Славянскомъ. Но самостоятельная форма его даетъ намъ право отличить его и самымъ названіемъ. Оно ставится тамъ, гдѣ въ Церковно-Славянскомъ союзъ *да* съ послѣдующимъ будущимъ (Греч. Optat.; Лат. Conj. Praes.), въ Русскомъ *пусть* (пускай), въ другихъ Слав. нар. *нехъ*, *нехай*, *нека*, *некай*, *най*, *ней*, *ńech* (ńechaj), и подобное, также съ послѣдующимъ будущимъ; — стало быть, въ смыслѣ наклоненія желательнаго, а также вмѣсто Ц.-Слав. *да*, *аще быхъ* (Русское чтобы, если бы, или и повелительное наклоненіе условное), и въ такомъ случаѣ собственно относится къ наклоненію сослагательному. Примѣры изъ пѣсень: Dyrbjał hospodować tebe dźensa nocy, zezankać će dyrbju (I, 11, 49, 51): если бы я долженъ былъ пріютить тебя—пріюти я тебя, или: *кабы я* пріютилъ тебя, т. е., когды бы я, точь въ точь какъ Нижне-Лужицкое *gaby ja*: (Серб. *ако* въ сочетаніи съ будущимъ; *да* съ прошедшимъ; въ Зап. Слав. нар. Чешскомъ и Польскомъ, а равно и въ Луж., частица *li* (если), прибавляемая на концѣ будущаго времени глагола, въ какомъ случаѣ Луж. языкъ нерѣдко опускаетъ li, на пр.: z'ubiš (li) holečo twoju ty česć, teje ty nidy 'jac' nedóstaneš: I, 54, 17, 18; nechaš(li)so lubeho wostajić, da će ja dam zatwarić: I, 119, 9, 10; kajež (li) so ty rjane holčo, mojedla, 'róć so zaso k ma-

ćeri: I, 163, 7, 8). — Mó'ła sej puščić mi šelmu nuts, mó'ła so potom mój žiwy dźeń kać, вм. móhła bych (I, 16, 34, 35). — Starski muž (приказный) by rady bół, *zo by* ludži šarwać (тѣснить) *mó'ł*, *tyknył* nohi na khachlje вм. zo bych tyknył: I, 19, 19—21.—Ja sym zrudna, zo mó'ła wumreć, вм. móhła bych wumreć: I, 38, 1.—'Cyła so wučić rejwać (плясать) вм. chcyła bych: I, 49, 65.— Nichtón nej' tak zważny był, *zo* sej jenu (розу) *wuščipnył*, вм. *zo by* sej: I, 243, 9, 10. — Rady 'cyła, dy bych smjeła, вм. rady bych chcyła: I, 184, 3. —Bóg *ksjeł*, aby za ljeto humřeła (дай Богъ, utinam vellet: II, 5, 26.— *Dejal* so wo żywčo biś, ga dej wyne myje byś: II, 28, 22—24. — Ja *kśjeł* rad pospaś, я хотѣлъ бы уснуть: II, 53, 6; — kak *mógał* ja domoj pśiś? какъ бы могъ я домой притти? II, 62, 16. — Ja *kśjeł* tu wašu Anku mjeś: я хотѣлъ бы: 166, 19. — Gaby mój luby dobry był, *gronił* (вм. gronił by) mje wo ńen na reji (поговорилъ бы мнѣ объ томъ на пляскѣ), *kśjeła* (вм. kśjeła by) jomu rada (охотно) daś (wjenk): II, 174, 10—15. — *Kśjeł* se rad hoženiś: II, 180, 1. Въ Библіи: ja će prošu za jenu mału wjec, tu *nochcył* mi ju zapowedźić (tu *ńekśjeł* mje ju wotbys: не отврати лица моего (3 Цар. II, 20);— ty 'cył tu modlitwu słyšeć (XIII, 29); *ńekśjeli* my z ńimi zjelbne byś na tych prophetow kšwi, не быхомъ были обьщьници имь (Матѳ. XXIII, 30). Впрочемъ, въ тѣхъ же случаяхъ употребляется и Ц.-Славянскій оборотъ: *да* съ будущимъ: II, 15, 37; 62, 39; 169, 17; 171, 22.

Повелительное наклоненіе въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ, во второмъ лицѣ единств. и множественнаго, большею частію, утратило полную Церковно-Славянскую форму; но то же и въ Польскомъ и въ Чешскомъ; и уже въ Судѣ Любушиномъ краткая форма: suďte чередуется съ полною: rozrěšite. Въ Польскомъ въ одномъ только, древнѣйшемъ, памятникѣ: Bogarodzica, исключительно полная форма spušci, zišci; но въ Псалтирѣ Маргариты и во всѣхъ позднѣйшихъ до XVI вѣка она постепенно уступаетъ короткой. Впрочемъ, и въ древней Кирилловской ру-

кописи Добровскій отыскалъ форму: сѫдьте, вм. сѫдѣте, и пѣсни Лужицкія представляютъ намъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ образцевъ полной формы: sta*jejće* (ставите) рядомъ съ śćelće, и ńestajće (ставьте) I, 97, 7; mys*li* sej вм. mysl sej: I, 175, 8; zwosta*jej* вм. zwostaj, остави: I, 183, 26: ne*róćej* so (вм. neróć so, не ротисѧ) I, 213, 22; — ku*lej*, вм. kul, катай: I, 253, 9: — ńezam'o*jej*, вм. ńezamlów, незамолвь: I, 283, 13. — Въ Нижне-Лужицкихъ: ńetu*ž*, źówćo, ńetu*žy*: II, 68, 1.

Причастія и *дѣепричастія* въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ отличаются также полнотою формъ сравнительно съ двумя соплеменными: Польскимъ и Чешскимъ. Укажу только на дѣепричастіе настоящаго времени съ окончаніемъ на *jo*, которое существуетъ во всѣхъ Лужицкихъ глаголахъ и соотвѣтствуетъ Русскому на *я*, тогда какъ въ Польскомъ осталось одно только дѣепричастіе прошедшаго времени (transgressiv. praeter.) на *wši*, а въ Чешскомъ сохранилось первое только въ вспомогательномъ глаголѣ: jsa, jsauci. Въ Лужицкомъ языкѣ сохранилась и древняя женская форма этого дѣепричастія (Церковно-Славянскаго причастія усѣченнаго) на *ѫщи*; но она утратила уже половое различіе, и употребляется нынѣ въ видѣ нарѣчія: ducy k wjerowanju, ducy wot wjerowanja (I, 261); идѫщи: на дорогѣ къ помолвкѣ, съ помолвки [138]. (I, 120, 7, 8; 275, 29; 282, 8).

Наконецъ, и *supinum* Добровскаго, неопредѣленное наклоненіе достигательнаго вида Востокова, во всей правильности употребленія послѣ глаголовъ движенія поступательнаго, удержалось въ Нижне-Лужицкомъ нарѣчіи; во всѣхъ прочихъ утратилось, кромѣ Хорватскаго и Хорутанскаго. Въ Чешскомъ языкѣ въ XIII и XIV в. supinum было въ общемъ ходу, и оконча-

---

[138] Въ Нижне-Луж. пѣсняхъ форма plakucy встрѣчается въ сочетаніи съ существ. ср. рода: źówcyšćo: II, 5, 13. — Объ отглагольныхъ на *aty* см. Іордана, стр. 96, 97. — Ср. Іорд. Грамм., стр. 177.

тельно исчезло только въ XVI. Верхне-Лужицкій языкъ имѣетъ, правда, двѣ формы неокончательнаго наклоненія: краткую на *ć* и удлиненную на *ći*; но въ употребленіи ихъ не дѣлаетъ никакого различія, а руководствуется только законами благозвучія. За то въ Нижне-Лужицкомъ языкѣ, вопреки Добровскому: Venedi Lusatiae in *quibusdam* formulis seculo XVIII *distinxere*, оно составляетъ общее правило [159], и оканчивается постоянно на твердое *t*, въ противоположность мягкому *i* неокончательнаго наклоненія. Въ Фабриціевомъ переводѣ Новаго Завѣта супинъ отличается еще болѣе отчетливымъ и строгимъ употребленіемъ, нежели въ самомъ Остромировомъ текстѣ: hukńiki stupichu pokazowat: Остр. пристѫпишѧ показа*ти* (Матѳ. XXIV, 1); Jezus posła woła*t*: посъла призва*ти* (Матѳ. XXII, 3); posła te dwanasćo prjadkowa*t* a chorych hustrowi*t*: посъла проповѣда*ти* и исцѣли*ти* (Лук. IX, 2); woni żjechu won gljeda*t*: изидошѧ видѣ*ти* (Лук. VIII, 35); ja du wam to mjesto pśigotowa*t*: идѫ оуготова*ти* мѣсто вамъ (Іоанн. XIV, 2). Всѣ прочіе случаи употребленія супина въ Остр. Ев. строго соблюдены въ Н.-Луж. Новомъ Завѣтѣ, исключая тѣхъ немногихъ, гдѣ условное построеніе періода: Матѳ. III, 13; IV, 1; XXVII, 49; Лук. II, 3; III, 7, 12; VI, 18; XI, 7; XXIII, 32; Іоан. IV, 47 [160].

Вотъ, сколько мнѣ извѣстно, всѣ важнѣйшія особенности грамматическихъ формъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ.

—

[159] Instit. linguae slavicae, p. 393.

[160] Примѣры изъ пѣсень: Spat ljegach: II, 8, 13; chopił jo fryjowat, gramowat: 11, 5, 7; hujdu spat: 13, 8; worat jjedu: 19, 13; pśijšoł zazbjegowat: 28, 6; póź spat: 43, 1; póź lažat: 43, 2; spat lagnuł: 46, 1; worat jjeł: 70, 2; źješo napowat: 76, 6; jjeł worat wen: 94, 1; źišo wotkšajat (откроить): 102, 4; źišo upalkat, вымыть, pocesat: 102, 11, 18; spat, stary, spat; młody, fryjowat: 107, 1, 2; gnach rejowat: 130, 8; pśilešeł zagowat (клевать), zgljedowat: 178, 14, 16; lešešo skaržyt, жаловаться: 182, 6.

B. Въ Словосочиненіи

Лужицкія нарѣчія обнаруживаютъ чрезвычайное сходство съ Церковно-Славянскимъ. Иначе и быть не могло. Предоставленныя живому произволу народа, но огражденныя отъ насилія писателей, они должны были сохранить любимыя формы Славянскаго словосочиненія. Таками являются они преимущественно въ пѣсни народной. Постараюсь указать въ короткихъ словахъ на тѣ синтактическія особенности Лужицкихъ нарѣчій (преимущественно изъ пѣсень заимствованныя), въ которыхъ онѣ сходятся съ Церковно-Славянскими.

1. *Мѣстный падежъ безъ предлога*, одна изъ важнѣйшихъ особенностей всѣхъ Славянскихъ нарѣчій въ эпоху ихъ древняго образованія: а) Ц.-Славянскаго: Изѧславъ кнѧзь правляаше столъ оц҃а своѥго *Кыевѣ*—а брата своѥго столъ порѫчи правити близокоу своѥмоу Остромироу *Новѣгородѣ* (приписка Остром. Ев.); да не бѫдеть бѣство ваше *зимѣ* (Остр. Ев. 145); аще не обрящеться кто *рѣцѣ* (Лавр. Лѣт., стр. 50); сѫтъ съхранены *семь мѣстѣ*: Vitae Sanct. ed. Miklos. 1847, p. 13, v. 432;—б) Древне-Русскаго: оставивъ *долѣ* люди (въ Посл. объ отступл. Лат. отъ Правосл. Церкви); *томь дни*, *вечерѣ*, *друзѣмъ мѣстѣ*, *Царигородѣ* (Въ вопрос. Кирика Черноризца), и до XIV стол.—в) Чешскаго: Pawel dal jest *Ploskowicich* zemju (Грам. Чешск. 1057 г.); na mostě *Praze*; *lětě*, *noci*: (Александроида)—составляетъ понынѣ строгое правило въ Приморскомъ Хорватскомъ и въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ: što ty činiš mojim *hajku?* I, 1, 9; prjeńej nowej *komori*: I, 2, 17; *kupjawcy* so kupaše: I, 2, 67; zelenym *wjenašku* khodźić: I, 3, 36; Maruška *pjesačku* hraješe: I, 5, 1; je *swjeći* holcow dosć: I, 6, 34; twój luby je *Drežďžanach*: I, 15, 16; serpika nidy 'šće ńemjeła swojimaj bjełymaj *ručkomaj*: I, 16, 16—17; woboj slaj božim *raju*: I, 136, 108; *zymi*: I, 150, 5; *lješi*: I, 150, 11; khodźiła sym *črijach*: I, 266, 5; zlehnu ja tej stysknej *khorosći*: I, 291, 4;

dziwna wjec so podała *tym* wulkim *mjesći* Waradžim: I, 293, 4; *zagrodce* dwje rjednej żówcy stej: II, 6, 5; *zyḿe*: II, 6, 19; mjej mje *kómorce*: II, 97, 4; *Barlinju*: II, 101; II, 14, 11; 23, 20; 42, 14; 46, 4; 69, 1; 87, 22. Рѣдко, и притомъ не въ народной пѣсни, а въ духовной легендѣ, предлогъ: *we kraju* Wuberskim: I, 293, 3 [161]; большею частію и въ переводахъ Библейскихъ, на пр.: *we* tej samej *štundži* (Matth. X, 19); или въ Н.-Л. послѣ управляемаго слова: *zyḿewe*: II, 101, 13 (въ видѣ encliticon); но и въ Библіи есть исключенія: tón kńez pytaše *domach* Saru (1 kn. Mois. XXI, 1; XXXIX, 5); tón kńez steješe *horkach* (XXVIII, 13); Benhadad wojerskich *khjejžkach* piješe (1 kn. wot kral. XX, 12, 16); drohich *ćrijach* wobute (Jes. III, 16); mjesto *delkach* budze ponižene (Jes. XXXII, 19); ći, kiž *skalach* bydla (Н.-Л. na tych kańeniščach): Jes. XLII, 11; pjeć a dwacetem *ljeći* (Jezech. XL, 1); *nutšikach* (Н.-Л. Hezech. I, 27), и т. д. Мѣстный падежъ такъ вполнѣ соотвѣтствуетъ своему названію въ Луж. нарѣчіи, что употребленіе его въ другихъ Слав. нарѣчіяхъ въ смыслѣ отвлеченномъ съ предлогомъ *о* въ Лужицкомъ *постоянно замѣняется предлогами wo* и *na съ падежемъ винительнымъ*: *wo twoj* serpik nerodžu (о серпѣ твоемъ не радѣю, не забочусь); *wo ničo* so ńestaram (I, 1, 15; 22, 1); *na moju* lubku spominać (вспоминать *о комъ*) (I, 22, 9); или *wot съ родительнымъ*: *wot ćelerki* powedachu (*о комъ* разсказывать): I, 48, 30; 60, 2; 92, 4; 128, 9.

2) *Выпускъ предлоговъ и при другихъ падежахъ*: a) *дательномъ* поступательнаго движенія: приде Володимиръ съ Варяги *Новугороду*, *Кыеву*, идѣте съ данью *домови*: Лавр. Лѣт., стр. 32, 23; В.-Л. dał je kójždemu swjetły meč (*k*) *zeŕawanju* (I, 4, 26, въ одной изъ самыхъ старинныхъ историческихъ или богатырскихъ пѣсень); (*k*) *poporom* ja ńepóńdu (I, 220); особливо предлогъ *k*, *ke* очень часто опускается въ разговорной рѣчи,

---

[161] Dobr. Instit. lingu. slav. p. 640, 659. — Šafař. Počatkowé staroč. mluwnice, str. 115, §. 95. — Wýklad někter. gramm. forem w jaz. slow., str. 136. Iordan, Граммат., стр. 196, §. 167. — Hauptmann, Нижне-Луж. Грамм., стр. 376, reg. 10.

какъ скоро слѣдующее за нимъ слово начинается буквою *k*: *kralam*, *ʃjeřstam* poćehneš, na posledku *khježorej*: I, 296, 3; б) *винительномъ*: гл҃а ємоу пакы *въторое*, *третиее* (Іоан. XXI, 16, 17): Остром. Ев., стр. 53, гдѣ *въторое*, *третиее* не столько нарѣчія, сколько винит. падежи ср. рода, Луж. *prjeni króć*, *druhi króć* (I, 291, 3); *dom* (вм. w dom): I, 122, 1; 319, 1; dyž bje (w) *ńedželku* wećor pšišło: I, 255, 1; выраженіе dźi swoju stronu (прим. Смол. 364); (w) *meno* bože: I, 87, 16; (w) *kharty*, (w) *kósku* hrać: I, 113, 2 (прим. Смол. 322); źówćo bježy (w) *nowu komoru*: II, 171, 7; 185, 18; ja se schowaju (w) *nowu komoru*: II, 187, 23; (w) *wodu* skocyś: II, 4, 12 (прим. Смол. II, 307); *kotary cas* (вм. w kotary cas: II, 23, 16; 24, 4; 31, 21. Древне-Русское: аще не ѡбрящетьсѧ кто на рѣцѣ *оутро* (вм. *въ оутро*) [162]. *Двойной винительный падежъ* въ оборотахъ: bjełe te płachty ḿe wodźewajće (I, 3, 33); holćka luboh' wuslekła jeho suknju zelenu (I, 120, 41, 42); rozuwaj se ty burske creje, obuwaj se bergarsku, zeblekaj se ty bursku drastwu (II, 22, 69 — 72); Pharao wobleče Josepha bjełu židu (1 kn. Mois. XLI, 42); wusleč so mjech z twojich ledźbow a zuj so ćrije z twojich nohow (Jes. XX, 2); Hiskias wobleće so mjech (Jes. XXXVII, 1), имѣетъ отношеніе къ общему, древнему свойству языковъ первоначальныхъ. Въ Остромиров. Ев. всюду употребляется въ этомъ случаѣ предлогъ *въ*: облекошѧ и въ ризы своѩ, въ багърѧницѫ (стр. 187 на об.), гдѣ въ Греческомъ и въ Лужицкомъ двойной винительный: ἐνέδυσαν αὐτὸν τὰ ἱμάτια αὐτοῦ (woblećechu ho jeho drastu). То было, конечно, древнее свойство и Церковно-Славянскаго, рано утраченное. — Въ выраженіи пѣсни: *sobu* nimam, *sobu* wzać, вм. *z sobu* (I, 1, 21; 16, 31; 306, 4), мы видимъ замѣчательный примѣръ выпуска предлога и при творительномъ.

3) *Родительный падежъ при отрицаніи*. Въ Остр. Ев.: не оумыеши *ногоу моєю* въ вѣкъ; не имаши *чѧсти* съ мъноѭ, nimaš žaneho dźjeła zomnu, njamaš ty žednejc žjelbi zemnu

---

[162] Объ одномъ Прологѣ Библ. Моск. Дух. Типогр., О. М. Бодянскаго, стр. 21.

(Іоан. XIII, 8), гдѣ въ Греч. именительный. — Луж. *žaneje ćežički* sobu nimam: I, 1, 21; nimam *wjenca*: I, 10, 15; *serpika* ńemjeła: I, 16, 16; *maćerje* sym ńespoznał: I, 94, 12; *tych* ńetorham: I, 152, 6; ńepórał *staroscí*: II, 7, 33; ja ńewjem *togo casa*: II, 24, 6; ńebeŕ sebje *teje*: II, 103, 10. Рѣдко именительный: *česć* ńekrydnu: I, 11, 79; nimaš žane *črije, štrympy*: I, 152, 2. — Родительный падежъ ставится въ Луж. нарѣчіяхъ и въ томъ случаѣ, когда отрицаніе относится не собственно къ нему, а къ глаголу, отъ котораго онъ зависитъ: Остр. Ев.: ни самомоу мьнѭ мироу въмѣстити пишемыихъ *кънигъ* (стр. 54). Луж. nichtó ńebužo miłego *słowka* zastajiš: II, 9, 5, 6; но въ Библіи: nanidy ńedyrbiš ty mi *moje nohi* myć (Jan. XIII, 8).

4) *Дательный падежъ вмѣсто родительнаго*—любимый оборотъ Ц.-Славянскій: наставьниче *тьмѣ*, подателю *блазномъ*, начѧтъкъ *мѫкамъ* (Vit. Sanct. ed. Miklоš. v. 162, 187, 251); Петра и Аньдрея брата *ємоу* (Остр. Ев. 60, 284 на об); дроугый же отъ ученикъ *ємоу* рече (тамъ же 63 на об.); възложишѧ на главѫ *ємоу* и трьсть въ десницѫ *ємоу* (стр. 187). — Луж. 'łojicka je *jemu* wošjeriła, swjetły meč je *jemu* wozerzawił (I, 15, 17, 18); wšitko je lićko *mu* zbljedńene (I, 15, 20); hólcy zjjedli *nanej* słówki: I, 182, 3; *pastyre* je džówka ćekła: I, 201, 3; woči se *jom'* swjećeštej: I, 243, 2; humŕeło *rejtarej* zówcyšćo: II, 5, 28; su *nam* żywćo uwjadli: II, 55, 30, и пр.

5) *Двойное отрицаніе*. Остр. Ев.: без нєго *ничьтоже не* бысть (стр. 1): bez tebo sameho neje ničo sćińene (Іоан. I, 3); *никомоу* же *не* работахомъ *николиже* (стр. 29), ńejsmy nidy nikoho wotroćcy byli (Іоан. VIII, 33). —Луж. *žaneje* ćežički *nimam*: I, 1, 13; — mój luby *nidže ńeje*: I, 166, 2; *žednego* słowka mje *ńezgronijo*, *žedneje rucki* mje *ńespodajo*: II, 7, 16, 17: и т. д. [166].

6) *Употребленіе личныхъ мѣстоименій, ми, ти, си, наю, ваю вмѣсто притяжательныхъ*: мой, твой, свой нашъ, вашъ, на пр: въ Остром. Ев. самъ *си* несы кр҃стъ (стр. 220); дай вѣр-

---

[163] Instit. lingu. slav., p. 611, 612.

ному *си* рабоу; егда прінdеши въ цѣсарьствіи *си* (Glagol. Cloz. Граммат. Ц.-Слав. стр. 65; но Остр. Ев. въ этомъ последнемъ примѣрѣ: въ цр҃ьствии *твоемь*: Лук. XXIII, 42; стр. 192); гдѣ *ти* смерти жало, гдѣ *ти* аде побѣда (Римл. XVI, 8, 9); въ Даміанов. Апостолѣ: ученикомъ *си*, служба *ми*; впрьвый *ми* отвѣтъ (Inst. lingu. slav., p. 607, 608). — То же въ Лужицкомъ: mać ta je *mi* wumřeła: I, 36, 5; pši *waju* kwasu: I, 276, 115; zamřeł *nama* nan a mótерka: II, 11, 44. — Плеонастическое сочетаніе притяжательнаго мѣстоименія съ личнымъ, частое въ Ц.-Слав., очень любимо Лужицкимъ нарѣчіемъ; впрочемъ, замѣтимъ, что въ древнѣйшихъ рукописяхъ Ц.-Славянскихъ употребляется одно притяжательное мѣстоименіе: отъ того часа поѧтъ ѭ оученикъ тъ въ *своя* (Іоанн. XIX, 27; Остр. Ев. 193), вм. *своя си.* Въ позднѣйшихъ: по *своей ему* воли (Евр. II, 4); во *своихъ си* (Фил. II, 21); см. Добр. Instit. lingu. slav., p. 606 — 607. — Луж. što ty činiš *mi mojim* hajku? (1, 1, 9); *swoje sej* koniki sedowachu, *swoju sej* šiju a' 'łowu zrazy (1, 3, 2, 14); ja nimam wjenca *mi swojeho* (I, 10, 14); ńeje te *naju namaj* Sotsički 'łós? (I, 1, 42); wuspał *seбe swoju głowu*, ńehubił *seбe swojich* nogow (II, 7, 31); rožyca paze *mje* na *mói* crej (II, 8, 10); zajšła *nama naju* góšćinka (II, 11, 46)

7) *Употребленіе притяжательныхъ прилагательныхъ вмѣсто род. падежа существительныхъ.* Примѣровъ изъ Ц.-Слав., по общей извѣстности ихъ, не привожу. — Луж. *holčcyna* komorka: 1, 7, 2; *korčmarjowa* džówka: I, 11, 10; *pastyrjowa* žona: I, 203, 4; *šaparjowa* Hanka: II, 110, 4; *słodarjowy* (портнічій) syn: II, 131; *fararjowo* (des Pfarrers) gumno, *šularjowy* (Schulmeisters) hows: II, 134, 3, 5; *mótercyne* kuřetka; *nanowe* baranki: II, 140, 2, 3; *mótercyna* som: II, 189, 6; *hereŀowa* (орлиная) swažba: II, 194; *kježorowa* knježna: II, 195, 29; *hospodarjowy* wotroćcy (Matth. XIII, 27); k *Jezusowymaj* nohomaj (XV, 30); Šimane *Jonasowy* syno (XVI, 17); z *maćerneho* žiwota (XIX, 12); *horněerjowa* rola (XXVII, 7). Въ Лужицкомъ языкѣ оборотъ этотъ употребителенъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ Ц.-Славянскомъ родительный, или, по свойству языка, дательный

падежъ: и привали камень надъ двьри гробоу (О. Е. 194 на об: Луж. pšed *rowowe* durje) (Марк. XV, 46); ѥмоу же нѣсмь достоинъ да отрѣшѧ ремень сапогоу ѥго (О. Е. '4: Луж. *črijowe* remeški): Іоан. I, 27. — Когда существительное имя, заключающееся въ притяжательномъ прилагательномъ, имѣетъ при себѣ приставочное слово, либо другое существительное, либо прилагательное, мѣстоименіе и числительное имя, сила скрытаго въ притяжательномъ прилагательномъ падежа родительнаго переходитъ на приставку. Это свойство древняго Русскаго языка, а не Ц.-Славянскаго. Въ нашихъ лѣтописяхъ часто встрѣчаемъ такое сочетаніе: *Глѣбовая Гюргевича;* внука *Володимеря Мономаха;* — *Ярославль* сынъ *Володимерича;* — оженися князь Ярославичь Андрей *Даниловною Романовича* (Лавр. Лѣт., стр. 147, 172, 181, 202) — Слово о пълку *Игоревѣ Святъславича.* Сочетаніе это встрѣчается въ нашихъ памятникахъ до самаго новѣйшаго времени, на пр.: на Пороховницѣ 1642 г. читаемъ слѣдующую надпись: Княжь Михайлова сына Князя Романа Михайловича Чермнаго. Или надпись на зеркалѣ: Зеркало Князь Ивановы Княгыни Борисовича Черькаского. Или: Крошня Княжь Григорьевой жены Семеновича Куракина (См. Описаніе памятниковъ древности Церковнаго и Гражданскаго быта Русскаго Музея П. Ѳ. Коробанова, составл. Г. Филимоновымъ. Отд. II, стр. 26—27, Москва, 1849 г.). Въ Луж. нар.: Krala Dawidowe słowa; Jana chćenikowa hłowa; kńeza hetmanowa džówka; žołtoh' knadžowe ṕerko [164]. Подобное этому сочетаніе встрѣчаемъ и въ пѣсняхъ, съ тою разницею, что здѣсь притягательная (аттрактивная) сила притяжательнаго прилагательнаго и самый родит. падежъ приставочнаго слова претворяетъ въ падежъ, одинаковый съ падежемъ прилагательнаго: we *mojej panowej* za'rodži, we *mojim panowym* dwori (вм. mojoho): I, 70, 1; 145, 1. Другаго рода аттракція въ пѣсняхъ Лужицкихъ, чуждая и Ц.-Славянскому и Русскому, состоитъ въ томъ, что, послѣ родит. падежа, вызваннаго отрицаніемъ въ главномъ пред-

---

[164] Граммат. Іордана, стр. 187, §. 148.

ложеніи, независящее отъ отрицанія дополнительное слово въ придаточномъ ставится также въ родительномъ: žaneje čežički sobu nimam, stož jenož *wjenaška rucaneho*: I, 1, 21, 22; nikogo nejstej tam nadejšłoj, ak tog' *jadnego pšeajadnika*: II, 4, 3, 4.

8) Послѣ глаголовъ *быть* и подобн. управляемое ими слово въ древнѣйшихъ памятникахъ Ц.-Славянскихъ, на пр., въ Остром. Еванг.: еда и вы хощете *оученици* єго быти? (стр. 40), 'čeće wy tejž jeho *wučomnicy* (Н.-Л. jogo hukńiki) być? (Іоан. IX, 27); вы зовете мѧ *оучитель и Гдь* (Остр. Ев. 157 на об.): Луж. wy mi rjekaće *mišter* a *kńez*, wy mńe grońišo *hužabńik* a *knjez* (Іоанн. XIII, 13); *сынъ* вышьняаго *наречетьсѧ* (Остр. Ев., 270), budźe *syn* najwóšeho *menowany*, bužo *syn* togo nejhušego *pomenjony* hordowaś (Лук. I, 32), и въ языкѣ Лужицкомъ ставится *въ именит. падежъ*, а *не въ творительномъ*, какъ въ Русскомъ. На пр., часто встрѣчающаяся форма: *moja*, *twoja* być, быть моею, твоею: I, 238, 16, 17. Подобно тому и въ Евангеліи: łuchich čini won słyšacych, a njemych ryčacych (Mark, 7, 37), гдѣ въ Ц.-Слав. (О- Е. 193) неокончательное наклоненіе, а въ Русскомъ непремѣнно творительный падежъ.

9) Ц.-Слав. оборотъ: *бѣ видѣти:* и *бяше* си *вѣдѣти* радость на небеси и на земли (Лавр. Лѣт. 50), очень любимъ Луж. нарѣчіемъ, на пр.: žadyn kameń widźeć ńebje (Н.-Л. žeden kameń ńebješo wižeś) (I (3) kn. wot kralow: VI, 18); *bješe słyšeći* daloko: I, 73, 6; žaneje ščežčički *widźeći ńeje:* I, 155, 2; na tebi *je widźeć*, zo.... I, 163, 1; nico wjacy wot *neje widźeć nebje*, hać.... I, 290, 43; twój głós *jo słyšaś* daloko, šyroko: II, 7, 2, 3; ščažcycki, drožcycki *wižeś ńej'*, teke tog' sołojka *słyšaś ńeje*: II, 19, 2, 3.

10) *Genitivus partitivus*: pój 'šak a pomhaj mi '*róchu žneć*: I, 16, 13); 'češli *cuzoh' kraja* nawedźić (I, 151, 2); tam budu *caltow* kupić (I, 23?, 12).

11) Сходно съ Русскимъ, *при нѣсколькихъ подлежащихъ, глаголъ и прилагательное, въ началѣ, ставятся въ числѣ единственномъ: zamŕel* nama nan a móterka (II, 11, 44); wot *mójog'* nanka a móterki: II, 32, 20.

12) Чисто Лужицкій оборотъ: *винительный падежъ послѣ неокончат. наклоненія глагола, in oratione obliqua*, гдѣ въ

Ц.-Слав. и въ Русскомъ обыкновенно дательный: šćó ma nam wobarać *weselych* być: I, 26, 3 (веселымъ или веселыми быть)[165].

13) Не встрѣчающійся въ пѣсняхъ, но за то очень обыкновенный въ переводахъ Библейскихъ, оборотъ: won budźe *z kralom* (онъ будетъ царемъ: Лук. I, 33); budź *kńezom* na swojich bratrach (будь господинъ братьямъ твоимъ: Быт. XXVII, 29); won budźe *z kńezom* na tebi (онъ будетъ господинъ тебѣ: Быт, III, 16), принадлежитъ исключительно В.-Лужицкому нарѣчію, а въ Нижне-Лужицкомъ замѣняется, какъ часто и въ Русскомъ, именит. падежемъ. Неправильность такого оборота доказывается усиліями языка въ новѣйшее время откинуть предлогъ, вѣроятно, въ подражаніе Нѣмецкому, прибавленный къ коренному Славянскому творительному падежу, употребляемому въ этомъ случаѣ.

14) Замѣтимъ еще весьма важное свойство нарѣчія Верхне-Лужицкаго, по которому *отглагольное существительное*, вмѣсто родительнаго (genitivus objecti), *требуетъ дополнительнаго слова въ томъ падежѣ, какимъ управляетъ глаголъ*: twoje to *łóski plećenje, twoje* to *črije, štrympy wobuwańe*, twoje to *šórc a pelc woblekańe*, twoje to *wjenc, bortu stajenje*: I, 258, 37—40.

Наконецъ, къ числу Германизмовъ въ Луж. нарѣчіи принадлежитъ: а) *Употребленіе члена*, или, въ видѣ члена, мѣстоименія указательнаго: tón, постоянное въ переводахъ Библейскихъ; болѣе рѣдкое въ пѣсняхъ народныхъ; въ языкѣ разговорномъ, по словамъ Іордана, вовсе исчезнувшее; б) *Instrumentalis при посредствѣ предлога z, безъ исключенія*: I, 28—30; 2, 68; 5, 2; 7, 33 и т. д. в) *Неокончательное наклоненіе вмѣсто причастія, послѣ глаголовъ видѣть, слышать* и под., на пр.: słyšał dźjećo płakać: I, 292, 4; но также: ja widźich róbla lećo: I, 243, 1; г) *Myjego* dla, *twyjego* dla, вм. правильнаго mojedla, twojedla, въ Нижне-Луж., въ подражаніе Нѣмецкому meinetwegen: II, 1, 33, 40; 48, 37; д) *Опущеніе глагола въ рѣченіяхъ*: wón je preč, dyrbiš pšez morjo: er ist fort, du

[165] Instit. lingu. slav., p. 634. — Но Іорданъ въ Грамматикѣ утверждаетъ, что въ этомъ случаѣ употребляется дательный: člov'ekej ńeje dobro samomu być; стр. 196, §. 166.

mussl übers Meer: I, 234, 4; 238, 20; е) *Wono* (es) *въ видѣ подлежащаго при безличныхъ глаголахъ*; ж) *Отглагольное существительное съ предлогомъ k послѣ глагола есть:* wza 'šitka, štož k branju bješe(was zu nehmen war): 1 kn. wot kralow: VIII, 5; XIV, 26; joho rozom ńeje k wusljedženju (Jes. XII, 28) (нѣчто подобное находимъ также въ нѣкоторыхъ Западныхъ Слав. нарѣчіяхъ, особливо Чешскомъ),—и нѣсколько другихъ оборотовъ: kusk dale (ein Stück weiter): I, 2, 73; ty sy ḿe pšines' we moju ćesć (du hast mich um meine Ehre gebracht): I, 105, 25 и т. д.

Изложивши правила Синтаксиса, сколько позволялъ мнѣ короткій объемъ изслѣдованія, для полнаго рѣшенія вопроса, по предначертанному плану, предложу еще замѣчаніе относительно Лужицкаго *Словаря*. Лексическая часть Лужицкихъ нарѣчій отличается ближайшимъ сходствомъ съ Западными Славянскими: Польскимъ и Чешскимъ. Это сходство условлено тысячелѣтнимъ сосѣдствомъ—необходимостію, не только возможностію, взаимнаго обмѣна. Такимъ же образомъ, но подъ другими условіями, воздѣйствовалъ Церковно-Славянскій языкъ на Русскій книжный (но не народный, несравненно ближе подходящій къ нарѣчіямъ Западнымъ), передавъ ему множество отвлеченныхъ понятій, которыя получили въ немъ право гражданства и стали его плотію и кровію. Вліяніе Ц.-Славянскаго на Русскій языкъ по преимуществу было духовное, религіозное, мысленное; вліяніе Западныхъ на Лужицкій—фактическое, домашнее, хозяйственное.—Наплыву Нѣмечины, исказившей лицевую сторону особенно Нижне-Лужицкаго, соотвѣтствовало, почти въ одинакихъ размѣрахъ, враждебное вліяніе Туречины на Сербскій языкъ; но здѣсь, если можно такъ выразиться, пострадала больше изнанка, языка; зараза не коснулась нисколько живаго организма понятій, въ связи съ своероднымъ выраженіемъ ихъ въ языкѣ. Преимущественно этѣми двумя отношеніями: а) къ соплеменнымъ языкамъ Западной вѣтви, и б) къ языку Нѣмецкому, опредѣляется лексикологическій составъ Лужицкихъ нарѣчій, безъ сомнѣнія, испытавшій великіе перевороты, съ тѣхъ поръ, какъ Лужицкіе Сербы выселились изъ предѣловъ

Великорусскихъ и Бѣлорусскихъ. Не смотря на то, въ отдѣльныхъ словахъ и рѣченіяхъ, въ немъ слышимъ, хотя отдаленный, но тѣмъ болѣе завѣтный, отголосокъ родныхъ нашихъ звуковъ; и въ мѣрѣ стиховъ, и въ уныло-таинственномъ напѣвѣ, столь живо напоминающемъ наши родные мотивы, оживаетъ и Русская мысль и Русское слово. Любимый дактиль, завершающій Русскій народный стихъ, живетъ и въ Лужицкой пѣсни (Ср. особенно пѣсни 12 и 16 въ В.-Луж. Сборникѣ). Приведу замѣчательное свидѣтельство Смолера въ пользу этого важнаго сходства. «Напѣвы Лужицкихъ пѣсень,» говоритъ онъ (въ Предисл. къ В.-Луж. Сборнику, стр. 25), «очень походятъ на Великорус-«скіе; за исключеніемъ плясовыхъ пѣсень, онѣ, большею частію, «поются протяжно и трепещущимъ голосомъ... Такъ бываетъ, «по крайней мѣрѣ, при началѣ каждаго такта первой ноты, въ «особенности же на послѣдней нотѣ цѣлой пѣсни. Когда по-«слѣдняя нота принимаетъ низкую октаву, или квинту, то она «затягивается такимъ образомъ, что ниспадая въ этой послѣд-«ней съ decrescendo на morendo, немедленно, безъ перерыва «голоса, переходитъ въ forte въ началѣ высокой октавы, или «квинты, которою зачинается новый оборотъ пѣсни; совершен-«но сходно съ пѣснями Козаковъ и другихъ Славянскихъ, Вос-«точныхъ, племенъ. Достойно замѣчанія, что Лужицкіе Сербы «очень часто вставляютъ въ пѣсни свои припѣвы *ha* и *hale*. «Каждую пѣсню начинаютъ они однимъ изъ этѣхъ припѣвовъ; «нерѣдко даже вставляютъ ихъ въ текстъ, тамъ, гдѣ недостаетъ «для мѣры стиха одного слога, частехонько между существи-«тельнымъ и прилагательнымъ, не придавая имъ никакого зна-«ченія. Эту особенность встрѣчаемъ мы и въ Малорусскихъ «пѣсняхъ, которыя часто также начинаются съ припѣва *гей*, «или *ой*. Нѣчто подобное находимъ и у Великоруссовъ, которые «каждому обороту пѣсни предпосылаютъ припѣвъ: *ахъ*, или *ой*.» — Въ языкѣ много отдѣльныхъ оборотовъ и словъ, либо вовсе чуждыхъ Западной вѣтви Славянскихъ нарѣчій, либо вышедшихъ изъ употребленія, которые дома у насъ, и вынесены Лужичанами, по всей вѣроятности, изъ нашей отчизны, въ тѣ отдаленныя времена, когда она была ихъ собственною. Таковы слова: В.-Л.

bole, *najbole*, болѣе, наиболѣе, въ Русскомъ, а не Сербскомъ значеніи: въ Пол., и Чеш. исключительно więcej, více; въ Н.-Л. wjecej (и В.-Л. wjacy); на пр.: tej' je mi najbole žel (I, 2, 69); ton muž wobohaći, dale a bole (I Kn. Mois. XXVI., 13); pšeco bole a bole: Н.-Л. wetše a wetše (Ps. 74, 23); čim bole (Jes. IX, 1);—В.-Л. *prašeć*, prosyć, Н.-Л. pšašaś, въ смыслѣ вопроса (въ Пол. и Чеш. исключит. pytać, otazati); на пр.: ńewesta poča so swatow prašeć; kóždu wosebje prašała (I, 3, 16; 213, 13); ja 'cu tebe prašeć, wuč mie (Hiob. XXXVIII, 8); ja so po nim prašach (Ps. 37, 36); pšašali su se tam, pšašali, żo je ten nowy dwór: II, 185, 3; II, 28, 10, и т. д.; — Н.-Л. *perwy* (В.-Л. prjeni, Чеш. prwní, Пол. pierwszy), на пр: perwy ten raz (II, 3, 21); — В. и Н.-Л. *skoro*, скоро, въ Русскомъ смыслѣ (Пол. prędko, Чеш. hned, Н.-Л. ned); skoro же въ Пол. значитъ: лишь только, въ Чешскомъ и Н.-Л. почти), на пр.: skoro budže čas pšinć (1 kn. Mois. XXVII, 41); je so noc skoro minuła? (Jes. XXI, II); skoro ńepšindu: I, 105, 5; 123, 3; 136, 46; 265, 41; 276, 79, 90; 293, 18;—В.-Л. *rózno*, розно, врозь (ни въ П. ни въ Ч.) da naju luboscje rózno ńech du: I, 24, 13; 1, 60; 32, 4; 43, 6; 63, 24; 119, 46; 149, 30; 330, 24;—*skeŕe*, скорѣе, potius (Пол. raczey, Чеш. raději), на пр: clonicy a kurwy moža derje skeŕe do božeho kralestwa pšinć, dyžli wy (Matth. XXI, 31);—В.-и Н.-Луж. *kak*, *kajki*, *kaki* (Пол. и Чеш. jak, jaki), на пр.: kak dołho? (Jes. VI, 11; Луж. п. I, 272, 3; 275, 4, и т. д.);—В.-и Н.-Луж. *wjec*, вещь (Чеш. wěc, но Пол. rzecz), на пр.: dy by to była mi móžna wjec (I, 162, 5); kak dźiwna wjec so podała (I, 293, 2); złośćnik wumysla sebi złe wjecy (Ps. 10, 2); — В.-Л. *lubować*, въ Русскомъ смыслѣ: любить (Пол. kochać, Чеш. milowati, Серб. миловати, Н.-Л. lubowaś, lubo mjeś), на пр: Isaak lubowaše Esaua (1 Kn. Mois. XXV, 28); Jakub lubowaše Rahelu bole dyžli Leu (XXIX, 30): Israel Josepha bole lubowaše, dyžli 'šitke swoje džjeći (XXXVII, 3); kajž młody hólc lubuje swoju lubku, tak budža će twoje džjeći lubować (Jes. LXII, 5); swoje wy hańbi postajiće, cuze pak lubujeće: Луж. п. I, 25, 22; lubuju ja lubuju moje młode žiweńcko: I, 65, 25; 293, 118; 301, 24; — *nuzny*, въ смыслѣ Русскаго: нужный, въ какомъ это слово ни въ Пол., ни въ Чеш.

не употребляется, а только potrzebny (Пол. же nędzny, Чеш. nuzny, значатъ: бѣдный, нуждающійся); и на оборотъ, въ Н.-Л. potrjobny, въ смыслѣ: нуждающійся: tomu chudemu a potrjobnemu woni ńepomogachu (Hesek. XVI, 49); — *porók*, порокъ, въ Русскомъ значеніи (слово, въ Пол. языкѣ вовсе не существующее, а въ Чешскомъ съ спеціяльнымъ значеніемъ сглаза), на пр.: štóž bez poróka khodži (Ps. 15, 2); božje pućje su bez poróka (Ps. 18, 31); wobaj khodžeštaj po wšitkich pšikaznjach teho kńeza bez poróka (Luk. I, 5); — *dźerźeć*, *żarźaś*, (вм. Пол. trzymać), на пр.: Jes. XXXII, 8;—Н.-Л. *ńežli* (В.-Л. dyžli), нежели (Пол. niż, niźli, Чеш. постоянное než), на пр.: Hesek. XVI, 47;—*dljeje*, долѣе, (Пол. dłużej, Чеш. déle): zrudnosć ta dljehe ńetraji, hać.... (I, 114, 15); ńebych dljehje čakał (I, 321, 30); 'cych hišče dljeje žiwy być (Jes. XXXVIII, 10); — В.-Л. *stwa*, Н.-Л. *jspa*, *spa*, обличающее происхожденіе свое отъ истопка, изба: I, 65, 11; 243, 14; 254, 26; II, 3, 14; 138, 3; — В.-Л. *rot* (Н.-Л. ret), замѣнившее всюду въ переводахъ Библ. Ц.-Сл. уста (Н. Л. husta): Jezech. II, 8;—*kostać*, Русск. костить, въ смыслѣ: бранить, наказывать (ни въ Пол., ни въ Чеш.), на пр.; Ps. XXXIX, 13, и т. д.;—*rubežny*, рубежъ, рубежный (ни въ Пол. ни въ Чеш.), на пр. Ps. 76, 5;—*lichomstwo*, лихоимство (Ц.-Сл. лихва, Пол. lichwa, lichwiarstwo, Чеш. lichwarstwj), на пр: Ps. 15, 5;—В.-Л. *što*, Рус. што (Пол., Н.-Л. и Чеш. *co*): I, 75, 18; 116, 11; 118, 1; 133, 41; 150, 2; 168, 1; 269, 1; 275, 1; 276, 51; 281, 1;—Н.-Л. *chtó*, С.-Л. *chto*, съ сложными, сходное съ нашимъ разговорнымъ и Малорусскимъ: II, 21, 3; 52, 3; 62, 2, 87, 27; 91, 29; — *cyrkow*, церковь, вм. Ц.-Сл. храмъ (Зап. kościoł, kostel; Чеш. же cyrkew значитъ собраніе вѣрующихъ): I, 121, 6; 275, 18; 285, 86; 286, 9; 290, 37; — В.-Л. *rož*, Н.-Л. rež, въ Чешскомъ вовсе исчезнувшее, и въ Пол. reż, мало употребительное: II, 175, 5;—*pica*, пища (Чеш. pjce, но въ Пол. неупотребительное), на пр: I, 291, 26; II, 2, 4;—Н.-Л. *nocowaś*, ночевать: II, 74, 10;—*štopowaś*, штопать: II, 82, 17; — *ljebina* (рябина), вм. В.-Л. *weŕebinka*: II, 86, 9;—*chachaś*, хохотать (ни въ Пол., ни въ Чеш.);—*rowno*, ровно: zinša rowno tšeši źeń: II, 105, 6; — *chromy*, хоромы (въ Пол. вовсе нѣтъ; въ Чеш. chrám,

храмъ); — *glušyna*, глушь (ни въ Пол., ни въ Чеш.); — *godaś*, гадать (Пол. говорить, Чеш. предвѣщать);—*jerešiś so*, ерошиться (ни въ Пол., ни въ Чеш.);—*kidaś*, *kinuś*, кидать (въ Пол. нѣтъ);—*łajaś*, въ смыслѣ Русскомъ, лаять (Пол. szczekać, Чеш. štěkati);—*ljebgoźiś*, лебездить;—*nuchać*, *nuchaś*, нюхать (Пол. wąchać, Чеш. čenichati);—*miedwedź*, *mjadweź* (сходное съ Русск. и Словацк.; въ Польск. и Чеш. nedwed', niedzwiedz; — *piknuś*, пикнуть (въ выраженіи: ни пикнулъ, не сказалъ ни слова: ни въ Пол., ни въ Чеш.); — *nerešny*, неряха (ни въ Пол., ни въ Чеш.; срав. Серб. ресити); — *trubka*, курительная трубка (Пол. и Чеш. fajka); — *tešny*, тошный (Чеш. teskliwy, Пол. tęskny), II: 101, 16;—В.-и Н.-Л. *wosebje*, особенно, преимущественно (въ какомъ смыслѣ употребляется Пол. zwłaszcza, Чеш. zwlášte; — Н.-Л. *zadora*, чисто по Русски: задоръ (ни въ Пол., ни въ Чеш.);—даже Русское потчивать, Н.-Л. *pošciwać* (въ смыслѣ подарка и угощенія: Слов. Цвара, стр. 251, отъ слова: почтить);—Н.-Л. *dołoj*, Русское долой: II, 16, 1; 187, 31; Hezek. XX, 1; XXI, 7; XLIII, 3; Dan. III, 5); — Н.-Л. *hobuza*, Русское обуза;—Н.-Л. *pódlja*, polja, plja, В.-Л. *podla*, *pola*, въ смыслѣ Русскаго подлѣ (ни въ Пол., ни въ Чеш.): II, 12, 8; I, 149, 11; 161, 12; 171, 6; 300, 16; 55, 36; 90, 4;—Н.-Л. *kotary*, В.-Л. *kotry*, С.-Л. *chtery*, который, въ смыслѣ вопросительнаго и неопредѣленнаго: *кто*: I, 247, 2, 8; II, 31, 20; 32, 5; 68, 20;—*wečor*, *wjacor*, Русское нарѣчное вечоръ: I, 120, 7; II, 6, 2; и пр. — Замѣтимъ еще употребленіе словъ: В.-Л. *swatba* (Н.-Л. swaźba), вмѣсто обычнаго въ Зап. Слав. нарѣчіяхъ wesele, kwas (II, стр. 230); *wotcenaš* (вм. Пол. pacierz); *bjeda*, въ значеніи Ц.-Слав. горе (Matth. XVIII, 7; XXIII); но то же и въ соплеменныхъ Польскомъ и Чешскомъ. — Особенное сходство Лужицкаго языка съ Русскимъ въ свободѣ составлять глаголы съ предлогами, на пр.: *dostać*, достать: I, 54, 18; *dopšašowaś*, допрашивать: II, 5, 16; *dogoniś*, догонять; *nadegnaś*, надогнать; *hobinuś se*, (Русское: не обинуясь); *hobojam*, обойму; *hobojś*, обойти; *pozastać*, пріостановиться; I, 6, 16; *pomjeć* (по-имѣть, подержать недолго, съ особеннымъ значеніемъ, присвоеннымъ предлогу *по*): I, 73, 29; *pšechadowaś*, прохаживать; *pšegljedaś*, про-

глядѣть; *zagledas' se*, заглядѣться; *pšiwodžeć so*, пріодѣться: I, 202, 9; *powohladnyć so*, пооглянуться: I, 280, 21; *postrowić so*, поздороваться; *porokować*, порочить; *pšepodać*, преподать; *wobdziełać*, обдѣлать; *wobodrać*, ободрать: I, 15, 19; *wobołhać*, оболгать: I, 27, 24; 101, 49; *wobmjezować*, обмежевать; *wuprosyć*, выпросить: I, 67, 37; *wuronić*, выронить: I, 162, 16; *zejhrawać*, заигрывать: I, 113, 7; 116, 6; *napłakać sej* sylzow dosć, наплакаться вдоволь: I, 257, 6; *nahotować*, наготовить: I, 78, 21; pšijmeš, принять, вм. пріять: II, 10, 18;—въ рѣченіяхъ и оборотахъ: *hić po* wodu, *po* hriby: I, 65, 2; II, 76, 1; 197, 2; *posłać po* jab'óčko (то же и въ Чешскомъ; но въ Польскомъ, кажется, неупотребительно); *po* wodu: II, 62, 36; I, 94, 20; płačatko *sej zaspjewe*, weslje *sebi spjewajo*, *поетъ себѣ*: I, 96, 4; 270, 3; *špacjeruju sebi*, *гуляю себѣ*; *ja ci ći!* я ти!; — нарѣчное употребленіе причастія или дѣепричастія, совершенно какъ въ Русскомъ: co se mje zezda pasecy? II, 8, 3; swjecyčka jo mje se zgórjeła, ze wšyknymi drugimi grońecy: свѣчка у меня сгорѣла, со всѣми другими говорючи: II, 13, 21, 22; na bjełym pjesačku sežecy, z čeŕenym jabłuškom zejgrawacy, do kiarcmy su ju pšiwjadli: на бѣломъ песочкѣ сидючи, краснымъ яблочкомъ играючи, привели ее: II, 22, 5, 7; ja wižim mójog' lubego pši jadnej drugej stojecy: II, 54, 3, 4; — Н.-Л. *gaby*, кабы, если бы, и пр.

Нѣкоторыя слова напоминаютъ Церковно-Славянскій языкъ, откуда они, можетъ быть, и перешли къ Лужичанамъ, въ незапамятную эпоху сожительства этѣхъ послѣднихъ съ Булгарами въ Русскихъ предѣлахъ, или же принадлежатъ имъ, какъ *общеродовое* наслѣдство: вѣщать, *wješčeć*, wješčachu: I, 3, 8; 280 (Пол. и Чеш. zwjastuję, zwěstují): 1 kn. wot kralow: XVIII, 29; *so wózerać*, озираться (въ Средне-Луж. или пограничномъ діалектѣ), слово, вовсе не существующее въ Чешскомъ, а равно и въ Польскомъ неупотребительное; вмѣсто его и въ томъ и въ другомъ oglądać se, ohlédati se, и Пол. obzierać, чаще obejrzeć; — *płat*, платъ, *płast* (Pšisł. V, 3), *kral*, *pljeć*, плѣть, полоть: I, 146, 29, необыкновенныя при общей замѣнѣ долгаго Ц.-Слав. *a* долгимъ *o*: I, 3, 34; 11, 18; 33,

7; 62, 5; 147, 20; 270, 22, 23;—*pastyr*: I, 201, 3;—*roćić se*, ротитися (слово, рѣшительно чуждое Польскому и Чешскому): I, 213, 19, 22; его нѣтъ даже въ Луж. переводѣ Библіи: Matth. XXVI, 74, и Марк. XIV, 71, гдѣ Остромирову ротится соотвѣтствуетъ Луж. so pokleć, zakleć;—*wečerjać*, вечерять (слово, общее всѣмъ Зап. Слав. нарѣчіямъ) и *wečerja*, ужинъ (I, 77, 2; 110, 3; 169, 2; 255, 7;—65, 8; 95, 45; 147, 11; 255, 5); — *wečor*, вечерь, въ смыслѣ запада: I, 77, 43; — *prajernića*, слово древнее, встрѣчающееся только въ пѣсняхъ народныхъ: I, 120, 53, отъ глагола прать (Р. и Пол. прачка); нынѣ вездѣ и въ языкѣ разговорномъ: płokarnića (см. примѣч. Смол. къ I т. Луж. пѣс., стр. 368); — *wumrećje*, умертвіе, вм. смерть: I, 50, 147;—остатки мѣстоим. *сей* въ словахъ *džensa* (вм. džen-sja, dnja-sja, дня сего): Н.-Л. źinsa: II, 15, 25; I, 55, 35; и *ljetsa* (ljeta-sja) сего лѣта: I, 87, 32;—*mjesto*, въ смыслѣ мѣста, а не города (въ какомъ смыслѣ употребляется Пол. mjejsce, и Чеш. místo): I, 293, 40; 331, 71; II, 174, 25; — *wjaseleńe*, увеселенье, вм. wjaselo, веселье: II, 200, 33; — *wotsal*, отселѣ: I, 147, 22;—*wotkal*, *wotkel*, отколѣ (Русское откелѣ): II, 22, 32; — *doniž*, дондеже: I, 258, 17;—*sem*, сѣмо: I, 284, 2; — *dotal*, дотолѣ: I, 141, 6; — В.-Л. *horje*, Н.-Л. *górej*, горѣ, въ сложныхъ глаголахъ: I, 1, 4; 5, 16; 83, 4; 114, 2; 276, 21, 48, 133; 289, 14; 301, 10; и самостоятельно: I, 5, 14; 23, 1; 34, 9; 117, 17; 276, 153; II, 19, 12; 22, 41; 87, 26; 91, 31; 102, 17; — *horjo*, горе: I, 190 (въ Пол. нѣтъ);—*nikula*, николи: II, 2, 14; 28, 26; 42, 31; 75, 18; — *zwolić*, изволить (ни въ Пол., ни въ Чеш. въ этомъ значеніи: II, 4, 11);—*благо есть* съ дат., błožko jo: II, 7, 37;—*naspet*, *wospet* (вм. zaso), вспять: II, 24, 20; 200, 12 (въ Пол. нѣтъ; а Чеш. nazpet);—*raz* вм. кратъ (В.-Л. króć) въ Н.-Л. (хотя есть и въ Пол. и въ Чеш., но въ Н.-Л. почти въ исключит. употребленіи: II, 3, 21; 23, 9; 24, 24; 154, 8; 169, 16; 183, 9; 192, 4; 195, 5; — 197, 5; *dostojny*, въ см. Пол. godny, warty (Luk. XX, 35; Jan. I, 27); — *zrudny*, *zrudoba* Ц. Слав. трудъ, печаль, грусть (въ этомъ смыслѣ ни въ Пол., ни въ Чеш.), Jes. 61, 2; Луж. пѣсни: I, 9, 16; 38, 1, 3; 40, 16;

50, 146; 51, 11; 82, 8; 97, 18; 102, 40; 114, 15; 135, 4; 147, 44; 148, 12; 149, 2; 222, 1; 265, 36; 293, 47, 77; 311, 7; 331, 10; и т. д.;—*lješka*, гряда, Ц.-Слав. лѣха (а В.-Л. *hrjada* означаетъ бревно, сродное съ: градити);—В.-Л. *zrjebje* С.-Л. *zgřebjo*, жребя (ни въ Пол., ни въ Чешскомъ);—*smertny* (Пол. smiertelny, Чеш. smrtedlný): Ps. 7, 14; 9, 14; — *stwelc*, стволъ (слово, чуждое Чеш. и Польскому): 1 kn. Mois., XLI, 5; — *wrotny*, развратный (ни въ Пол., ни въ Чеш. не существующее слово): Ps. 18, 27; 101, 4; Pšisł. Salom. 8, 13; — *wokudeć*, оскудѣть (ни въ Пол., ни въ Чеш.): Psisł. Salom. XI, 24; — *kńeženje* (Пол. księstwo, Чеш. knížestwj): Jes. XXXII, 7; — *tełko*, толико (Пол. и Чеш. tyle, tele): Jes. XXXVI, 8;—В.-и Н.-Л. *ṕeńez*, *ṕeńežk*, пѣнязь: I, 5, 53; 26, 4; 45, 10; 60, 14; 284, 17; II, 37, 31; 57, 7; 130, 29; 180, 2;—В.-и Н.-Л. *zda*, мзда: I, 26, 4; 45, 10; 121, 23; 160, 13; 225, 15; — Н.-Л. *welgin*, вельми: II, 44, 7; 48, 4; 65, 4; 75, 20; — *borzy*, скорый: I, 154, 8; 331, 12 (въ Пол. *bardzo*, очень);—*kiž*, кій: I, 116, 120;—Н.-Л. *chopiś*, хопить, начинать: II, 51, 22; 81, 14; 113, 30; 184, 9: wo zachoṕenju stwori Bog nebjo a zemju; wo zachoṕenju bješo to słowo;—Н.-Л. *ognišćo*, огнище: II, 92, 1; — В. и Н.-Луж. *nuts*, внутрь: I, 16, 34; 47, 50; 50, 8; 82, 17; 101, 11; 129, 20; 130, 24; 292, 22; 307, 1; 331, 54; II, 102, 31; 113, 2 (ни въ Пол., ни въ Чеш.); *pakośc*, въ значеніи: алчность, лакомство (въ Пол. pakośnik, въ Чеш. pakost, pakostnice: болѣзнь въ костяхъ);—*pozdže*, station поздѣ;—*zarazyś*, заразити, ударить до смерти;—*wotrok*, отрокъ, слуга: I, 171, 9; и пр.—совершенно противное духу Зап. Слав. нарѣчій употребленіе сравнит. степени вм. превосходной: *starši* (вм. najstarši), *řenši* (вм. najřeńši), *mudrejšy*, *młodšy*, *młodša*, *goršy*, *rjednejšy*, *zwažnejšy*: I, 50, 148; 1, 67; II, 182, 17; 197, 21; 238, 1; 250, 4; II, 9, 19; II, 22, 33, 36; II, 51, 51; II, 75, 11, 12; и пр.

Изъ словъ очень древнихъ, замѣчательныхъ по смыслу, или же по исключительному употребленію въ Луж. нарѣчіи, назову слѣдующія: *nan*, отецъ, но употребляется въ Библіи и wośec, и wotc;—*khjejza*, домъ: I, 95, 29;—*wićaz*, помѣщикъ:

I, 85, 8 (по отношенію къ побѣдителямъ - Нѣмцамъ; см. Die ält. Denkm. der böhm. Sprache, S. 97; прим. Смолера; I, 363; 8, 364); — *kńez* (kńejski, kńeži), въ смыслѣ господинъ, человѣкъ свободный, какъ бы самъ себѣ господинъ: въ этомъ смыслѣ это имя прилагается и простолюдину, но не женатому, не связанному брачными узами: kńez hólčik, точь въ точь, какъ въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ всѣ парни величаются князьями; — *kńežna*, не княжна, а дѣва, свободная, не связанная замужствомъ, также барышня; а *князь* слыветъ у Лужичанъ wérch; — *hólc*, парень (отъ holy, необросшій бородой); *hólca*, дѣвица; — *wotrohi* (сродн. съ слов. вострый: шпоры): I, 25, 14; — *wutroba* (Н.-Л. hutšoba): I, 96, 8; II, 2: *сердце*, — слово, не существующее въ языкѣ Лужицкомъ; а вмѣсто утробы встрѣчаемъ въ Библіи слово В.-Л. *jerchen*, Н.-Луж. *neri* (Ps. 26, 3), Нѣм. Nieren; — *kisałe*, уксусъ; — *zahroda*, *zagroda*, садъ, и *sad*, огородъ: I, 245; 134, 2; — *blido*, столъ: I, 28, 37; II, 16, 31; *kubło*, имѣніе: I, 32, 4; — *skubłaś*, воспитать: II, 186, 33; — *pohonč*, кучеръ: I, 11; — *hromada*, *gromada*, куча; (w)'romadu, 'romadžje, вмѣстѣ: I, 149, 4; 102, 3; — *wjaža*, домъ: II, 14, 10; 101, 40; 116, 5; 123, 1; — *zgło*, *zgełko*, рубашка: II, 115, 4; 102, 4; — *nawoženja*, женихъ: I, 273, 5; II, 186, 19; — *groniś*, говорить: II, 52, 12; — *doba*, пора, со всѣми производными: *zdobny*, удобный, *nadobny*, красивый и пр.: I, 112, 10; 141; 168; 225, 17; 248, 9; — *šerenje*, привидѣніе: I, 72, 2; *mary*, носилки, одръ (Bahre), въ выраженіи: šółcina na marach steješe (остатокъ древняго поклоненія Моренѣ); — *jesno*, быстро: II, 187, 32; — *kedžba*, вниманіе: I, 271, 2; 276, 82; 293, 1; — *huchac*, Средне-Луж. *wychac*, заяцъ; — *zaraz*, сабля, кинжалъ; — В.-Л. *zbožje*, счастіе; Н.-Л. *zbožo*, скотъ; — *zemjan*, дворянинъ; — В.-Л. *pécak*, С.-Л. *swjecnik*, каминъ; — В.-Л. *žołma*, С.-Л. *žwal*, волна, валъ рѣчной и морской; — В.-Л. *lubja*, С.-Л. *najspa*, чердакъ; — С.-Л. *chodota*, домовой; — *twarić* строить; — В.-Л. *knihi*, С.-Л. *knigły*, книга; — *starosć*, стараніе: II, 58, 48; 113, 15; — *strowy*, здоровый; — *póraś*, parare; II, 86, 15; 97, 5; 113, 2, и пр.; — два слова; В.-Л. *khjetry* (быстрый): I, 57, 15, и Н.-Л. *bytšy*, свѣтлый: II, 32, 4, замѣчательнымъ образомъ напоминаютъ намъ Южно-Сербскія: *хитар* и *бистар*, съ одинакимъ значеніемъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ 18 стр. (стр. 11)—и нарѣчіи *tola*, сокращенномъ изъ toho*dla*, togo*dla*.

Къ 21 страницѣ (строк. 3): И Русскій языкъ въ словѣ: тяжело измѣняетъ мягкое *т* въ *ч:* чижело.

Къ 23 стр. (стр. 8 о. к.): Исключенія составляютъ слова, въ которыхъ Лужицкое *о* (Ц.-Славянское долгое *а*) разлагается, въ Русскомъ языкѣ, на два короткіе *о*: здѣсь буква *г* всегда сохраняетъ и въ Нижне-Лужицкомъ свой первоначальный звукъ.

Къ 25 стр. Всѣ подобныя вставки (въ раздѣленіи глаголовъ съ предлогами вставочной гласной *о* или *е*: rozo*ź*jeliś, woteprаś и т. д.; въ словахъ kis*a*le, w*o*zel, w*e*zeł, mog*a*ł (Ц.-Слав. вꙿзлъ, могꙿлъ), указываютъ на значительные остатки сохранившагося въ Нижне-Лужицкомъ языкѣ полногласія, ибо всюду почти соотвѣтствуютъ Церковно-Славянскимъ полугласнымъ ꙿ и ь.

Къ 26 стр. (стр. 8 о. к.). Въ словѣ m*an*dželstwo (отъ корня мѫжь) окрѣпъ старинный носовой звукъ. Это, кажется, съ словомъ gj*an*zor (гѫсь), единственное исключеніе изъ общаго правила.

Къ 27 стр. (стр. 3 о. к.). Изъ нихъ dźewêć, kńežna, ćežki, измѣнили первоначальное *ja* въ *je* на основаніи общаго правила, между двумя мягкими согласными, въ языкѣ Верхне-Лужицкомъ.

Къ 62 стр. (стр. 11). Въ переводѣ Библіи Френцеля постоянно встрѣчается въ иныхъ словахъ окончаніе *l'*, въ другихъ окончаніе *ŕ*. Напр: radžićel (1 kn. Mois. XLI, 45; Rom. XI, 34); stwořićel' (Ps. XCV, 6;)—и dželaćeŕ, syjeŕ, podčišćeŕ, pšcsćjehaŕ, podteptaŕ, pšedawaŕ, poščowaŕ, и т. д.

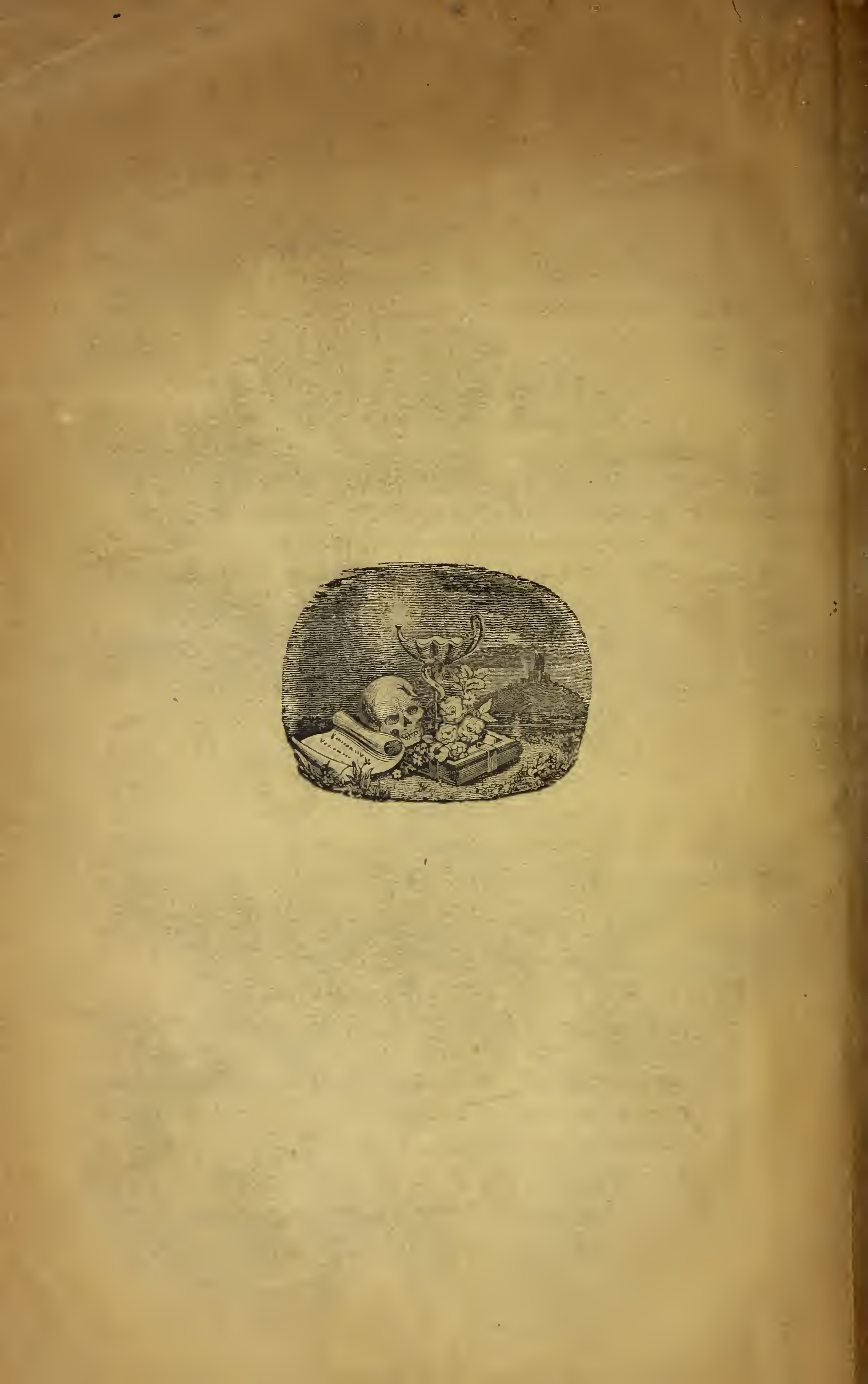
Къ 89 стр. Окончаніе родительнаго падежа множественнаго въ Нижне-Лужицкомъ на *i*: въ словахъ końi, luži, swińi, źjeśi (какъ и въ В.-Л.) вмѣсто *ow*, естественно считать сокращеніемъ изъ первоначальнаго *ich*. Въ В.-Луж. пѣсняхъ встрѣчаются два дател. падежа: *husom* (I, 39, 29) и *końom* (I, 230, 18); а въ Н.-Лужицкихъ *lužom*: II, 18, 8.

—

ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:		Читай.
Стр. строк.		
18, 6:	žany вм. žadny, Пол. и Чеш. žadny	žana вм. žadna, Пол. и Чеш. žadna
22, 4 о. к.	Луж. rjad; rjaduy	Луж. rjad; rjed; rjadny, rjedny.
25, 16	*sj dom, wosym*	*sydom (sedym), wosym*
27, 20	rečaz (Чеш. řetěz)	řečaz (Н.-Л. řešaz; Чеш. řetěz)
27, 3 о. к.	dźewec	dźewěć
28, 8	Голянское (лѣсное и Западное читаютъ его)	Голянское (лѣсное) и Западное читаютъ его
28, 19	źječi,	źješi,
29, 2	Л. lječeć,	Л. lječeć, lješeś
30, 3 о. к.	иногда	большею частію
31, 3 о. к.	Луж. smerć,	Луж. smerć, smjerś
32, 8	welk, krew,	welk (Н.-Луж. wołk), krej, kšej,
33, 5	существительными глаголами	существительными и глаголами
33, 13	Лужицкомъ)	Лужицкомъ, какъ и въ Нижне-Лужицкомъ)
33, 3 о. к.	črew	črij
34, 2	oho и omu	oho и omu, въ поднарѣчіи Западномъ.
71, 8 о. к.	1) *ja, jo,* удлинен. *ojo,* 2) *owe,* въ Западномъ	1) *ja, jo,* удлинен. Будышинское *ojo,* 2) въ Западномъ
71, 5 о. к.	*owe*	*owe*
71, 2 о. к.	*owe,*	*oŕe*
82, 10 о. к.	*удовъ*; ващихъ Vit. (Sanct.	*удовъ* вашихъ (Vit. Sanct.
87, 17	въ языкѣ Верхне-Лужицкомъ	въ языкѣ Верхне—(и Нижне-Лужицкомъ
88, 19	M. końochńich	M. końoch.
90, 2	и въ Н.-Луж.	(и въ Н.-Луж.

—

JUN 4 1958

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: March 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111